02
Л373

ТЮМЕНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИТЕКТУРНО-
СТРОИТЕЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ

На правах рукописи

Лёвкин Вадим Евгеньевич

КАТЕГОРИЯ «СОСТОЯНИЕ» В ФИЛОСОФИИ:
содержание и концептуирующая роль

09.00.01.- онтология и теория познания

ВК 4862

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских
наук, профессор
М.Н. Щербинин

Тюмень
2000

ТЮМЕНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИТЕКТУРНО-
СТРОИТЕЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ

На правах рукописи

Лёвкин Вадим Евгеньевич

КАТЕГОРИЯ «СОСТОЯНИЕ» В ФИЛОСОФИИ:
содержание и концептуирующая роль

09.00.01.- онтология и теория познания

BN 4852

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских
наук, профессор
М.Н. Щербинин

Тюмень
2000

Оглавление

Введение 3

Часть I
Философское содержание категории "состояние" 17

Часть II
Категория "состояние" как состоявшийся концепт 79

Часть III
Концептуирующая роль категории "состояние":
Философия психологии 134

Заключение и выводы 156
Список использованной литературы 163

Введение

Актуальность исследования. Современное состояние науки характеризуется накопившимися методологическими и содержательными противоречиями, в основе которых лежит слабая философская разработанность проблемы состояния. *На уровне философии* изучение её вопросов, предметов требует рассмотрения их как взаимодействующих систем, которые возможно охарактеризовать через их *состояние,* через *становление состояния*. Объяснительные возможности категории состояния позволяют выделить её в качестве концепта как общего основания для концептуирования. Концептуирующая роль и объяснительные возможности категории "состояние" важны для разных наук, но особое их значение проявляется в проблемном и предметном поле психологической науки. Сочетание концептуирующей роли категории и её особого значения в психологии делает возможным разработку через категорию состояния философских оснований психологии. В настоящее время психология особенно нуждается в философской разработке предельных оснований психологии, благодаря которым стало бы возможным обобщить разнообразные психологические теории. Не имеющие общего философского стержня, микротеории психологии не позволяют изучать, развивать человека и общество как целое. "Трудности в психологии отражают столетия трудностей в философии (Что..., 193)". Именно решение проблемы состояния на философском уровне, по нашему мнению, позволит методологически оснастить решение этой проблемы на уровне философии психологии. Кроме того, для философии имеет значение, что если некоторый класс явлений обобщается в некую систему, то актуализируется возможность выйти на познание нового (более общего) уровня, где эта система выступит уже как элемент большей. Считаем, что таким систематизатором может выступить (на данный исторический период, и в связи с указанной актуальностью проблемы) катего-

рия *состояния,* в совокупности с многоуровневым и другими подходами данного исследования, новыми объяснительными принципами.

На уровне философии психологии работа, по нашему мнению, позволит в будущем создать *концепцию состояния*, в которой будет возможен определённый синтез существующих психологических теорий, поскольку будет разработан концептуальный аппарат, содержащий положения относительно наиболее общих категорий психологии (являющихся предметом философии психологии), данный синтез чрезвычайно актуален. Кроме того, актуальность выбранной темы в том, что любому человеку необходимо умение управлять собой и эффективно взаимодействовать с окружающими, в группе. Изучение вопросов саморегуляции человека на философском уровне имеет большое практическое значение для психического и физического здоровья человека. Работа по теме состояние, управление состоянием является практическим шагом в изменении подходов к психокоррекции и психотерапии, в построении *технологий* обучения управлению психическими состояниями, состоянием в целом.

Обобщая содержание актуальности темы исследования, можно утверждать, что актуальность темы формируется на перекрёстке двух актуальных проблем: раскрытия философского содержания категории «состояние», и поиска предельных оснований психологии.

Постановка проблемы. Существует достаточно много работ, посвящённых вопросам, так или иначе касающимся состояния, функциональных состояний, психических состояний, которые описывают широкий спектр узконаправленных исследований (например, физические состояния, правовые состояния, состояния физиологических функций, психических процессов, потребностей и мотивов, эмоциональных состояний, или ещё уже: о трудоспособности, монотонии, утомлении, стрессах и т.д.). В то же время существует крайне мало работ, посвященных философскому рассмотрению проблемы состояния в целом, состояния общества, группы, человека как состоявшихся целостностей; взаимосвязям, раскрывающим закономер-

ности смыслообразования, культурообразования, становления в обществе, группе и человеке как в "триединой" системе. Высокая степень дробности проблем в изучении систем философского и философско - психологического уровней позволяет, конечно, подробно рассмотреть некоторые аспекты состояния этих систем, но не позволяет увидеть их *в целом*, описать и использовать знания о них, как о сложных и взаимосвязанных системах. Можно наблюдать чрезвычайно высокую, на сегодняшний день, степень противоречивости в использовании категории состояния между науками и внутри наук, противоречивости, недостаточной обоснованности и фрагментарности основанных на таком использовании теорий. В каждой конкретной науке существует своё специфическое понимание феномена состояния. Более того, можно говорить о том, что существуют совершенно различные способы мышления, которые практически не пересекаются. Категория состояния широко используется, но используется без общего содержательного осмысления, что привело к противоречивому и фрагментарному применению этой категории и связанных с ней понятий. Данные обстоятельства, а именно – противоречие между современным уровнем проработки категории состояния и её использованием, а также назревшей необходимостью её обобщённого теоретического использования, и ставят проблему философской разработки категории состояния, и состояния как концепта (в значении – ядра концептуирования). В обобщённом же смысле, *бытие (и его формы) и познание (и его типы) общества, группы и человека, взаимодействие их с миром природы и составляют, в контексте состояния, становления состояния, поле рассматриваемой проблемы.*

Конечно же, философская проблема разработки категории состояния предполагает не только утверждение философского статуса, и выявление философского содержания данной категории, раскрытие категории как философского концепта, но также предполагает и корректную постановку вопросов исследования, определение основных подходов и вообще соответ-

ствующую задачам методологию работы, а также определение категориального инструментария и критериев оценки полученных результатов.

Философский уровень рассмотрения проблемы состояния требует разделения на два контекста: *философский* и контекст *философии психологии*. *Философский контекст* рассмотрения проблемы состояния заключается в представлении предметов *философии* как *систем, обладающих состоянием,* или находящихся в состоянии. *Контекст философии психологии* заключается в рассмотрении предметов *философии психологии* как систем, обладающих или характеризуемых состоянием. Философия психологии отличается от философии как общей дисциплины тем, что предмет философии психологии ограничен контекстом *человека* и *группы*, а философия рассматривает всеобщие закономерности в целом, и всё *общество* в частности. *Уникальность и онтологический статус философии психологии в том, что её роль не в принципиальном раскрытии сущности бытия и познания (философия), и не в обобщении психологических категорий в целостную систему (теоретическая психология), а в том, чтобы показать отношения категорий философии с их референциями в теоретической психологии.* В этом отношении и заключена в основном философия психологии, как та область философии, которая оформилась в истории познания через особые методы в психологическое знание. *На уровне философии* проблема состояния состоит также в определении всеобщих закономерностей, механизмов изменения состояния этих систем, в определении характера и способов управляющего воздействия на эти системы и изнутри данных систем на самих себя. В частности, человечество может рассматриваться как такая система, которая обладает определённым образом развивающимся состоянием. Смена парадигм, общественно-исторических формаций, морали и нравственности, предметов деятельности, уровней средств труда, способов самовыражения, видов искусства, этапов познания, структур личностного шаблона, понятия нормы - всё это и мн. др. подчиняется определённым системным связям, которые возможно про-

явить, используя новые подходы в исследовании. *Бытие (и его формы) и познание (и его типы) общества, группы и человека, взаимодействия их с миром природы и составляют, в контексте состояния, становления состояния, поле рассматриваемой проблемы на философском уровне.*

На уровне философии психологии работа предполагает подготовку философского основания определения самого фундамента, на котором затем строятся *психологические теории*. Это значит охарактеризовать такие всеобщие закономерности, которые позволят определить, во многих случаях – по-новому, знания о сознании, бессознательном, о "Я", способе и этапах познания, самости, личности, психическом, материальном, разуме и рассудке, страхе, объективном, субъективном, объектном, субъектном, сознаваемом, сознательном, о знаке, значении и значимости, языке, целостности, рефлексии, осознании, возможностях познания, о воспитании, окультуривании, ценностях, составляющих состояния, деятельности, закономерностях и отношениях индивидуального и общественного развития и т.д.

Степень научной разработанности проблемы. В философии категория состояния проходит через всю её историю словно в тени, без специального изучения. Уже с III-II тысячелетия до н.э. в древнеиндийской литературе, упоминаются специфические состояния "души", например, состояние "нирваны" (йогическая практика), или "десять состояний любви" описанные в Камасутре (20) Ватсьяяной Малланагой. Гераклит (в VI в. до н.э.) отмечал "состояние" как устойчивый психический феномен, и полагал, что "состояния души" могут переходить из одного в другое. Алкмеон, Эмпедокл, Демокрит и др. полагали, что состояния души обусловлены воздействием внешних и внутренних факторов, а Сократ, Платон и др. - что состояния души индетерминированы. Стоики, эпикурейцы и перипатетики выделяли отдельные виды состояний души (страдания, страсти, напряжённости и т.д.). В качестве же одной из основных философских категорий, *категория состояния* впервые возникает у Аристотеля (5, С.65-66). Если Платон (131) определял состояние через синоним – "расположение",

то уже Аристотель (5) разделяет состояние и расположение наряду с движением, отношением и соразмерностью, ссылается на "большинство мыслителей" использовавших категорию состояния как всё остальное, что кроме сущности. Аристотель, как и некоторые его предшественники, тоже выделял психические состояния души, но подчёркивал и связь между ними и характеристиками телесного субстрата, разделял понятия психического состояния и психической деятельности. Его идеи развивали Гален, Плотин, Августин. Авиценна (980г.-1037г.) указывал на связь эмоций с телесными функциями. Затем понятие "состояние" частично развивают Р. Декарт, Ч.Р. Дарвин, В. Вундт, У. Джемс и др. И только, как указывает Т.А. Немчин (118, С.8-11), с выдвижением И.М. Сеченовым в середине XIXв. принципа обратной связи в формировании и течении психических состояний, открывается новый этап в эволюции учения о состояниях (здесь, с предикатом - "психических").

С этого момента категория состояния начинает в большей мере развиваться как категория психологическая и, в естественных науках – физическая. Благодаря работам Г. Селье, И.М. Сеченова, К. Бернара, Г.Л.Ф. Гельмгольца, Ф. Гальтона, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, У. Кеннона и др., с развитием концепции гомеостаза и рефлексологии, исследования психических состояний становятся на научную основу. Возможно, что именно самой истории применения категории состояния в философии обязана психология тем, как поздно эта категория обрела психологический статус и значение. По словам В.А. Ганзена (29, С.126-142), только "после выхода в 1964 г. книги Н.Д. Левитова "О психических состояниях человека" термин "психическое состояние" получил широкое распространение. Как известно, в физике к этому времени категория состояния была уже гораздо более подробно разработана (агрегатные состояния, устойчивые, возбуждённые, связь состояний как вид причинности, и т.д.), но, как и в психологии, в физике категория состояния носит сугубо конкретный (фиксация феномена) характер, без философского осмысления, раскрытия содержания того, что

же такое само состояние, как категория. Но, при всей длительности истории развития категории состояния, специальным (и, к сожалению, весьма редким) предметом философского изучения она становится только в двадцатом веке, в частности, в работах В.И. Кемкина (методологические функции категории состояния) и Б.Ф. Сорокина (категория состояния как предмет субстанциального подхода), а также Е.В. Сироты (в филологическом аспекте) и Е.В. Ситниковой (в педагогическом аспекте); при этом в психологической литературе мы не найдём на них ссылок, т.к. их исследования практически не используются психологами, психофизиологами, биологами и т.д. Состояние определяли Б.А. Грушин, И.Д. Панцхава, М.М. Розенталь, В.Н. Сагатовский, Г.А. Свечников, В.И. Свидерский, А.П. Шептулин, Э.В. Шпольский, и др. В разработке психологического содержания категории состояния участвовали в основном учёные второй половины двадцатого века: это работы Н.Д. Левитова, П.К. Анохина, Г.И. Акинщиковой, В.А. Ганзена, Е.П. Ильина, В.М. Мясищева, Т.А. Немчина, К.К. Платонова, А.О. Прохорова, Ю.Е. Сосновиковой, В.В. Суворовой, и др., развивавших преимущественно идею о "делении психических явлений" на процессы, состояния и свойства, по критерию динамичности, лабильности, скорости изменения самих явлений, где, по признаку динамичности, состояния занимают промежуточное положение. Очевидно, что и здесь нет собственно философского осмысления проблемы состояния, или философской постановки проблемы. Можно сделать важный, для нашего исследования, вывод о том, что общетеоретически категория состояния на уровне философии и, тем более, на уровне психологии разработана слабо, в практическом же плане развивалось, в основном, понятие "психического состояния" вообще или конкретных психических состояний (напр., "эго-состояния (Э. Берн)") в психологии, "гипнотических состояний" и "патопсихологических состояний" в психотерапии и психиатрии, "функциональных состояний" в психофизиологии, и различных конкретных состояний в физике. В целом же, в наиболее интересующей нас области – психологии,

понятие "психическое состояние" получило развитие, главным образом, в узконаправленных исследованиях, таких как "состояния оптимальной работоспособности", "утомление", "монотония", разные "формы депрессивного и психологического стрессов", "экстремальные состояния" и т.д.

Объект исследования. Исходя из противоречия, обусловливающего проблему раскрытия философского содержания категории «состояние» и реализации концептуирующей роли данной категории, объектом исследования выступают основы человеческого бытия и познания в аспекте их состояния, становления состояния.

Предметом исследования, в свою очередь, мы выделяем содержание категории «состояние», концептуирующую роль категории состояния в основании философии психологии как условного раздела философии, направленного на поиск предельных оснований психологии. Частными же предметами исследования полагаются: сама категория состояния, её содержание в конкретно-научном познании, философский статус, объяснительные возможности, основные функции и методологическое значение категории.

Осуществление же концептуирующей роли указанной категории мы видим в обосновании *философии психологии* как раздела философии (конечно же, условного), в выделении её предметов, задач и методов, в раскрытии содержания проблемного поля, становления (филогенез и онтогенез) состояния человека, группы, общества, в уточнении и раскрытии содержания предельных категорий философии психологии с помощью новых подходов и объяснительных принципов[1].

Гипотеза. Категория состояния в данном исследовании вводится не только как одна из основных категорий философии, но и как концепт (в значении основания для концептуирования). Предполагается, что философское содержание категории состояния и её концептуирующая функция окажутся достаточными для того, чтобы поставить по-новому проблему

[1] См. ниже, теоретическая и методологическая основа исследования.

философских оснований психологии, уточнить предмет, задачи, методы и проблемное поле философии психологии.

Цель и задачи исследования. Целью работы является решение проблемы слабой философской разработанности категории «состояние», а также постановка и начальное решение проблемы поиска философских оснований психологии. В качестве основных задач ставятся следующие:

1. Показать необходимость философской разработки проблемы состояния, проанализировать общее положение дел в рассматриваемой области, проследить историко-философские корни в исследовании проблемы, в использовании и применении самой категории состояния, а также выделить современные подходы к решению проблемы.

2. Раскрыть философское содержание категории состояния, определить её философский статус и методологическое значение. Предполагая концептуирующую функцию, показать данную категорию как состоявшийся концепт.

3. Уточнить проблематику философских оснований психологии, определить критерий поиска этих оснований и выделить сами предельные основания психологии. Уточнить предмет, задачи, методы и проблемное поле философии психологии.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Проведённый в работе анализ понятий, моделей и представлений различных авторов позволяет сделать *вывод*: Проблема состояния в целом (на философском уровне), психических состояний (уровень философии психологии) и уж тем более управления состоянием (политика, социология, практическая психология, педагогика) - не решены, их нерешённость приводит к глубоким противоречиям в изысканиях учёных как друг с другом, так и самих с собой. Указанные в работе противоречия становятся очевидными только при использовании целого комплекса подходов (и в этом обоснование их применения). Одного системного подхода недостаточно (это доказано на

анализе модели психических состояний А.О. Прохорова (140)[1]). В такой комплекс включаем, кроме системного и экзистенциального (в аспекте существования состояния и относительности к нему известного, неизвестного и непознаваемого), нами выделяются: многоуровневый, критериальный, информационно - энергетический, а также объяснительные принципы, кроме известных (развития, детерминизма и системности), нами выделяются: рассмотрение жизнедеятельности человечества и человека в различных сферах жизнедеятельности, разделение (напр., в смыслообразовании) общечеловеческой и индивидуальной линий эволюции, принцип отождествления – разотождествления (интериоризации – экстериоризации) как одного из механизмов формирования отношений в системах общество, группа, человек. Одним из общеметодологических принципов работы является "принцип методологической адекватности". Это значит, что в работе использованы не только приведённый комплекс подходов и объяснительные принципы, но и вообще различные методологии в том виде и объёме, в каком оказываются адекватными поставленным задачам или логике исследования. Среди них: феноменология, операционализм, копенгагенизм, общая семантика, трансперсонализм, инструментализм, прагматизм, этнометодология, феноменологическая социология, и др. В исследовательском ключе построена и обзорная часть работы, где выявление многочисленных (и на наш взгляд очень существенных) противоречий в работах разных авторов имеет только одну цель – показать, что проблема состояния не решена, обосновать использование новых подходов и вопросов в решении проблемы. С этой же целью мы, возможно, больше обычного используем приём дословного цитирования – чтобы показать, как именно конкретный философ использовал категорию состояния в своих изысканиях, какой семантикой нагружал эту категорию. Такой метод позволяет находить очень тонкие смысловые грани исследуемого нами предмета. Мы рассматриваем такой метод как *реконструирование образа значений.*

---

[1] См. далее в первой части.

Несмотря на то, что работа является теоретической, она предполагает выход в прикладные области психологии, педагогики, социологии, политологии, и др. наук, где возникает необходимость охарактеризовать состояние системы или проявляется проблема управления состоянием. Этим выходом в прикладные области наук закладывается принцип – философия, психическая деятельность – практика, как и предметная деятельность. Такой подход позволяет выделить связь между культурно детерминированными состояниями и способами действий человека; связь между феноменологическим полигоном человека и обобщениями его состояний в работах философов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Категория состояния обладает философским статусом, т.е. является одной из основных категорий философии (наряду с движением, отношением, сущностью, и др.).

2. Категория состояния в определённом в работе виде может рассматриваться как концепт, т.е. как основание для концептуирования.

3. Концептуирующая роль категории состояния может быть использована в поиске предельных оснований психологии в качестве "ключа" к раскрытию содержания философии психологии, понимаемой как концепция состояния.

Новизна исследования. Поскольку можно утверждать, что до сих пор остаются мало исследованными как категория состояния, так и её концептуирующая роль, общая новизна исследования заключается как в подходах, так и в самой теме исследования. В конкретной форме новизна исследования состоит:

1. В раскрытии содержания категории «состояние», как одной из основных категорий философии. В выявлении общеметодологической роли категории состояния.

2. В утверждении не только философского статуса категории «состояние», но и её статуса как концепта.

3. В выявлении, и в новой постановке проблемы поиска предельных (философских) оснований психологии. В уточнении предметов, задач, методов, актуальности и необходимости такого исследования. В выделении проблемного поля и направлений данного поиска.

4. В использовании категории состояния как концепта в развитии философии психологии.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическую значимость исследования можно подразделить на теоретическую значимость для философии и теоретическую значимость для психологии, психофизиологии, и др. частных наук. Для философии разработка содержания категории состояния позволяет восполнить существующие эпистемологические пробелы. Для психологии – позволяет использовать новые системообразующие принципы в теоретизировании и объяснении, позволяет ответить на многие методологические и содержательные вопросы.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что в исследовании ставится и в начальном виде решается проблема поиска и уточнения философских оснований психологии, которая в существенной своей части является эмпирической наукой. Смеем надеяться, что осуществлённая нами работа способна повысить комплементарность философии и психологии, возможности корректного и эффективного теоретизирования в психологии.

Работа может быть использована при разработке и чтении общих курсов по философии, спецкурсов, при разработке технологий управления и обучения управлению состоянием, психическими состояниями, для проведения обучающих семинаров и психологических тренингов в любых группах.

Апробация работы. Материалы диссертационной работы обсуждались (с отчётом о произведённой реакции): на 47-й студенческой научной конференции (Тюм. госуд. универ., Высш. пед. школа, 1996г.), где доклад автора в секции "коррекционная психология" получил первое место; на 48-й студенческой научной конференции (Тюм. госуд. универ., Высш. пед. школа,

1997г.) в секции "социальная психология", автор получил денежный приз; на I-й научной конференции молодых учёных, аспирантов и соискателей (Тюм. госуд. архит.-строит. акад., 7 окт. 1998г.) в секции "социальные, гуманитарные и экономические науки", где доклад автора также занял первое место; на первой региональной научно-практической конференции "Обеспечение энергоинформационного благополучия населения" (к обсуждению проекта закона в Гос. Думу РФ) в Тюм. госуд. мед. акад., 17 окт. 1998, доклад автора был признан актуальным, практически и теоретически значимым; на II-й научной конференции молодых учёных, аспирантов и соискателей (Тюм. госуд. архит.-строит. акад., 10 нояб. 2000г.). Материалы диссертационного исследования широко использовались автором в лекционной и семинарской работе, в подготовке и проведении психотренингов. Полученные в диссертационном исследовании теоретические представления использовались в качестве основы для курса лекций "Основы управления состоянием" прочитанного автором в период с 1997 по 1999 г. для сотрудников и персонала компании "Орифлейм"[1]. В качестве теоретического и методического материала работа в 1999 г. использовалась при чтении лекций, в подготовке и проведении психотренинга для персонала мастерской по ремонту телерадиоаппаратуры[2]. На основе разработанной методологии был осуществлён анализ деятельности в г. Тюмени религиозной секты Свидетели Иеговы. Определён мировоззренческий базис, методологический инструментарий, выявлены приёмы психологического воздействия на состояние населения, среди которых – навязывание философски противоречивых идей и ценностей. Полученные результаты обобщены в статье: Лёвкин В.Е. Управление состоянием людей: И голос их сладок – да речи не чисты: Свидетели Иеговы в Тюмени // Тюмень, Инф.-изд. экологический центр "Исток", журнал "Синильга", № 3, 2000. С.38-41. Некоторые из основных идей диссертационной работы отражены также в статьях: Лёвкин В.Е. Управле-

[1] Тюмень, НИИПлесдрев, ул. Одесская, 52а, и детская поликлиника №1, ул. Профсоюзная, 79.
[2] Тюмень, ул. Мельникайте, 97.

ние состояниями человека, группы, общества // Современная Россия: смыслообразующие факторы развития. ТГУ: 1999. С.43-45.; Лёвкин В.Е. Философия психологии, и становление философии в практический статус // Категория состояния в философской рефлексии. ТГУ: 2000. С.10-19.; Лёвкин В.Е. Объяснительные возможности категории состояния в решении дескриптивно-прескриптивной проблемы // Категория состояния в философской рефлексии. ТГУ: 2000. С.19-23.

Материалы диссертационного исследования в период с 1996 по 1999гг. использовались в работе трёх психологических лабораторий (две (1996-1998) на базе ТГУ – ВПШ (под руководством И.Е. Варкина), одна (1998-1999) на базе кафедры медицинской психологии и психотерапии ТГМА (под руководством С. Сазонова). Осуществлённая работа показала высокую эффективность использования предложенных в исследовании разработок.

Структура работы. Объём работы– 171 стр. Исследование состоит из введения (14 стр.), трёх частей (I – 62 стр.; II – 53 стр.; III – 21 стр.), заключения и выводов, списка использованной литературы (211 наим.). Первая часть, посредством анализа содержания категории в палитре аспектов и в конкретно-научном познании, раскрывает философский статус категории состояния. Вторая часть, путём анализа и обобщения содержания категории открывает категорию состояния как концепт. И третья часть в начальном виде реализует саму концептуирующую роль категории состояния в поиске предельных оснований психологии (философии психологии).

Часть I

ФИЛОСОФСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ "СОСТОЯНИЕ"

Семантически и этимологически заключённая системность в категории *состояние*. Само слово *состояние* имеет различные однокоренные и связанные слова (напр., Состоявшийся, Состоявший, Состояться, Стоя, Стоять, Состоять, Состоятельность, Достояние, Устоявшийся, Устойчивость, Настойчивость, Благосостояние, и др.).

Очевидно, что категория *состояние* несёт в себе некоторое *со*вместное нахождение, некую *со*вокупность или множественность, которые выступают не как просто совокупность, а как взаимодействующее, функциональное целое. Например, нельзя *состояться* как профессионалу в какой-либо деятельности, если только знать атрибуты этой деятельности, без умения воспроизвести определённый порядок, технологию данной деятельности. Таким образом, категория *состояние* уже этимологически претендует на то или иное выражение *системы* или системного признака, процесса, имеющего *взаимосвязанные составляющие*. Эти процессы имеют выраженную тенденцию к *организации* (состояться, устояться). Тенденцию к организации можно выразить термином *становление* – "движение к бытию, причастность к бытию, поступательный шаг к тому, чтобы быть (Платон, 131)". Так в слове *состояние* обнаруживается не просто *процесс*, а процесс поступательный, имеющий некую *связную, поэтапную последовательность* некоторых *промежуточных состояний*, описывать которые возможно, используя различные вопросы:

Состояние бывает:

- **Кого, чьё** */идентификационное/* (принадлежащее кому/чему);
- **Какое** */описательное/* (выглядящее так-то, делающее что-то);
- **Какое** */оценочное/* (хорошее, плохое и т.д.);
- **Зачем, для чего** */направленное/* (ориентированное на процесс, цель);
- **Почему** */итоговое/* (как результирующее определённых сил).

Опыт применения категории *состояние* можно разделить на несколько аспектов и, по возможности, более конкретно - контекстов: философский, социальный, экономический, правовой, культурологический, политический, психологический, психофизиологический, биологический и физический.

Попробуем проследить в различных аспектах то, каким образом человечеством использовалось и используется категория состояния, какие общие функции выполняет эта категория, какие стороны имеет как концепт.

Правовой аспект. Римское право. Параллельно с тем, как в античной Греции бурно развивалась философия, в античном Риме развивалось право. Однако категория *состояние* использовалась и там, и там, только в различных качествах соответственно. Термином "римское право" обозначается право античного Рима, право Римского государства рабовладельческой формации, уникального в том, что это - то самое право, на основе которого были выстроены все современные формы права.

Все право, которым мы пользуемся, относится или к лицам, или к вещам, или к судебным действиям. Лицами в римском обществе были отдельные люди - физические лица, сообщества физических лиц и независимые от физических лиц учреждения - юридические лица. Людям, сообществам и учреждениям качество *лица* придает *правоспособность* (caput) - социально-юридическая категория, исходящая от государственной власти и состоящая в возможности иметь права и обязанности. Правоспособность в римском праве возникала с рождением человека и прекращалась с его смертью. В исключение из этого правила субъектом права признавался зачатый, но еще не родившийся ребёнок (Римское..., 147).

Именно *состояниями* характеризовалась *правоспособность* человека в древнем Риме. Таким образом, правоспособность определялась тремя состояниями: *состояние свободы* (status libertatis); *состояние гражданства* (status civitatis); *семейное состояние* (statues familiae).

Только при наличии всех трех *состояний* возникала полная правоспособность. Утрата одного из них влекла за собою прекращение правоспособности либо изменение ее содержания. Это выражение она находит в *дееспособности* - возможности лица своими действиями приобретать права, дееспособность предполагает, что человек в состоянии сам осуществлять свои права и обязанности. Раскроем содержание трёх *состояний*, как элементов правоспособности.

Определяющее условие правоспособности человека в древнем Риме это - *состояние свободы*. Применительно к нему римское общество делилось на две категории - свободных и рабов. Правоспособными признавались только свободные. Рабы, не имевшие статуса свободы, были не субъектами, а объектами прав (вещами, обладающими членораздельной речью). Римляне считали рабство необходимым злом. Вместе с тем, не все свободные были одинаково правоспособными. Этим качеством в древнейшее время обладали лишь римляне - носители статуса - гражданства. Неримляне (чужеземцы) хотя и были свободными, но правоспособности не имели. Предпосылкой правоспособности в сфере частного права является определенное положение человека в семье. Только патерфамилиас был носителем полной правоспособности (обладал всеми тремя *состояниями*) и единственным субъектом всех имущественных прав. Члены семьи, будучи лицами, т. е. субъектами прав, могли совершать различные юридические действия, например, заключать договоры по приобретению имущества. Но все их приобретения становились собственностью патерфамилиас.

Правоспособность человека в сфере частноправовых отношений также зависела от наличия *состояний правоспособности* и складывалась из двух элементов: 1) право вступать в римский брак; и 2) право быть субъектом имущественных правоотношений (вещных и обязательственных).

Состояния человека, определяющие его правоспособность, могли изменяться. В Риме считали, что крепость государства зависит от крепости семьи, а крепость семьи зависит от единовластия в семье. Поэтому в семье

вся власть была у отца семейства, ему давались все права в отношении всех вещей и людей в доме. Даже если сыновья были уже взрослые, то это ничего не значило, так как освобождение из-под власти отца семейства было сродни освобождению из рабства (переходу в другое *правовое состояние*). Освобождение также происходило в случае смерти отца или в случае создания детьми своих семей. Но если человек выпадал из семьи, то по римским мировоззрениям, он терял правоспособность. Данное мировоззрение связано с культом предков. Римляне считали, что через отца семейства происходит общение с предками, следовательно, и всё управление в семье должен осуществлять отец. Поэтому если домашние и приобретали какие-то права, то эти права принадлежали отцу, а не им (Римское..., 147). Таким образом, можно отметить, что *состояние человека*, в аспекте *правового состояния* во многом определялось традицией. И хотя многие историки отмечают характерное ещё для раннего римского права чёткое разделение права от субъективных причин, тем не менее, на правовое состояние оказывало огромное влияние традиция культа.

Интересно, что категория состояния осознавалась в древнем Риме и как устойчивая характеристика (правовое состояние), и как неустойчивая (например, недееспособными считались лица, которые были в *состоянии* внезапного искажения психического здоровья (пьяны, взбешены, и т.д.), но только на период искажения).

Естественно, при отсутствии того или иного *состояния права*, что называлось *умалением правоспособности*, у некоторых слоев населения возникали проблемы правоспособности. Так, кроме римских граждан, существовали еще и свободные римские граждане. Эти два состояния зависят от способа приобретения гражданства: 1) по рождению; 2) из-за отпуска на волю. Свободными римскими гражданами считались вольноотпущенные. Вольно рожденные римские граждане были полностью правоспособными как в публичном (участвовать в собраниях, избираться на общественные должности), так и в частном праве (составлять завещание, вступать в сдел-

ки, заключать брак). Вольноотпущенные же не могли принимать участия в собраниях и занимать публичные должности, не могли вступать в брак со свободнорожденными. Кроме того, они имели ряд частноправовых обязанностей перед прежним господином, как то - проявлять почтительность, оказывать услуги и т.д. Однако и для вольноотпущенного была возможность получить полную правоспособность, через получение так называемого присвоения (государственного акта).

Способами умаления правоспособности в древнем Риме являлись: утрата состояния свободы; утрата состояния гражданства; умаление семейного состояния. Дополнительные способы умаления *правового состояния*: 1) Если лицо свидетельствует при завещании, а потом отказывается подтвердить, то санкция – не мог оставлять завещание. 2) Инфатинг - опорочивание репутации лица в публичном праве (не мог быть избран на публичные должности). Применялось ввиду аморального поведения. 3) Не могли оставлять завещания и лица позорных профессий (актеры, проститутки).

Получалось, что по степени правоспособности всё население древнего Рима распадалось на три большие группы: cives (полноправные и неполноправные римские граждане), latini (из латинских государств) и peregrini (иностранцы).

Рассматривая структуру римской семьи, отметим деление граждан по их *семейному состоянию* на *самостоятельных* и *подчиненных*, или, как говорилось в римских источниках, на лиц своего права (personae sui juris) и лиц чужого права (personae alieni juris). Самостоятельным (persona sui juris) был в семье только один человек — paterfamilias, отец семейства, который имел власть над жизнью и смертью каждого члена семьи и все имущественные права. Однако позже, с развитием римского права paterfamilias во многом потерял такую власть (Римское..., 147).

Интересен феномен права на военный трофей, которое определялось своеобразным оправданием римских юристов такого способа завладения вещами тем, что война представляет собой возвращение к "*естественному*

состоянию" вражды всех против всех, которое, по их мнению, существовало до возникновения государства. Отсюда выводилось в более широком смысле право на военный трофей вообще.

Отдельно стоит отметить, что этимологически слово состояние в латинском языке представлено словом статус (status), которое зачастую именно так и переводится – *состояние*. Подключая семантику категории статус, можно сказать, что состояние в правовом аспекте оказывается категорией полагающей и выражающей определённое *положение*, в том числе относительно различных шкал, как, например, шкалы системы ценностей, права, политических отношений и т.д.

Рассуждая о категории состояния в правовом аспекте, отметим, что с одной стороны право отражает собой состояние (общества, политического устройства и т.д.), с другой само право находится в состоянии. Так Нерсесянц (119, С.264) указывает, что законы (и все иные социальные нормы) в состоянии регламентировать, лишь то, что в принципе уже известно; нечто действительно новое невозможно предусмотреть в законодательстве. Категория состояние в правовом смысле, здесь, несёт нагрузку наличия определённых возможностей законодательного регулирования.

С правовым аспектом рассмотрения категории состояния очень тесно соотносится экономический аспект.

Экономический аспект. Так или иначе, но именно правоспособность, её *состояния*, как в античное время, так и в современности, определяют экономические отношения между правовыми лицами в государстве. Например, как уже отмечалось, в римском праве именно семейное состояние (один из трёх основных видов правового состояния или правоспособности), которое делилось на два вида (самостоятельных и подвластных), определяло имущественные отношения в семье. С началом развития римского права только отец семьи - патерфамилиас - был единственным субъектом всех имущественных прав. Члены семьи - подвластные, будучи лицами, т. е. субъектами прав, могли совершать различные юридические дейст-

вия, например, заключать договоры по приобретению имущества. Но, как известно, все их приобретения становились собственностью патерфамилиас.

Основой экономических отношений является собственность. Правовое состояние определяет границы экономических отношений, т.е. возможности участия в распределении и перераспределении собственности. При этом субъект экономических отношений, правовое лицо вправе использовать свою дееспособность в отношении приобретения нового правового статуса или собственности. В этом смысле можно говорить об использовании дееспособности как о становлении в новое правовое и экономическое состояние. Собственность оказывается физическим воплощением использования человеком своих *правовых состояний* (правоспособность) и *состояния дееспособности* (состояние здоровья, возраст и т.д.), будучи, таким образом, экономическим воплощением состояний человека. Возможно, именно эта связь (между собственностью и состояниями правоспособности и дееспособности) и является одним из семантических путей формирования смысла категории состояния – как "накопленное", "заработанное", "богатство" и т.д. Так ещё в древности можно было услышать: он состоятельный человек, у него большое состояние.... "Пример философа Диона: когда Антигон хотел его уколоть низким происхождением; тот, однако, дал ему сдачи: "Я, - сказал он, - сын раба, мясника, заклеймённого и потаскухи, которую мой отец смог взять себе в жёны только благодаря гнусности её промысла. И отец, и мать были наказаны за какое-то преступление. Один оратор, которому я понравился, купил меня малым ребёнком; умирая, он завещал мне всё своё состояние, которое я переправил в Афины, где и посвятил себя изучению философии (Монтень, 114, С.510)". Приведём ещё пример: Платон в перечислении качеств физического тела человека, его материального благополучия, рода деятельности объединяет их понятием *состояния*. "Настоящим знанием и настоящим мудрым умением не являются ни просто *здоровье*, ни просто *физическая красота*, ни просто *богатство* и *благоденствие*, ни *земледелие*, ни *военное дело*, ни *по-*

литика, ни даже *царское правление*. Все эти *состояния человека* и виды его деятельности не есть ни благие, ни дурные, но могут быть и теми, и другими (Платон, 131, С.14, 279а-293а)".

Категория состояния оказывается неразрывно связанной с категорией собственности, а через состояние правоспособности и состояние дееспособности оказывается неразрывно связанной с самими механизмами экономических отношений. Категория состояния проявляет себя и в результате экономических отношений (благосостояние), и в процессе, как становлении в новое экономическое состояние.

В том, как изменяются состояния правоспособности, дееспособности, экономических отношений, существует определённая динамика. Эта динамика определяется, конечно же, целым комплексом причин - этапом познания, определяющим тип общественно-экономических отношений (формации) и средства труда, направленностью познания, культурным основанием и т.д. Древние римляне довольно рано сумели отделить право от субъективных критериев оценки ситуации или события, но всё же их экономические отношения (вспомним пример экономического устройства семьи) во многом определялись традицией, культом.

Культурологический аспект. Культура, в широком смысле слова, способна задавать и задаёт направление познания и свободы для права, возможности для экономики, определяя тем самым отправные точки для состояний правоспособности, возможностей использования состояния дееспособности и отношения к собственности и её виду. Также как правовой аспект тесно переплетён с экономическим аспектом рассмотрения категории состояния, культурологический аспект взаимосвязан с ними обоими. Причём аспект культуры немыслим без чувственной составляющей во всём многообразии его содержания, как экстериоризованной психической реальности. *Состояние человека* в чувственном плане часто оценивают с помощью категории счастья. "Если вы хотите оценить состояние человека с точки зрения его счастья, то надлежит спрашивать не том, что его тешит,

а о том, что его огорчает: ибо чем ничтожнее последнее, взятое само по себе, тем человек счастливее. Ведь для того чтобы чувствовались мелочи, нужно *состояние благополучия*: в несчастье мы совершенно их не замечаем (Шопенгауэр, 196, С.277)". В данном примере, если расширить его контекст, А. Шопенгауэр даёт понять, что состояние человека включает в себя другие состояния, *со*держит их в себе. Эти другие можно обнаружить просто выделив критерий для наблюдения, оценки или описания. Так в состоянии человека через критерий счастья Шопенгауэр указывает на состояние благополучия. По-существу, любой критерий может рассматриваться в формате состояния: счастье – состояние благополучия, несчастье – состояние злополучия, и т.д. Этим переходом в определении феномена на указание состояния и его предиката или характеристики негласно указывается сущностность состояния вообще, а характеристики и предикаты оказываются неким слепком становления состояния.

Общая динамика развития правовых, экономических, технологических отношений задаёт некий ритм смены фаз, определённый поступательный и скачкообразный процесс развития общего взаимоустройства. Та же правоспособность складывалась постепенно, её содержание постоянно изменялось, адаптировалось к новым условиям и само было одним из таких условий. Следовательно и с этой точки зрения, можно говорить об определённом становлении категорий, статусов, *становлении состояний*. Скажем, прежде чем возникли капиталистические экономические отношения с их формами собственности и распределения ресурсов, капиталистический субъект отношений должен был *состояться* как таковой.

Так, говоря о субъекте договора, обязательно имеют ввиду его *состоятельность*, т.е. соответствие необходимым требованиям для осуществления деятельности в рамках договора. В таких случаях состоятельность выступает и как итог длительного развития субъекта отношений и как синоним компетентности в рассматриваемой сфере деятельности. В отношении становления субъекта отношений приведём в пример широко

обсуждаемую в наше время тему среднего класса. Как отмечает А.Ю. Согомонов (161, С.49), человек среднего класса – тот, кто состоялся, состоялся уже сегодня и на ближайшую перспективу таковым останется. Во-первых, состоялся в материальном достатке, в уровне образования, как потребитель интеллектуальных предложений, и как независимый успешный конкурент на трудовом рынке. Во-вторых, это человек преодолевший в себе прошлое. В третьих, это человек умеющий принимать жизнь такой какая она есть.

Смена правовых, экономических отношений невозможна без соответствующей ценностной (естественной или насильственной) переориентации в самосознании общества. Переход к новому статусу, состоянию невозможен без смещения культурных акцентов или/и выработки новых.

Культурный статус человека своего времени, его *культурное состояние* задаёт некий образный, часто выражаемый во всевозможных формах искусства фон. Этот фон подобен клею, который удерживает правовые и экономические статусы, состояния. Это тот аспект некоего общего состояния человека или даже человечества, который своим становлением, установлением, устоями задаёт стабильность и потому необходимую медлительность смены состояний. Культура оказывается одной из граней состояния человечества в целом, той гранью, которая аккумулирует в себе всё разнообразие форм нового содержания нового состояния и, тем самым, оказывается опорой для следующего шага. Культура как бы замедляет ход истории, но вместе с тем своей аккумулирующей ролью делает невозможным принципиальный откат назад. Такая, с позволения сказать, тягучесть культуры обусловлена её чрезвычайной информационной ёмкостью, которая не может быть выражена только словом, поэтому редуцируется, опредмечивается через все возможные средства, используя ёмкость образа; интонирование, мелодику, полифонию и акцентуации музыки; физическую, ощутимую выразительность скульптуры; чувственную наполнен-

ность театра; ценностную многополярность литературы; осознание своего места в мире в архитектуре и в устоях геополитики.

Политический и социальный аспекты. Закономерно и естественно, что политический и социальный аспекты рассмотрения содержания категории состояния во многом определены правовым, экономическим и культурным аспектами. Политический аспект проявления содержания категории состояния состоит прежде всего в самом факте политического института, как *со-стоявшегося* феномена, в разработке проблемы политического взаимодействия. "Наиболее полную разработку проблема политического взаимодействия получила у Дж. Хоманса и Т. Парсонса. Хоманс интерпретировал взаимодействие в терминах обмена действиями между "деятелем" и "другим", исходя из того, что в процессе взаимодействия каждая из сторон стремится максимизировать вознаграждение своих действий и минимизировать затраты (Человек..., 191, С.57)". Социальный же аспект словно вторит политическому. Во многом управляемое политикой социальное устройство даёт опору политическому аспекту. Именно политический и социальный аспекты вместе в большей мере, чем что-либо другое задают формы взаимодействия остальных аспектов, их локальные перемены. Такое влияние политики и социального устройства объясняется их высокой динамичностью, частой *обратимостью некоторых состояний* (напр., смена и возвращение правящей партии и т.д.). Обратимость состояний, как феномен в условиях необратимости временного потока, позволяет предположить, что обратимые состояния это всегда компоненты состояния системы большего порядка, а их динамичность – это часть общего движения. Такая динамичность оказывается в естественном споре со стабилизирующей ролью культурного аспекта, дифференцирующей ролью правового аспекта, и часто даже с перераспределяющей ролью экономического аспекта. Такое сложное и, чаще всего, противоречивое взаимодействие задаёт некий общий вектор состояния человечества. "Современная философия как новый этап в развитии теоретической мысли отражает *состояние общества* и положение человека в мире

применительно к постиндустриальной эпохе и соответствующему уровню достижений науки (Основы..., 125, С.8)".

В отношении категории состояния политический аспект заключается прежде всего в разработке проблемы *социального состояния,* одной из самых характерных черт которого является противоречие между социальным и природным в одной из более тонких форм этого противоречия – в форме противоречия разумной деятельности и соответствия её некому скрытому природному порядку. По мнению В.В. Ильина, "связность разума и сущего (мира) – капитальнейшая тема, упаковывающаяся в вопрос: в чём скрытая телеология социального (публичного) состояния? Человек разумен. Так. Но строит жизнь не по ratio. Несовпадение одного (жизни) и другого (ratio) давно и откровенно выявлено в понимании. Сошлёмся лишь на Канта: "Проблема создания государства разрешима, как бы шокирующе это ни звучало, даже для дьяволов, если только они обладают рассудком"; и Д.И. Менделеева: "Боюсь больше всего преобладания между членами Государственной Думы теоретиков, будут ли они из либералов или из консерваторов, и боюсь потому, что, любя свои созревшие мысли более всего окружающего, они должны предпочесть идейное жизненному, а в законах это вредно и допустимо лишь в малой дозе" (Социология..., 162, С.23)".

В социально-политическом аспекте человеку, или субъекту взаимоотношений приходится проходить процесс становления похожий и в интериаризованном виде во многом повторяющий филогенез всего человечества. В своём онтогенезе человек проходит фазы становления цивилизации, чтобы *состояться* в роли, качестве, статусе или иначе говоря – *состоянии.*

Так, состояние вообще и состояние человека, в частности, оказывается чрезвычайно общей категорией, несущей огромную смысловую нагрузку. Своим состоянием человек как бы воссоздаёт слепок эпохи и своего времени, воспроизводит его в правовом, дееспособном, экономическом, социальном, политическом, культурном и др. аспектах своего состояния.

Столь обширное содержательное разнообразие категории *состояние* не могло не найти своего отражения в философской рефлексии, где категория *состояние* проявила себя с ещё тысячи различных сторон во всевозможных контекстах, обнаруживая всё новые и новые семантические формы.

Множественность контекстов использования категории *состояние*. Как уже отмечалось, в античное время существовала определённая разница в использовании категории состояния между Грецией и Римским государством. Если в древнем Риме категория *состояние* использовалась в основном как правовая категория, определяющая правоспособность человека, то в античной Греции категория состояния сложилась как *философская категория*. В следующее за античным периодом время категория *состояние* применяется очень широко и в правовом смысле, и во всех своих философских и др. смыслах. Однако в том, как употребляется категория, в том, какие стороны самосознания человечества репрезентирует, на какие области действительности обращает внимание, и какие области непознанного прикрывает, есть много общего на всём протяжении истории человечества.

Так, например, в использовании категории *состояние* можно отметить целый класс явлений – *определения через понятие состояния*. Например:

"Добродетель - наилучшее состояние [души] смертного существа, состояние, заставляющее крайне серьёзно говорить о предмете беседы; состояние направленное на благочиние (Платон, 131)".

"Самочувствие - психическое состояние личности, проявляющееся в своеобразном настрое всех её жизненных проявлений (Спиркин, 164)".

"*Проявление* - состояние человека или его изменение; состояние среды или её изменение, производимое человеком (Зарайский, 55)".

"Свобода от страха – состояние, позволяющее не бояться (Платон, 131)".

"Бесстрастие - состояние неподвластное волнениям (Платон, 131)".

"Неистовство - состояние, губительное для здорового восприятия (Платон, 131)".

"Пренебрежение к философии - состояние человека, ненавидящего рассуждения (Платон, 131)".

Из приведённых примеров можно сделать несколько интересных выводов об использовании категории состояния и контекстах её использования.

Само слово *состояние* зачастую используют как некий "чёрный мешок" для разнообразных эпитетов, сложив в него которые, можно указать пальцем на данный мешок и сказать "вот как бы и целостное определение явлению", в то время как на самом деле определение так и остаётся простой суммой признаков без системного качества. Так, по А.Г. Спиркину (164) то, что "проявляется в своеобразном настрое всех жизненных проявлений личности" является одним из видов психического *состояния* личности – самочувствием. Термин *состояние* не даёт при таком определении никаких дополнительных возможностей, кроме как служит промежуточным звеном сокращения (обобщения) определения, что скорее вызвано вербальным удобством, нежели концептуальной или методологической необходимостью. Однако, даже такое использование термина *состояние* говорит о потенциально заложенных в термине и интуитивно раскрываемых авторами возможностях, открывающихся при использовании данной категории.

Так, Д.А. Зарайский (55), определяя термин *проявление* (см. выше), через понятие состояния даёт смысловую ссылку (намёк) на то, что проявляется вся система (в данном случае человек, среда) и на определённый момент времени, а не какой-либо элемент в отдельности, причём и со ссылкой на изменение, как на определённую смену моментов времени.

Платон (131) в определении понятия *добродетели* (см. выше) указывает на то, что состояние даёт не только возможности, но и является неким детерминатором проявлений, т.е. несёт совершенно определённые ограничения. Платон (там же) указывает и на *тенденциозность состояния*, наличие у состояния некоего вектора, направленности, как у комплекса причин к комплексу следствий. Там же Платон использует понятие состояния в

контексте места приложения системы ценностей ("наилучшее состояние души..."). Систематизировав определения Платона, можно говорить, что категория состояния используется им как 1) способ фиксации некоторого момента времени в общей динамике изменений, 2) совокупность причин, ведущих к определнным следствиям, заставляющим появиться эти следствия, 3) момент в общей динамике, имеющей вектор, направленность на что-либо и 4) такой комплекс существенных характеристик, который подлежит обязательной оценке.

Такие понятия, по Платону (см. выше), как "Свобода от страха", "Бесстрастие", "Пренебрежение к философии" являются интересными примерами построения через понятие "*состояния*" *отрицательного определения*. Складывается впечатление, что при недостатке ментального инструментария авторы (а в примере это античный философ Платон) просто используют понятие *состояния* как всё тот же "чёрный мешок", в который можно положить сумму признаков с добавлением приставки "не", так, как если бы этого было достаточно для определения исследуемого предмета познания.

Обозначенные характеристики использования категории "*состояние*" позволяют выделить одну из интереснейших функций данной категории, а именно *функцию прикрытия зоны неразличимости для сознания*, прикрытия тех областей реальности и субъективного опыта, которые либо не имеют своих референций в языке, либо не обладают предметностью для наблюдателя, ускользают от него, поскольку предметы этих областей реальности могут быть отражены только сознанием другого типа, основанного на более высоком, или/и ином способе познания. Такие области реальности, однако, ощущаются интуицией, образы которой гораздо легче воспринять в чувственной форме, нежели перевести в форму понятий. Поэтому часто, подразумевая такие области реальности, говорят о *состоянии,* пытаясь передать содержание сообщения чувствами, прямо вспоминая и демонстрируя переживания, аппелируя к чувствам собеседника. Так, например, обсуждая эстрадных артистов, известный юморист Роман Карцев

довольно эмоционально сделал акцент на словах Михаила Жванецкого о том, что комик не должен смешить так, как если бы ставил паузы в речь, заранее зная, где публика будет смеяться. "Юмор – это не слова, не упавшая старушка, а *состояние*. Если это *состояние* есть, публика будет смеяться, а если нет, то это уже не юмор, а ужимки для приученной к дурному вкусу публики[1]". В данном примере категория *состояние* используется как способ сказать о "*быть, а не казаться*". Кроме того, *состояние* здесь показывает *необходимое условие требуемых возможностей*, подразумевается, что если есть соответствующее *состояние*, то есть и *возможности*. Таким образом, *состояние* феноменологически предстаёт перед нами и в форме ресурса, сложного комплекса интенций и потенций. Приведём ещё пример из современности. В новостях, по каналу ТВ6[2], шла речь о выставке работ трёх художников. Один из художников: "Мы старались передать своё видение сущности, формы и природы, скажем так, - своё состояние". Диктор новостей: "Выставка прошла с большим успехом, авторы работ сумели выразить в художественном образе своё состояние, черпая темы для картин даже из своих сновидений". Кстати, к разговору о предметах искусства и состоянии, их отношения интересным образом показывает М.М. Бахтин: "Предмет эстетической деятельности – произведение искусства, явления природы и жизни – есть выражение некоторого внутреннего состояния, эстетическое познание его есть сопереживание этого внутреннего состояния (9, С.56)".

В приведённых примерах очевиден бросающийся в глаза смысл использования категории *состояния* – как *способа выразить очень ёмкий смысл* "в двух словах" (*состояние юмора*), как *способа выразить очень глубокий и абстрактный смысл* ("видение сущности, формы и природы"). Быть в состоянии юмора, означает как бы *стать* юмором. Таким образом, *быть в состоянии* ("*со*-стоянии") чего-либо *означает* как бы *стать этим*, хотя бы на время, но *отождествиться* с этим чем-либо. Немного развивая

---

[1] Телепередача. Урмас Отт с Романом Карцевым // Телеканал Россия, 22.20–23.25, 10.08.1999.
[2] Телепередача. Новости // ТВ6, время цитаты: 01час.10мин., 24.05.2000.

этимологию категории состояния отметим, что со-стояние, стояние, стоя – предполагается что нечто со-стоит, стоит вместе. Стоит, значит способно стоять, утверждать себя, стоять на своём, проявлять себя и свои особенности в условиях давления среды. То есть со-стоять, стоять вместе, значит вместе проявлять себя в некоем уже едином для нас качестве, системном признаке.

Кроме богатых возможностей чувственной, интуитивной передачи смыслов, категория состояния несёт в себе возможности многоаспектного описания. Приведём в пример заметку М.В. Ломоносова (94) "О нынешнем состоянии словесных наук в России (1749 г?)", по содержанию которой возможно реконструировать те основные аспекты, которые Ломоносов относил к содержанию состояния как категории.

О нынешнем состоянии словесных наук в России

Коль полезно человеческому обществу в словесных науках упражнение, о том свидетельствуют древние и нынешние просвещенные народы. Умолчав о толь многих известных примерах, представим одну Францию, о которой по справедливости сомневаться можно, могуществом ли больше привлекла к своему почитанию другие государства, или науками, особливо словесными, очистив и украсив свой язык трудолюбием искусных писателей. Военную силу её чувствует, но и в отдаленных частях света разным европейским народам как единоплеменным для сообщения их по большей части служит. Посему легко рассудить можно, коль те похвальны, которых рачение о словесных науках служит к украшению слова и к чистоте языка, особливо своего природного. Противным образом, коль вредны те, которые нескладным плетеньем хотят прослыть искусными и , охуждая самые лучшие сочинения, хотят себя возвысить; сверх того, подав худые примеры своих незрелых сочинений, приводят на неправый путь юношество, приступающее к наукам, в нежных умах вкореняют ложные понятия, которые после истребить трудно или и вовсе невозможно. Примеров далече искать нет нам нужды. Имеем в своем отечестве. Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда ещё не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или быть могут...

Итак, выделим те компоненты, которые лежат в основе представления М.В. Ломоносова о состоянии как категории. Ломоносов, характеризуя современное ему состояние словесных наук в России, указывает на полезность словесных наук и ссылается на древнюю историю (компонент – предшествующие состояния); указывает на другие страны как воздействующие (Франция и др.) (компонент – состояние испытывает система); на состояние как объединяющий фактор (компонент – состояние есть систем-

ное качество); указывает на ценность природного и естественного (компонент – состояние обладает и телеологической компонентой); указывая на влияние словесных наук на людей, предписывает данное направление развития (дескриптивный и прескриптивный компоненты), указывает далее и последствие (компонент – причинная связь состояний); а указывая на богатство российского языка прекрасного и великого до всяких правил писания в словесных науках, предполагает разговор о состоянии такого субъекта бытия, который обладает состоянием и вне его рефлексии и во время её и после (времясвязывающая компонента). Очевидно, что категория состояния используется Ломоносовым, как системное, многоаспектное понятие, характеризуемое полнотой своего содержания и сама характеризующая систему как целостность, открытую взаимодействующую общность причин и следствий.

Таким образом, уже на данном этапе исследования можно утверждать, что категория *состояние* использовалась в истории философии и как обобщение определения (самочувствие, добродетель), и как отрицательное определение (свобода от страха, бесстрастие, пренебрежение к философии), и как некий уплотнитель смысла (как в примере – состояние юмора), и как место приложения системы ценностей (добродетель, неистовство), и как указание на системное качество, принадлежность к состоянию системы более высокого порядка, указание на образование единства из множества, общего качества из индивидуальностей, и мн. др.

Итак, мы обозначили человеческий опыт применения категории *состояние* в правовом, экономическом, культурологическом, политическом и социальном аспектах, затронули философский аспект раскрытия содержания категории *состояние*. Основной целью второй части нашей работы является раскрытие философского содержания категории *состояние*, как концепта. Но, чтобы подойти к чисто философским уровням предельных обобщений, необходимо бросить взгляд на ещё один ряд аспектов содержания или ряд контекстов использования категории состояния. Это конечно, есте-

ственнонаучный аспект в лице физики, а так же биологи́ческий, психофизиологический, психологический и нек. др. аспекты. Без информации и осознания проблем, связанных с категорией *состояние* в этих направлениях изысканий человечества философский анализ оказался бы во многом надуманным, а складывающаяся концепция состояния - не решающей вопросов, которые в принципе, по нашему мнению, решить способна.

Естественнонаучное использование категории *состояние*. В качестве термина состояние *категория состояние* наибольшим образом научно разработана в физике. Так, в физике выделяют несколько агрегатных состояний вещества по характеру связей между молекулами: твёрдое, жидкое, газообразное, жидко - кристаллическое, кристаллическое, плазменное и др. "Само существование различных агрегатных состояний вещества указывает на наличие межмолекулярных сил (Дерябин, Борисенко, 49, С.158)". Тем самым подчёркивается системность объекта, обладающего состоянием.

Кроме того, *состояние* может быть устойчивым, неустойчивым, стабильным, нестабильным, метастабильным и др. – *по способности сохранять свои параметры* в различных условиях.

Состояние может быть *фазовым*, это значит система, находящаяся в таком состоянии, способна при других условиях перейти в другое агрегатное (в данном случае, фазовое) состояние. В термине *фазовое состояние* закреплён интересный для философии смысл *обратимого качественного перехода системы из подчинённости одной системе закономерностей в другую систему закономерностей*. Так, вода, перейдя из жидкого состояния в газообразное, тем самым переходит из области физики жидкостей в область, где работают законы физики газов.

Такой лидер естествознания, как физика, не может обойтись без категории *состояния*. "Типичной задачей физики является отыскание ответа на вопрос о том, *как будет вести себя исследуемая система в данных условиях*. Чтобы сформулировать и решить такую задачу, необходимо задать для

исследуемой системы её состояние и уравнения движения (Дерябин, Борисенко, 49, С.6)".

Состояние системы (в физике) определяют набором независимых друг от друга физических величин. Уравнения движения описывают изменение состояния во времени. Если состояние системы задано, то задача сводится к применению известных физических законов той или иной степени фундаментальности (Дерябин, Борисенко, 49). Интересно, что *"все фундаментальные физические законы не выводятся, а являются обобщением огромного количества экспериментов* (Дерябин, Борисенко, 49, С.322)". В этом парадоксальная особенность науки – ложь, более похожая на правду чем сама правда (Хазен, 188). В философском понимании это значит, что, *чтобы узнать как поведут себя в определённых условиях такие системы как общество, группа или человек, нужно определить их состояние на данный момент и сопоставить его с феноменологическими данными обобщения*. Однако такой подход к прогнозированию будущих состояний систем не всегда адекватен, поскольку данное состояние может не входить в разработанную феноменологией выборку, или иметь ярко выраженную девиантную направленность.

Термин *состояние* чаще всего применяют в случае, когда имеют значение только общие, качественные, или усреднённые параметры системы. Эти усреднённые параметры вместе дают *картину состояния*, которая и важна, а не точность отдельных параметров. Таким образом, термин *состояние* можно определить как совокупность существенных признаков. Так в физике "для решения большого класса задач можно игнорировать дискретное строение вещества и рассматривать вещество как сплошную среду. Это допущение оправдывается тем, что в указанных задачах приходится иметь дело с макроскопическими объектами вещества и явлениями, для которых существенны лишь усреднённые значения параметров, определяющих *состояние среды* (скорости, перемещения, напряжения, температура и т.д.) (Дерябин, Борисенко, 49, С.103)".

Система (как обладающая состоянием) может быть рассмотрена с позиции основного рассматриваемого процесса (*состояние системы* в аспекте основного рассматриваемого процесса) в ней или определённых её свойств, и тогда описание состояния этой системы будет ограничиваться условием описания именно таких параметров системы, которые имеют отношение к рассматриваемому процессу или свойству. Например, если таким процессом (в физике) является тепловое движение или тепловые свойства объекта, то объект будет рассматриваться в качестве термодинамической системы. Если таким процессом (в социологии) является психическое заражение в группе или психические свойства группы, то объект (группа) будет рассматриваться в качестве социальной или психологической системы.

Любой объект рассмотрения можно представить в виде системы, обладающей определённым состоянием. В свою очередь, *состояние* обладает характеризующими его параметрами. Так, даже при равновесии какой-либо системы параметры состояния испытывают небольшие колебания относительно своих средних (равновесных) значений, называемые в физике *флуктуациями* (термин вполне пригоден и для философии). Но это не мешает системе оставаться в неизменном состоянии благодаря тому, что система состоит из большого числа элементов (Дерябин, Борисенко, 49, С.224). Возможно, что обратимость состояний, как феномен указывающий на включённость этих состояний в состояние системы большего порядка есть именно флуктуации состояния этой метасистемы. Стоит заметить, что состояния понимаются и как необратимые: "Наличие озарения, спонтанного перехода к чему-то новому, когда, например, ничего не получилось и вдруг приходит решение, после чего возврат к предыдущему состоянию оказывается невозможным, ... (Паршин, 128, 93-94)".

То есть, состояние может быть определённым только относительно определённой системы координат, точки отсчёта, и относительно другой системы координат требуется уже другое определение состояния. Таким образом, можно сказать, что состояние данной системы имеет сферу соот-

ветствия его конкретному определению, эта сфера содержит в себе все возможные изменения (значения) параметров данной системы, которые не изменяют *качественного определения состояния этой системы* относительно выбранной точки наблюдения.

Иначе говоря, (если признать установившиеся в науке определения за выражающие качественные характеристики предмета познания) *сфера соответствия состояния системы его конкретному определению является границами количественного изменения состояния.*

"Если в системе протекает процесс (изменяется её состояние), то осуществляется целый ряд *неравновесных состояний* (Дерябин, Борисенко, 49, С.225)". Понятие *процесса* в данном случае авторами определено через понятие *состояния*, где каждый выделенный наблюдателем участок процесса так же может быть рассмотрен как состояние на данный период времени. Следовательно можно выделить одну из главных характеристик состояния – временные рамки.

Если рассматривать процессы как динамику в направлении к некоему конечному результату (например, равновесному состоянию системы), то путь к такому результату следует понимать как цепочку *промежуточных состояний* системы. От того, какова эта цепочка промежуточных состояний, зависят *основные свойства состояния, претерпевающего изменения*. Например, "в одних условиях реальный процесс можно считать обратимым, а в других – необратимым, в зависимости от того, как далеки *промежуточные состояния системы* от равновесных (Дерябин, Борисенко, 49, С.225)".

Важную роль в понимании проблемы состояния играют величины, которые однозначно определяются *параметрами состояния*. Их в физике "называют *функциями состояния*, которых существует бесчисленное множество, т.к. любая функция от функции состояния является так же функцией состояния. Изменение любой функции состояния при переходе системы из одного состояния в другое не зависит от пути перехода и всегда равно разности значений в этих состояниях (Дерябин, Борисенко, 49,

С.257)". Среди *функций состояния* в физике особую роль играют т.н. *характеристические функции – внутренняя энергия, энтропия, энтальпия и виды свободной энергии* (Дерябин, Борисенко, 49).

Очевидно, что в других науках существуют свои аналоги физическим характеристическим функциям состояния.

Состояние может, и часто изменяется *циклически*. "*Круговым процессом (или циклом)* называют такую последовательность изменения состояний, в результате которой система, выйдя из какого-либо *исходного состояния*, вновь в него возвращается (Дерябин, Борисенко, 49, С.236)". Так, любая *деятельность* требует циклических изменений состояния, повторяемости и сопоставимости результатов.

Кроме указанных выше подразделений видов состояний существуют более (напр., равновесное) и менее (напр., неравновесное) *вероятные состояния* (Дерябин, Борисенко, 49, С.252). При различных условиях наиболее вероятными окажутся разные состояния. *Статистический вес* (вероятность) состояния – число различных *микросостояний*, которыми может быть осуществлено данное *макросостояние* (Дерябин, Борисенко, 49, С.252). *Отклонение от наиболее вероятного* состояния системы в физике получили название *флюктуаций* (Дерябин, Борисенко, 49, С.253). Как и термин *флуктуации*, термин *флюктуации* естественно необходим и в философии для включения в *общую концепцию состояния*, позволяющую концептуально объединить разработки в этом направлении и использовать полученные описательные возможности для проведения в жизнь целенаправленных изменений в наблюдаемых системах.

Естественнонаучное использование категории состояние ограничено системным подходом и рассмотрением состояния собственно вещества, материальных систем. Это позволяет использовать данную категорию без чёткого объяснения того, а что собственно такое состояние вообще. В естественнонаучной трактовке даются точные описания изменения состояния, но не само состояние, как таковое. Однако, выходя за рамки физики,

не обойтись без общего определения состояния, что отчётливо видно из разнообразия контекстов использования категории *состояние* и многоликости его подразумеваемых смыслов.

Между физикой и философией. *Между такими контекстами применения категории состояния как контекст физики и контекст, к которому устремлено повествование - контекст философии существует большой промежуточный спектр использования данной категории, этот спектр содержит психологический, психофизиологический и биологический аспекты содержания категории состояние.*

Так в *психиатрии* одной из актуальных современных проблем является проблема *пограничных состояний* (Clayton, 206; Devidson, 207) ("нерезко выраженных нарушений, граничащих с *состоянием здоровья* и отделяющих его от собственно патологических психических проявлений, сопровождающихся значительными отклонениями от нормы (Александровский, 2, С.3)"). Наиболее важным следствием любого *пограничного состояния* является развитие у человека в той или иной мере выраженной социальной дезадаптации (Александровский, 2, С.5). Такая трактовка *пограничных состояний,* начавшая складываться в начале 20 века показывает возможности подразделения *состояния* человека в зависимости от критерия его определения, указывает на *роль состояния в социальной жизни индивидуума.*

Способ использования категории *состояние* в психиатрии и психотерапии сходен с его использованием в биологии, где главным критерием оценки состояния является *возможность адаптации* индивида к изменяющимся условиям.

П.С. Граве, М.Р. Шнейдман (1972) (см. Александровский, 2) отмечают, что человек находится в *адаптированном состоянии*, "когда его внутренний информационный запас соответствует информационному содержанию ситуации, т.е. когда система работает в условиях, где ситуация не выходит за рамки индивидуального информационного диапазона… Иначе го-

воря, при внешних влияниях, не выходящих за рамки индивидуального информационного диапазона, индивидуум остаётся в *приспособленном состоянии*, используя уже имеющиеся в его распоряжении, подготовленные фило- и онтогенетическим опытом ресурсы. Процессы биологической и социо - адаптации не прекращаются на протяжении всей жизни человека, группы, общества. В таком свете "жизнь можно рассматривать как *неравновесное состояние* (Александровский, 2)" адаптирующейся системы с окружающей неживой природой.

Указав на приведённые несколько способов, контекстов использования категории состояния, следует отметить, что *при точном когнитивном разделении предикатов термина состояния сам термин состояние остаётся используемым как нечто само собой разумеющееся.* Это, вероятно, стало возможным благодаря ещё античному использованию понятия состояния в отрицательных определениях, которое заложило в эту категорию очень общий, суммарный и абстрактный смысл. Однако с разделением наук этот термин стал использоваться во всё более узких контекстах, что неизбежно породило их взаимные противоречия, но вместе с тем конкретная разработка аспектов состояния в каждой из наук представила возможность философского обобщения данной категории познания. В наше время такое обобщение представляется особенно актуальным, поскольку предполагает существенное расширение описательных возможностей существующей научной картины мира. Более того, отсутствие философской проработки проблемы порождает множество концептуальных противоречий как внутри отдельных наук, так и между ними, что существенно затрудняет исследование всеобщих закономерностей, в частности, в таких системах как общество, группа и человек. Такая постановка проблемы может быть рассмотрена более полно в философии науки.

Прежде чем продолжить анализ примеров использования категории состояние, можно отметить тенденцию, заключающуюся в том, что научное конкретизирование категории состояния (уже используемой филосо-

фами древности в качестве одной из основных философских категорий, наряду с сущностью и отношением (Аристотель), активно используемой в римском праве и имеющей экономический эквивалент в экономических отношениях - собственность) началось с естествознания и его лидера – физики, и постепенно проходило далее через такие науки как медицина, биология, психиатрия, психофизиология, начиная определяться в психологии и социологии.

Продолжая обзор исследований, связанных темой категории состояние, следует отметить, что при всей конкретнонаучности в использовании этой категории есть исследователи, которые понимают значение объединения дробных знаний о человеке, на своих примерах показывающие, что различные состояния разных уровней организации являются системами взаимосвязанных элементов. Так, Л.М. Веккер отмечает (21,22,23), что психические свойства, процессы, состояния, функции принадлежат носителю, субъекту, но проблема соотношения их с этим носителем не разработана. А вот, что говорит по поводу подобной дробности знаний А.Б. Леонова (89, С.3): "До недавнего времени даже термин *функциональное состояние* использовался преимущественно для характеристики деятельности отдельных органов, физиологических систем или организма в целом. Однако необходимость изучения состояний человека расширило рамки традиционного содержания этого понятия и сделало предметом психологического анализа. Подобный выход на, казалось бы "чужую территорию", представляется вполне закономерным, так как именно психологический уровень регуляции играет ведущую роль при решении стоящих перед субъектом поведенческих задач, определяя специфику формируемого состояния". Данное высказывание является примером выхода категории состояния с уровня психофизиологии на более абстрактный уровень психологии, хотя выглядит странным то обстоятельство, что категория состояния приходит в психологию из психофизиологии, а не из философии, где

используется (пускай, в большей степени интуитивно) в качестве одной из основных категорий с античных времён.

В обширной психофизиологической и психологической литературе обычно рассматриваются самые разнообразные виды состояний человека, оказывающих различное влияние на протекание, например, трудовой деятельности. В качестве примеров обычно исследуемых видов *функциональных состояний* называют утомление, монотонию, напряженность, различные формы психологического стресса и состояния, вызванные воздействием экстремальных факторов физической природы, допуская искажения понятий (так, в инженерно-психологических исследованиях нередко термин *утомление* используется как синоним термина *функциональное состояние,* хотя последнее намного шире). Упорядочение огромного числа экспериментальных фактов и преодоление теоретических трудностей, требуют развития общей концепции функциональных состояний (Леонова, 89). Добавим к этому, что на данном этапе общей концепции функциональных состояний недостаточно, нужна *общая концепция состояния* и в её разделах уже будет возможной взаимосвязанная конкретизация более узких направлений, таких как функциональные состояния в психофизиологии или психические состояния в психологии. Тем не менее, из высказывания Леоновой очевидна *тенденция к обобщению материалов науки внутри науки через категорию состояния*, в данном примере это наука - психофизиология. Аналогичную тенденцию можно выделить и в рассмотренных ранее примерах использования категории состояния в физике.

А.В. Завьялов (54, С.3) удачно подчёркивает *взаимосвязанность систем в состоянии,* рассуждая биологическим языком о живом организме: "Живой организм представляет собой сложную саморегулирующуюся систему. Благодаря функционированию множества каналов прямой и обратной связи, его биологические структуры (любого уровня организации) объединены в интегральное целое. Поэтому любая часть организма испытывает непрерывные влияния из множества источников и сама служит ис-

точником влияний на различные биологические структуры. Следствием многостороннего постоянного взаимодействия биологических структур является согласование уровней их функциональной активности, значит об *общем состоянии* организма можно судить по количественным характеристикам многосторонних взаимосвязей функций различных модальностей (сенсорных и эффекторных - функций восприятия раздражителей разного качества, активность скелетной мускулатуры, деятельность желез)".

Живая система (напр. человек, группа, общество), это не только взаимосвязанная система, но и саморегулируемая, открытая система, обладающая своей системой управления. *Мерой эффективности* всякой управляющей системы является степень отклонения регулируемого параметра от должного (оптимального) уровня и скорость возвращения к этому уровню.

Гомеостатические (буферные, поддерживающие динамическое равновесие, жизнь системы) механизмы должны иметь свободу колебаний, так как *именно колебания активируют систему управления и возвращают переменную к оптимальной величине*. "Если колебательная система обладает более, чем одной степенью свободы, то могут измениться все координаты, определяющие состояние системы (Дерябин, Борисенко, 49, С.125)". Если перевести эту цитату с физического языка на философский, то получится, что изменение состояния одного человека как элемента в общей системе группы или социума может изменить состояние всей группы или даже социума, как и наоборот. И более того, такие изменения состояния отдельных людей и даже больших групп, абсолютно необходимы для того, чтобы вся система в целом, а в нашем примере это общество целиком, сохраняла равновесие, другими словами, чтобы общество обладало необходимой для выживания устойчивостью. Но исходя из того, что подобные генерализации движения от малого к большому и от большого к малому постоянно произвольно и самопроизвольно происходят, и далеко не всегда приводят к желаемым результатам, следует выработать модель, которая позволяла бы предсказывать и направлять такие изменения, исходя из определённых ус-

ловий и заданного результата. Такой моделью, по всей видимости, в будущем может стать *концепция состояния*.

Управляемые системы основаны на таком соединении их компонентов, при котором выход может регулироваться входом, то есть они действуют по принципу *обратной связи*. В большинстве систем с обратной связью выход служит одновременно и входом (Грин и др., 38; Грицюк и др., 39). Живая система кроме того, что она открытая, развивается, а следовательно *оптимальный уровень функционирования или норма* постоянно изменяется на всех уровнях организации. То же происходит и в отношении состояний. Если в таком случае представить общество как управляемую развивающуюся систему, то исходя из определения нормы как оптимального уровня функционирования, можно сделать вывод: *общество только тогда станет управляемой развивающейся системой, когда сможет изменять свой социальный строй, технологический базис и мораль всякий раз, когда этого потребует оптимальный уровень функционирования в данных условиях*. Это значит, что само понятие нормы превратится из константы в переменную. Такой прагматический взгляд на "норму" возможно использовать только при целостном подходе к жизни как *целенаправленной действительности*. Категории целостности и состояния чрезвычайно тесно связаны и, в нашем понимании, не имеют смысла друг без друга, и разработка этой связи является одним из центральных вопросов концепции состояния, потребность в которой интуитивно осознают очень многие исследователи.

Вот как говорит о проблеме неразработанности общей концепции *состояния* в контексте *психических состояний* А.О. Прохоров (140, С.9): "Проблема психических состояний человека, впервые поставленная в отечественной психологии Н.Д. Левитовым, до настоящего времени остается во многом ещё не решённой - как в отношении теоретической её основы, так и прикладного, практического её аспекта. В общепсихологическом аспекте такое положение дел отражено в слабой

разработке категории *состояний* по сравнению с другими категориями: не определены соотношение психического состояния с психическими процессами и свойствами, его место, роль и функции в целостном психическом и т.д. В прикладном плане область изучения психических состояний предстает в виде мозаичной картины разнообразных фактов, частных методик, подходов и положений, разработанных в рамках отдельных отраслей психологии: труда и инженерной психологии, спорта и медицинской психологии. Разноплановость и фрагментарность ведущихся исследований обусловливает наличие разнообразных "белых пятен" в отношении "номенклатуры", состава, структуры, механизмов, детерминации, функций состояний, в разработке диагностических методик, что проявляется в неупорядоченности и недостаточной обоснованности применяемых способов оптимизации состояний. Такой уровень разработанности проблемы психических состояний не способствует развитию исследований в этой области общей психологии. Он также свидетельствует и о том, что попытки решения обще- и частнопсихологических вопросов в рамках существующих подходов к изучению состояний оказались недостаточно эффективными и пока не привели к созданию соответствующей теории".

Из приведенных цитат видно, что различные состояния - психические (Прохоров, 140), функциональные (Леонова, 89), биологических структур (Завьялов, 54) - являются системами взаимосвязанных элементов. Но, в исследованной автором литературе, никто не объединяет их в систему более высокого порядка, как *общее состояние в единой теории состояния*, или хотя бы на уровне постановки проблемы.

Близко к постановке этой проблемы подошёл К.В.Судаков, изучающий информационные взаимоотношения человека в уровнях своей организации и с внешней средой. Вот что он пишет в статье "Информационный принцип работы мозга"(167, С.111): "Информационный процесс - первичная суть человека. Ещё на уровне генома половых клеток информация о

строении и функциях будущих организмов определяется своеобразным сочетанием нуклеотидов в ДНК. В процессах пре- и постнатального развития живых существ генетическая информация сохраняется, хотя носители ее в виде определенных информационных молекул последовательно могут изменяться. Таким образом, начиная с развития зародыша, *различные проявления жизнедеятельности неразрывно связаны с информационными процессами, при этом постоянно действует общее правило: при непрерывной последовательной смене материальных носителей, информация на всех этапах развития и построения функций сохраняется без потери ее значения*. В процессах жизнедеятельности, определяющих функции мозга, можно выделить несколько уровней смены материальных носителей информации: (согласно уровням организации живой материи) тканевый..., церебральный..., поведенческий..., межпопуляционный и космический..."

Таким образом, К.В. Судаков, определяя информационные уровни организма и окружающей среды, показал информационные связи между уровнями организации человека и среды. Хотя исследователь и подошёл очень близко к проблеме человека как целого, он, с точки зрения поставленных в данной работе задач, не сделал следующего шага: описав механизм передачи информации на биологическом уровне, описать его на психическом и через построение модели общего состояния человека выйти на философский уровень с информационной теорией состояния человека.

В данном исследовании разделение жизнедеятельности на уровни организации (разработанное в биологии) представляется очень ценным, если выделить не только уровни организации живой материи, но и уровни организации психической и социальной сфер, скажем, в понятии сферы жизнедеятельности, выделенной на основании того, что каждая сфера жизнедеятельности обладает собственными предметом, механизмом и результатом взаимодействия. Немного забегая вперёд, в нашем исследовании выделяются пять таких сфер (обстоятельственная, физическая, чувственно-эмоциональная, ментальная и духовная).

Продолжая рассматривать категорию состояния в палитре аспектов, затронем подробнее тот аспект, где категория состояния начала складываться совсем недавно, а именно – психологический аспект. В психологии, как научной рефлексии, категория состояния участвует в раскрытии содержания феномена психических состояний.

Сама "психология состояний" - парадоксальным образом молодая ветвь психологии. Так, В.Н. Дружинин в предисловии к первой в России хрестоматии "Психические состояния" (141, С.7) заключает: "несмотря на очевидное для большинства исследователей и практиков значение, которое имеет психология состояний, она до сих пор остаётся "золушкой" в семье психологических отраслей". Л.В. Куликов (141, С.9) отмечает также, что "рассмотрение природы состояний не нашло должного места как в специальной научной, так и в учебной литературе. До сих пор трудно найти учебник по психологии, включающий в себя хотя бы небольшую главу о психических состояниях". Однако, кроме освещённой в хрестоматии проблемы исследования отдельных психических состояний, по нашему мнению, в психологии следует поставить и проблему рассмотрения состояния человека как целого, его психического состояния вообще. По мнению Д.Н. Узнадзе (173, С.13), без теоретической работы, на основе которой должна быть создана система общих понятий, имеющая фундаментальное значение, не могла быть сформирована психология, мы же добавим, что психология без разработки общих понятий не может иметь будущего. Очевидно, что без выработки таких общих представлений невозможна качественная и успешная разработка частных проблем. Несмотря на это, вопросы общего состояния человека, его отношений с личностью остаются совершенно неисследованными. Если же брать за основу концептуирования категорию состояния, то такой подход предполагает, что вместе с развитием представлений о состоянии должны изменяться и представления о личности, что оказывается новым, и, по нашему мнению, перспективным методологическим подходом к исследованию самой личности.

Категория состояния вошла в широкий психологический оборот совсем недавно, из других областей науки, в которых разработана гораздо больше: физики и биологии (особенно через психофизиологию).

В истории развития психологического содержания понятия состояния можно отметить Р. Декарта, Ч.Р. Дарвина, В. Вундта, У. Джемса, и др. Затем, как указывает Т.А. Немчин (118, С.8-11), с выдвижением И.М. Сеченовым в середине XIX в. принципа обратной связи в формировании и течении психических состояний, открывается новый этап в эволюции учения о психических состояниях. Благодаря трудам Г. Селье, И.М. Сеченова, К. Бернара, Г.Л.Ф. Гельмгольца, Ф. Гальтона, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, У. Кеннона и др., с развитием концепции гомеостаза и рефлексологии, исследования психических состояний становятся на научную основу.

Возможно, что именно самой истории применения категории состояния в философии обязана психология тем, как поздно эта категория обрела психологический статус и значение. По словам В.А. Ганзена (29, С.126-142), только "после выхода в 1964 г. книги Н.Д. Левитова "О психических состояниях человека" термин "психическое состояние" получил широкое распространение. Если раньше психологию определяли как науку о психических процессах и свойствах личности, то сейчас в большинстве учебников психологии встречается такая формулировка: психология – это наука о психических процессах, состояниях и свойствах личности".

Такому изменению в определении психологии способствовали исследования, в основном, последней половины двадцатого века, это работы Н.Д. Левитова, П.К. Анохина, Г.И. Акинщиковой, В.А. Ганзена, Е.П. Ильина, В.М. Мясищева, Т.А. Немчина, К.К. Платонова, А.О. Прохорова, Ю.Е. Сосновиковой, В.В. Суворовой, и др., развивавших идею о "делении психических явлений на *процессы*, *состояния* и *свойства*, по критерию динамичности, лабильности, скорости изменения самих явлений, где состояния занимают промежуточное положение по признаку динамичности.

Заключая краткое обращение к истории вопроса категории психических состояний, можно сделать важный, для нас, вывод о том, что теоретически категория состояния на уровне психологии разработана слабо, в практическом же плане развивалось, в основном, понятие "психического состояния". В целом же, понятие "психическое состояние" получило развитие, главным образом, в узконаправленных исследованиях, таких как "состояния оптимальной работоспособности", "утомление", "монотония", разные "формы депрессивного и психологического стрессов", "экстремальные состояния" и т.д. По мнению В.Н. Мясищева (117, С.8-14), "в современной психологии законно много внимания уделяется эксперименту и методике, но недостаточно внимания уделено основным понятиям психологии". С публикацией в нашей стране хрестоматии "Психические состояния" (сост. Л.В. Куликов, 2000г.) можно начать отсчёт полномасштабных не только практических, но и теоретических психологических исследований в области психологии состояния. Или, можно сказать, что с этим шагом к теоретическим проблемам вернулось то значение, которое придавалось им в трудах С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и др. Однако, очевидно, что теоретические исследования в психологии не будут эффективными без соответствующей категориальной и концептуальной философской проработки.

Итак, попытаемся обобщить известные в психологии теоретические представления о состоянии, психических состояниях, которые имеют значение в решении проблемы состояния человека как целого и отношений состояния и личности.

Как упоминалось, по критерию динамичности состояния (а они в современной психологии главным образом понимаются как состояния личности) и черты личности занимают разные места на шкале "стабильность-лабильность". По Л.В. Куликову (141, С.11), "в состояниях интегрирована актуальная выраженность черт личности, сила их проявления. Хотя состояния оказывают значимое влияние на формирование черт, обратное влияние (со

стороны черт) и для текущих, и для устойчивых состояний сильнее". К.К. Платонов (Психические..., 141, С.22), также в поддержку представления о срединном положении состояний между процессами и свойствами, подчёркивал: "психические состояния достаточно продолжительны (могут продолжаться месяцами), хотя при изменении условий или вследствие адаптации могут быстро изменяться".

Н.Д. Левитов (83, С.18-21;34-35) так определяет психическое состояние: "это – целостная характеристика психической деятельности за определённый период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности". Психический процесс может перейти в психическое состояние, в примере самого Левитова - процесс восприятия художественной картины может перейти в довольно сложное психическое состояние под впечатлением этой картины. При этом всякое психическое состояние (согласно принципу единства психики и деятельности) является как переживанием, так и деятельностью, имеющей некоторое внешнее выражение (Матова, 105; Аболин, 1).

Кстати говоря, одним из первых исследователей, заявляющих единство сознания и деятельности в психических состояниях был Д.Н. Узнадзе. Узнадзе выяснил, что существует целостное психическое состояние человека, определяющее его будущую деятельность и работу сознания. "Понятие установки подразумевает реальное психологическое состояние человека и может служить основой взаимодействия, единства сознания человека и объективной действительности (Узнадзе, 173, С.13)". Однако Д.Н. Узнадзе, в развиваемой им идее первичной установки (Романенко, 148), показывает первичную установку как решение психофизической проблемы, где психика образуется из материального субстрата через особое неравновесное состояние – первичную установку, а не через деятельность (А.Н. Леон-

тьев). Таким образом и понимание единства сознания и деятельности у Д.Н. Узнадзе выражается объяснительный принцип первичной установки.

Кроме временного, возможны и другие критерии определения состояния. Так А.О. Прохоров (139, С.9-24), по аналогии с временной осью, градуирует состояния по энергетической шкале. В основании такой градации Прохоров положил континуум активации Д. Линдсли и шкалу уровней психической активности В.А. Ганзена, В.Н. Юрченко (30). Такой подход позволил выделить три уровня психической активности, с соответствующими им состояниями психической активности: 1) состояние повышенной психической активности (счастье, восторг, экстаз, тревога, страх и т.д.); 2) состояния средней (оптимальной) психической активности (спокойствие, симпатия, готовность, заинтересованность и т.д.); 3) состояния пониженной психической активности (грезы, грусть, утомление, рассеянность, кризисное состояние и т.д.). Первый и третий уровни Прохоров (137) предлагает понимать как *неравновесные*, а средний – как условно *равновесный*, при этом важная особенность *неравновесных состояний* в том, что они являются звеном, предшествующим возникновению новообразований в структуре личности, обусловливая возникновение последних. В последствии новообразования закрепляются в виде свойств, черт и т.д., определяя специфику состояний в зависимости от условий деятельности (Махнач, 105; 106).

Состояния имеют характеристики различной степени обобщённости (Куликов, 141, С.15-27): общие, видовые, индивидуальные. К числу характеристик состояния относится и степень осознанности субъектом того или иного состояния. Субъективные и объективные характеристики психических состояний человека являются характеристиками одного и того же объекта, достаточно полное изучение которого, исходя из единства внутреннего и внешнего, невозможно без привлечения тех и других (Леонова, 89, С.126-142). Центральной же, системообразующей характеристикой всего компонентного состава психического состояния (по терминологии П.К. Анохина) является отношение человека. В структуре состояния она пред-

ставляет уровень сознания и самосознания человека. Отношение как характеристика сознания – это отношение к окружающей действительности; как характеристика самосознания – это саморегуляция, самоконтроль, самооценка, т.е. установление равновесия между внешними влияниями, внутренним состоянием и формами поведения человека (Ганзен, 141, С.64). В отношении характеристик Брушлинский отмечает (Психические..., 141, С.13), что состояниям присущи характеристики, свойственные всей психике. Это подчёркивает качество *непрерывности состояний*, которое, в свою очередь, связано с такими сторонами состояний как *интенсивность* и *устойчивость* (Куликов, 141, С.14). Состояния, кроме характеристик, имеют временные, эмоциональные (Носенко, 121), активационные, тонические, тензионные (от англ. сл. напряжённость) параметры. Наряду с характеристиками и параметрами выделяют и функции состояний. Главными среди них можно назвать: а) функцию регулирования (в процессах адаптации); б) функцию интеграции отдельных психических состояний и образование функциональных единиц (процесс-состояние-свойство) (121, С.9-17). Благодаря этим функциям обеспечиваются отдельные акты психической активности в текущем времени, организация психологического строя личности, необходимого для эффективного её функционирования в различных сферах жизнедеятельности (Куликов, 141, С.12).

Развивая обзор представлений о состояниях, отметим и вопрос причинности состояний. Причинность в отношении самих состояний не может быть только линейной. Она строится и по критерию обратной связи (И.М. Сеченов), и по критерию силы причины или причинного поля. Так Л.В. Куликов (141, С.14), указывает, что "в состояниях всегда есть и ситуативная, и трансситуативная составляющая. При этом, здесь некорректно говорить о каком-либо статистическом балансе. Определённые события или условия текущей ситуации могут надолго "потеснить" трансситуативную составляющую и в значительной степени определить многие параметры состояния, ограничивая их возможное разнообразие. Например, заключе-

ние в тюрьме, концлагере, тяжёлая болезнь и т.д. являют собой ситуативное обусловливание, которое может охватить длительный период времени.

В общем же, детерминантами состояния, которые определяют характеристики состояния, выделяется следующее соотношение факторов (Куливков, 141, С.13): а) потребности, желания и стремления человека; б) его возможности; в) условия среды и их субъективное восприятие.

В наши задачи не входит рассмотрение конкретных видов состояний (более сорока из них подробно описаны в отечественной литературе), поэтому мы перейдём к вопросу о соотношении состояния и личности.

Данное соотношение рассматривается двояко. С одной стороны исследуются состояния личности, с другой – воздействие личности на состояния. Так, Л.В. Куликов (141, С.27-28; 78), отмечает, что, хотя регулирующая роль сознания и самосознания для психических состояний сомнению не подвергается, остаются малоразработанными многие общие и частные вопросы обусловленности состояний сознанием личности – осознанием своих отношений с миром живой и неживой природы, осознанием отношений с миром людей (с обществом в целом, с отдельными группами, со значимыми другими), осознанием себя (восприятием, оцениванием и принятием себя). Внутренняя жизнь личности, её внутренний мир чрезвычайно богаты, занимают внимание человека не меньше, а часто – больше, чем события и обстоятельства окружающего мира. Всё это является сильной детерминантой психического состояния. Н.Д. Левитов (141, С.28) так же уточнял, что "настроения, как и все психические состояния, обусловлены и личностью, и ситуацией". Л.В. Куликов добавляет более определённо (77): "настроение играет роль звена, реализующего постоянное влияние личности на психические состояния. Такие звенья необходимы для связи личностных структур и психических состояний, поскольку они относятся к психическим явлениям различного временного масштаба". Между тем, как уже было сказано, состояние понимается и в ряду психических явлений, *принадлежащих* (по цитируемому выше определению психологии) самой

личности. Подобное противоречие усугубляется и тем, что двояко понимается и роль настроения в отношениях личности и состояния. С одной стороны, как было показано, настроение – это звено, реализующее влияние личности на состояние, с другой "настроение – важнейший, относительно устойчивый компонент психического состояния (Куливков, 141, С.31)", или даже один из видов психического состояния (С.28). Например, Л.В. Куликов специально подчёркивает: "настроение является лишь частью психического состояния". Далее, в статье "Проблема описания психических состояний" (141, С.36-37), Л.В. Куликов снова возвращается к рассмотрению уже состояний личности. Оставим пока эти противоречия без обсуждений, отметим только, что Куликовым так же выделяются *структура личности, динамика личности* и *состояния личности* как образующие основную категориальную триаду психических явлений, относящихся к личности. Где структура личности – совокупность устойчивых связей между различными образованиями личности. Динамика личности – её развитие. А состояние личности – а) срез динамики личности, б) интегральные реакции личности, обусловленные её отношениями, потребностями, целями активности и адаптивности. При этом состояния личности зависят от межличностного, социального и экономического статуса личности, от доминирующих в настоящее время интересов, симпатий, эмоциональных привязанностей и зависимостей. Большое влияние на состояния личности оказывают так же кризисы развития. А.О. Прохоров (139, С.9-24), связывает состояние и личность тем, что состояния, имеющие высокую или низкую энергетическую составляющую (*неравновесные состояния*), обусловливают формирование новообразований личности. Состояния средней и оптимальной психической активности не обеспечивают эту функцию. Прохоров также предлагает трёхэтапную модель возникновения новообразований из психических состояний.

На данном этапе рассмотрения проблемы *категории состояния* стоит обратить внимание на то, как авторы, исследующие проблему состояний (в

рамках своих направлений), определяют основные понятия, которые по сути являются отправными точками для разработки этих направлений. На первый взгляд, часто состояние, рассматриваемое чаще всего как состояние именно человека, представляется начинающему исследователю в виде некоторого *фона*, на котором разыгрывается определенная деятельность. Однако, очевидна условность такого чисто внешнего противопоставления. "По существу, *любое состояние есть продукт включения субъекта в некоторую деятельность*, в ходе которой оно формируется и активно преобразуется, оказывая при этом обратное влияние на успешность реализации последней" (Леонова, 89, С.7). "Недостаточное внимание к этому обстоятельству, продолжает А.Б. Леонова, приводит к созданию различных, сугубо описательных определений понятия *состояние"*. Примером такого определения может быть следующее: *"Психическое состояние - сложное и многообразное, достаточно стойкое, но сменяющееся психическое явление, повышающее или понижающее жизнедеятельность в сложившейся ситуации"* (Платонов, Голубев, см.: Леонова, 89, С.7). Такое размытое содержание не позволяет использовать эту формулировку в качестве работающего методологического инструмента. "Более адекватное определение рассматриваемого понятия может быть выработано на основе представления о системном характере сдвигов, развивающихся у человека в процессе целесообразной деятельности" (Генкин, Медведев, см.: Леонова, 89, С.7). "*Состояние* человека... понимается как *качественно своеобразный ответ функциональных систем разных уровней на внешние и внутренние воздействия, возникающие при выполнении значимой для человека деятельности"* (Ильин, 60, 61). Для разных состояний характерны различные сдвиги в протекании основных психических процессов: восприятия, внимания, памяти, мышления и изменения в эмоционально-волевой сфере, которые оцениваются с помощью различных психометрических процедур. Определённым состояниям соответствуют определённые переживания и изменения поведения (Леонова, 89).

Или такое определение: "*Состояние человека является сложной системной реакцией*. Под системой при этом понимается совокупность взаимодействующих между собой элементарных структур или процессов, объединённых в целое решением общей задачи, которое не может быть осуществлено ни одним из её компонентов" (Bertalanfy, см.: Леонова, 89, С.8). В связи с этим А.Б. Леонова выделяет следующие *этапы работы по выявлению содержания и качественной специфики различных форм состояний человека*:

а) конкретизация *целей* формирования определенной системной реакции (состояния) и привлечения необходимых средств для её реализации;

б) выделение *элементарных структур*, представляющих целостную совокупность на нейрофизиологическом, психологическом и поведенческом уровнях с учетом факторов внешней и внутренней среды, обусловливающих протекание выполняемой субъектом деятельности;

в) выявление *совокупности отношений* (или закона связи) между этими основными элементами, что позволяет подойти к представлению изучаемого состояния в виде некоторого целостного образования, обладающего новыми свойствами по сравнению с отдельными элементарными структурами.

А.Б. Леонова отмечает (89, С.8) также, что *любое состояние человека возникает в процессе деятельности.* По своему содержанию оно *является результатом взаимодействия различных элементарных структур.*

В таком случае, обладает ли человек *состоянием* вне деятельности? По нашему мнению - да. Вызывает несогласие и определение *состояния*, как *системной реакции*, поскольку, как нам думается, до реагирования любая система, в том числе и человек обладает определенным состоянием, позволяющим воспринимать. Определение состояния *через деятельность* приводит к тому, что *"выявление механизма формирования системной реакции невозможно без обращения к содержанию и условиям выполнения реальной деятельности, в ходе которой возникает исследуемое функцио-*

нальное состояние, поскольку само *функциональное состояние* определено как *интегральный комплекс наличных характеристик тех функций и качеств человека, которые прямо или косвенно обусловливают выполнение деятельности"* (Леонова, Медведев, см. :Леонова, 89, С.11, 9).

Получается, что состояние, будучи "интегральным комплексом характеристик" не включает в себя сами качества и функции, которые характеризует. Такое содержание категории состояния противоречит физическому определению характеристик состояния, где характеристика состояния от характеристик состояния также является характеристикой состояния (Дерябин, Борисенко, 49). И физическое определение здесь более верно, т.к. отдельные качества и функции, от которых происходит "комплекс характеристик по А.Б. Леоновой (89)" также могут быть рассмотрены как системы, обладающие состоянием. Следует заметить, что состояние по А.Б. Леоновой (89) возникает в ходе выполнения деятельности и при этом деятельность определяют качества и функции, комплекс характеристик которых и составляет содержание понятия состояние. Следовательно, можно сказать, что по А.Б. Леоновой (89, С.9-11) состояние возникает во время деятельности и "обусловливает её выполнение". Данное противоречие можно решить, если в определение ввести временной фактор, тогда определение будет выглядеть несколько иначе: состояние возникает во время деятельности и определяет дальнейшую деятельность по принципу обратной связи.

С другой стороны и *психическое состояние* (как системная реакция) и *функциональное состояние* (как комплекс характеристик) определены через деятельность, тогда в чём между ними разница? И зачем в таком случае вообще определение состояния, если оно тождественно определению функционального состояния? Из логики цитат следует, что человек обладает только функциональными состояниями, которые существуют только в отношении деятельности, которой определяются и которую определяют. Так ли это? Утверждение, что *механизм формирования состояний* невозможно определить без учета реальной деятельности, противоречит утвер-

ждению А.В. Завьялова (рассуждающего в рамках биологической системы) о том, что *механизмы управления* в сложноорганизованной гомеостатической системе (обусловливающие явления соподчинения, согласования и сонастройки) своей деятельностью *обусловливают закономерности соотношения функций* (54, С.5). Получается, что на физиологическом уровне *механизмы определяют* закономерности соотношения функций (*состояние*), а на психическом уровне *деятельность определяет механизм* реакции взаимодействующих между собой элементарных структур или процессов, объединённых в целое решением общей задачи (*состояние*).

Очевидно, что оба автора правы в своих контекстах изучения предмета и данное противоречие является только результатом приложения стремления авторов описать детерминацию состояния к своему предмету исследования. Так, А.В. Завьялов, имея предметом исследования биологические *механизмы,* увидел в них детерминант состояния, а А.Б. Леонова, имея предметом исследования *деятельность,* в ней и увидела основу состояния. Такие видимые противоречия неизбежны до тех пор, пока не будет разработана общая теория состояния. До сих пор же определению подлежит не состояние вообще, а его предикаты.

Вот как определяет термин состояние (с предикатом "психическое") с позиции системного подхода А.О. Прохоров (140, С.9-10): “Психические состояния есть *компонент большей системы* - психики. В этой системе функции состояний (*сами состояния здесь обладают функциями, а значит и механизмами их реализации*) заключаются в специфическом влиянии их на формирование *психических свойств* и протекание *психических процессов*, а так же влиянии на *организацию психической структуры личности* в целом. Благодаря регулятивной функции состояний достигается адаптационный эффект, то есть приведение психологических особенностей субъекта в соответствие с требованиями предметно-профессиональной деятельности”.

Иначе говоря, получатся, что состояния регулируют приведение психологических особенностей субъекта в соответствие с требованиями дея-

тельности, влияя на формирование психических свойств, протекание психических процессов и организацию личности. Опять противоречие - между всеми тремя авторами, поскольку уже не *механизмы* (Завьялов) определяют соотношение функций (то бишь их состояния как целого), не даже *деятельность* (Леонова) определяет механизм реакции (состояния), а сами состояния определяют особенности субъекта под определенную деятельность (Прохоров).

Очевидно, что и данное противоречие вполне решаемо, если рассматривать его с позиции более общего взгляда, с точки зрения общей теории состояния. Как признает К.В. Судаков (167, С.110): *"становится ясным, что для решения проблемы психической деятельности* [соответственно, состояния] *необходимы новые подходы. Как нам кажется, существенную роль здесь может сыграть информационный подход к пониманию процессов жизнедеятельности"*.

Вот как определяется термин состояние (с предикатом "функциональное") в психологическом словаре (под ред.. Зинченко, Мещерякова, 94): *функциональное состояние человека - это интегральная характеристика состояния человека с точки зрения эффективности выполняемой им деятельности и задействованных в её реализации систем по критериям надёжности и внутренней цены деятельности.* Функциональное состояние основывается на принципах системно-структурного анализа, в котором выделяются следующие основные уровни представленности функционального состояния: *поведенческий, психофизиологический, психологического обеспечения деятельности и субъективно-рефлексивный.* К числу основных классов физиологических состояний относятся состояния оптимальной работоспособности, утомление, монотония, разные формы депрессивного и психологического стрессов, экстремальные состояния".

Заметим, что и в данном случае делается попытка подразделения состояния на уровни организации, в виде деления на уровни представленности функционального состояния.

А вот как там же даётся определение *психическим состояниям* - *это психологическая категория, в состав которой входят разные виды интегрированного отражения воздействий на субъекта как внутренних, так и внешних стимулов без отчётливого осознания их предметного содержания.* Примером психического состояния могут быть бодрость, усталость, апатия, депрессия, эйфория, отчуждение, утрата чувства реальности, переживание "уже видел", скука и т.п. Психические состояния так или иначе характеризуют психику человека, определяют своеобразие психических процессов. Психические состояния, возникающие в экстремальных условиях: стресс, фрустрация.

Из определений следует (но явно не говорится в них), что психическое состояние - это функциональное состояние человека на психическом уровне в отношении к эффективности деятельности. И снова противоречие - между этими определениями, заключающееся в том, что функциональное состояние определено через *эффективность деятельности*, надёжность и внутреннюю цену деятельности, а оно же, но в аспекте психического состояния определено через *виды отражения воздействий* внешних и внутренних стимулов - мало того, что уже вне деятельности, так ещё и без отчётливого осознания их предметного содержания. В то время, как в том же словаре (под ред.. Зинченко, Мещерякова, 94) *деятельность* определена как *активное взаимодействие с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий* (а не только отражающий) *на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности.* Структурные составляющие (Конюхов, 74) деятельности - цель, мотив, способы, условия, результат.

Кроме этого явного противоречия есть и упущения – так, говорится о функциональном состоянии как интегральной характеристике состояния человека, а само состояние человека не определено ни в психологическом словаре (Давыдов, 44), ни в психоаналитическом глоссарии (Овчаренко, 122), ни в словаре-справочнике практического психолога (Конюхов, 74).

Удачнее связаны эти определения в определении *психического состояния* словаря Н.И. Конюхова: *Психическое состояние - это определённый, временный уровень целостного функционирования психики, непосредственно влияющий на характер и эффективность деятельности личности, группы людей, который, будучи устойчивым проявлением психики индивида, закрепляется и повторяется в её структуре*. Но и здесь мы видим несовпадение взглядов на проблему психических состояний. Здесь психическое состояние уже не функциональное *в процессе деятельности*, а устойчивое проявление психики, *влияющее на деятельность*, её эффективность и характер. И тем более, временный *уровень целостного функционирования психики* (Конюхов, 74) не является *совокупностью видов отражения воздействий* (Психологический..., 142).

С понятием *состояния* в психологии тесно связано понятие *самочувствия* (Психологический..., 142) - *комплекс субъективных ощущений, отражающих степень физиологической и психологической комфортности наличного состояния человека* (которое не определено). Самочувствие может быть представлено как одной обобщающей характеристикой (хорошее, плохое, болезненное, бодрое и др.), так и переживаниями, отражающими *состояние отдельных систем* и процессов: ощущениями дискомфорта в различных частях тела, затруднениями выполнения определённых действий, изменениями в протекании тех или иных когнитивных функций. Характерные симптомы изменений самочувствия отчётливо проявляются при разных функциональных состояниях человека. Этим обусловлено использование симптоматики самочувствия или одной из основных групп признаков в методиках самооценки состояния.

Для необходимой полноты рассмотрения проблемы состояния стоит обратить внимание на подходы *психофизиологии* к изучению функциональных состояний. Наиболее часто *функциональное состояние определяют как фоновую активность нервных центров, при которой и реализуется та или иная конкретная деятельность человека*. В классической фи-

зиологии такой взгляд на функциональное состояние нашёл отражение в том, что оно соотносилось с одной или несколькими характеристиками нервной ткани: возбудимостью, лабильностью, реактивностью. Так, И.П. Павлов связывал функциональные состояния с *тонусом коры больших полушарий или её возбудимостью*. Позже, в работах Купалова (см.: Леонова, 89), было показано, что *динамика функциональных состояний* отражается в изменении не только *возбудимости* головного мозга, но и в уровне его *лабильности* и *реактивности*. Дальнейшее развитие этот взгляд получил в исследованиях А.М. Зинкиной, которая оценивает функциональное состояние по совокупности средних значений возбудимости, реактивности и лабильности нервной системы.

Психофизиологические подходы к изучению проблемы состояния имеют значение для философии тем, что указывают на необходимость включения в содержание категории *состояние* таких связей, как отражение и влияние лабильности, реактивности, порога восприятия (в данном случае возбудимости).

Итак, по мнению Н.Н. Даниловой, попытка исследователей более конкретно и содержательно раскрыть сущность функционального *состояния* привела к выделению двух различных подходов, направлений при разработке этой проблемы: *психического* и *физиологического*.

(Пойдём дальше и укажем на то, что данной работой выделяется философское направление, философский обобщающий подход при разработке не только и не столько функционального состояния, сколько *состояния вообще*, от которого могут быть отделены любые производные, с сохранением системных связей. Эффект такого обобщения складывается в оформляющуюся в конце 20 столетия тенденцию к комплементарности наук, реализация которой на практике многократно повысит скорость обработки информации и следовательно скорость технологического и мировоззренческого развития общества.)

Сторонники психологического подхода считают главным критерием, на основании которого предлагается судить об изменениях функционального состояния, снижение или повышение эффективности выполнения деятельности (операций или всего процесса). Согласно этой точке зрения эффективность деятельности (труда) является такой же мерой функционального состояния, как и другие группы показателей: 1) показатели изменения функционирования физиологических систем организма: сердечной, дыхательной, эндокринной и др.; 2) показатели изменения субъективных переживаний: появление чувства усталости, душевного подъёма и т.д.; 3) показатели изменений в протекании основных физиологических процессов: восприятия, памяти, мышления и процессов в эмоционально-волевой сфере.

Однако эффективность труда как мера функционального состояния, в отличие от перечисленных трёх последних групп показателей, с точки зрения сторонников этой концепции, обладает свойством интегративности и в этом имеет преимущество по сравнению с отдельными физиологическими реакциями организма и изменениями в субъективных переживаниях.

Таким образом, в рамках *психологического* подхода функциональное состояние оценивается через эффективность деятельности и тем самым само функциональное состояние растворяется в деятельности. При этом, оно не рассматривается как самостоятельное явление со своими собственными закономерностями и своими специфическими индикаторами.

Для примера диапазона взглядов на проблему состояния можно указать на то, что многие исследователи придерживаются точки зрения, что понятие *функционального состояния* вообще тождественно понятию *уровня бодрствования*. По существу, такой взгляд означает, что, используя поведенческие реакции, можно исчерпывающе определить и измерить любое функциональное состояние. Наиболее ярким выражением такой позиции является измерение функционального состояния через эффективность выполняемой деятельности. Однако, необходимость разделения понятий

уровня бодрствования и *уровня нервной активности, возбудимости или тонуса*, являющегося его основой в плане поведения, указывал уже В. Блок (см.: Леонова, 89). Он отмечал, что шкала уровня бодрствования представляет диапазон интенсивности поведения между сном и состоянием крайнего возбуждения. А изменения уровня бодрствования вызываются изменениями уровня тонуса нервных центров или функционального состояния.

Сторонники *физиологического* подхода утверждают, что существует большой набор физиологических реакций организма, в которых отражены изменения уровня фоновой активности ЦНС. Это - частота сердечных сокращений (ЧСС), артериальное давление (АД), частота дыхания (ЧД) и глубина дыхания, скоростные характеристики двигательных реакций, изменения в ЭЭГ и т.д. Поэтому они предлагают оценивать функциональное состояние по комплексу взаимосвязанных физиологических реакций, а изменения функционального состояния определять как смену одного комплекса реакций другим. С этой точки зрения диагностика и идентификация функциональных состояний видится как решение задачи распознавания многомерного вектора, компонентами которого являются различные физиологические показатели или реакции (Генкин, Медведев и др., см.: Леонова, 89). По мнению Н.Н. Даниловой (45) существуют *уникальные комбинации реакций, соответствующие определенным функциональным состояниям*.

Рассмотренные выше определения функционального состояния через *комплексы физиологических реакций* или через *успешность производственных операций* (деятельности), выполняемых человеком, имеют общий существенный недостаток. С таких позиций можно обнаружить лишь перемену состояния, но ничего нельзя сказать о том, что есть само функциональное состояние, или тем более состояние вообще, так как вне поля зрения остаются нейрофизиологические механизмы реакции, качественные психологические отличия, философское определение места в общей систе-

ме. При этом, по существу, происходит подмена определения содержания категории *состояния* описанием *сдвигов*, происходящих *при изменении состояния*.

Н.Н. Данилова (45) предлагает рассматривать *функциональное состояние как особое психофизиологическое явление со своими закономерностями, которое заложено в архитектуре моделирующих функциональных систем и которое проявляется на биохимическом, физиологическом, поведенческом и психологическом уровнях*. Данный взгляд на функциональные состояния высвечивает значение изучения его собственных механизмов регуляции (Данилова, 45). Снова отметим, попытку нового исследователя дать подразделение состояния по уровням жизнедеятельности (это плюс) и упущение философского обозначения проблемы (это минус).

В своих исследованиях Н.Н. Данилова (45) объединяет два подхода (физиологический и психологический) в один, *психофизиологический*, что даёт преимущество в описании функциональных состояний человека. По нашему мнению, как и разделение понятий *уровня бодрствования* (поведенческой активности) с *функциональным состоянием*, определения их соотношения, важно разделить и понятия *функционального состояния* с собственно *состоянием*, а не пользоваться ими как синонимами, тем более, что такое использование их как синонимов, противоречит определению функционального состояния (Психологический..., 142) как характеристики *состояния человека* (которое, впрочем, там тоже не определено). По нашему мнению, неверна и мысль, что существуют уникальные комбинации физиологических реакций, соответствующие определённым состояниям. Рассмотрим доказательство этому через рассмотрение противоречия (снова противоречие) из определений, данных самой Н.Н. Даниловой (45), в которых она одновременно разделяет физиологию с психофизиологией и говорит об уникальных физиологических реакциях соответствующих функциональным состояниям. Исследователь обоснованно разделила физиологию и психофизиологию, но не учла того факта, что психофизиологиче-

ский уровень состояния на порядок выше физиологического с его реакциями, а раз так, то обладает гораздо большей гибкостью функциональных систем этого уровня, большей вариабельностью своих процессов и, следовательно, показателей. А отсюда простой вывод - *не может быть никаких уникальных комбинаций физиологических реакций, соответствующих определённым функциональным состояниям, поскольку последние обладают гораздо большим полем вариабельности, чем физиологические, а, следовательно, у физиологических реакций недостаточно информационной ёмкости, чтобы выразить, отразить конкретные, любые психофизиологические состояния, недостаточно и скорости реагирования физиологических систем на психофизиологические и, тем более, на психологические изменения соответствующих процессов*, и уж тем более недостаточно скорости для закрепления этих реакций во времени, достаточном для фиксации приборами. Данный вывод был получен нами и другим методом – через выявление одинаковых физиологических показателей в разных психических состояниях (в эксперименте – эмоциональных)[1].

Очевидно, что при рассмотрении соотношения уровней физиологии, психофизиологии, психологии, поведения необходим *новый* и при этом философский подход, определим его как *многоуровневый подход*.

В заключение мысли о разных скоростях процессов на разных уровнях, можно, выражаясь словами К.В. Судакова, повторить, что *начиная с развития зародыша, различные проявления жизнедеятельности неразрывно связаны с информационными процессами. При этом постоянно действует общее правило: при непрерывной последовательной смене материальных носителей, информация на всех этапах развития и построения функций сохраняется без потери её значения.* Но при этом существенно изменяется скорость, объём, сам принцип её передачи и способ взаимодействия. Более высокий уровень обладает большими возможностями для *перешифровок* (Бернштейн), для знаковых, качественных (помимо количест-

[1] См., напр., дипл. раб. автора. 97г. ВПШ ТГУ.

венных) различий (напр., похожие физиологические показатели отражают интенсивность действия физиологических систем, и при разных эмоциональных состояниях, например, радость, раздражение, дают сходные результаты, но не показывают качественную составляющую изменения состояния).

Итак, проведём смысловую черту. До сих пор мы просмотрели использование и определение категории состояния в физике, биологии, физиологии, психофизиологии и в направлении к философии коснулись психологии. Среди психологических исследований посвящённых данной теме для анализа и обзора проблемы выделим достаточно детально разработанную модель психических состояний А.О. Прохорова.

Это делается нами с целью наглядно, на конкретном примере, продемонстрировать необходимость философского подхода к изучению состояния.

Итак, А.О. Прохоров подчёркивает слабую проработку проблемы состояния и конструктивно связывает это с недостаточностью подходов к проблеме. По его мнению, выходом из создавшегося положения является привлечение к анализу проблемы психических состояний *новых подходов* и методологий и, прежде всего, *системного подхода*. Исследователь предлагает свою модель психических состояний, вот её основные посылки:

1) А. Основные *функции состояний*:

1. Специфическое *влияние на формирование психических свойств*.
2. *Влияние на протекание психических процессов*.
3. *Влияние на организацию психологической структуры личности* в целом.
4. *Регуляторная функция*, дающая адаптационный эффект, заключающаяся в приведении психологических особенностей субъекта в соответствие с требованиями предметно-профессиональной деятельности. *Основанием* для развития *системы регуляции* является *интегрирующая функция состояний*, а *механизмом* - связи между состояниями внутри *функциональной структуры*. Через регуляторную функцию обеспечивается уравновешенность субъекта с социальной и предметной средой;

5. *Интегрирующая функция*;

6. *Отражение* - связана с детерминацией психических состояний (в качественной характеристике состояния проявляется единство отражения субъектом конкретной ситуации и отношение к ней);

7. *Формирующая* - в условиях повторяющейся деятельности при сходных у личности психических состояниях способствует различию более или менее устойчивых психологических её свойств;

Б. Специфические (особенные) *функции состояний* - зависят от качества отдельного состояния:

1. *Защитная* (состояние утомления); 2. *Антиципирующая* (состояние тревоги); 3. *Охранительная* (состояние страха).

2) Интегрирующая функция состояний в пространственно-временной и информационно-энергетической координатах связывает, с одной стороны, особенности внешней среды (ситуации, предметная деятельность, социальное окружение и др.), а с другой - психические процессы и психологические свойства, образуя соответствующие функциональные структуры.

3) *Функциональная структура* - инвариантные и динамические аспекты проявления функций состояний во взаимоотношениях с системой более высокого порядка (психическим целым) и её составляющими: процессами и свойствами, а также характеристиками среды;

4) а) *Актуальное время жизнедеятельности* человека характеризуется его оперативными состояниями, длящимися сек-мин. В актуальном времени, связанном с ситуацией, психические состояния служат связующим звеном между процессами и свойствами личности, обусловливают адекватную реакцию на ситуацию.

Данных состояний примерно 40 % от числа типичных. Как правило это моносостояния, т.е. в их структуру входит 1-2 стороны психики человека, преимущественно, эмоциональная или волевая составляющая. К этим состояниям относятся гнев, досада, испуг, злость, решимость и др.

б) *Жизнедеятельности* человека *в текущем времени* присущи состоя-

ния, длящиеся час-день. В текущем времени обычно совершаются основные жизненные проявления личности, осуществляются её социальные функции и деятельность в различных видах. Эти состояния характеризуются изменением динамики, интенсивности, скорости, амплитуды, частоты и продуктивности психических процессов, ростом и спадом психических функций. В диапазоне час-день, связанном с деятельностью и социальной функцией, психические состояния обеспечивают интегрированную функцию, формируя "психологический строй" личности, овладение способами и приёмами саморегуляции, участвуют в формировании и закреплении психологической структуры личности. К текущим состояниям относятся радость, спокойствие, апатия, вдохновение и др.

в) *Жизнедеятельность* человека *на протяжении длительного времени* (месяц-год и более), характеризуется длительными состояниями. Как правило, их группу составляют полисостояния, которые обладают сложным, многокомпонентным содержанием. В границах длительного времени, связанного с жизнедеятельностью и образом жизни, психические состояния обеспечивают регуляцию психических процессов и проявлений свойств, организацию деятельности и поведения, отражают сформированные свойства трансформации и акцентуации характера. К длительным состояниям относятся увлечённость, одержимость, утомление и др. В данном временном диапазоне завершаются циклы деятельности (обучение, трудовая деятельность и др.), происходят качественные и количественные изменения на разных уровнях психической организации, наблюдаются циклы повышения, понижения, стабилизации интеллекта, мышления, памяти, внимания, психомоторики и др. Состояния эти обусловлены образом жизни.

5) На основе категорий времени, деятельности, структуры общих функций состояний, а также процессуально-содержательные особенности психики в отрезке активного, текущего и длительного времени дают трёхуровневую функционально-структурную модель психических состояний.

6) Участие тех или иных психических состояний в функциональной

структуре, их различные интенсивность и выполнение функций обусловлены особенностями жизнедеятельности субъектов. Жизнедеятельность обеспечивает выделение и включённость необходимых психических состояний из их множества в функциональные структуры и специфику организации.

7) Психические состояния во взаимоотношении психических состояний и процессов выступают способом организации психических процессов, причём каждая из них интегрирует несколько разных процессов.

8) Специфика включенности психических процессов в функциональную структуру состояния связана с их иерархической организацией и деятельностным фактором.

9) Взаимодействие психических состояний и процессов. Его динамическими способами являются интеграция (конвергенция процессов к отдельным состояниям), дифференциация (образование функционально-структурных блоков, определяет величину, частоту, устойчивость, выборочность и др. параметры связей психических состояний с процессами и свойствами) и дезинтеграция - распад образованных структур. Психические состояния обеспечивают фон психических процессов и влияют на их протекание. При усложнении деятельности становится и более сложным это взаимодействие - увеличивается частота, значимость, устойчивость их связей.

10) Взаимодействие психических состояний с психологическими свойствами. Это множественные отношения. В актуализации состояния, интеграции свойств в функциональной структуре, в формировании психологических свойств личности разного уровня организации, гетеро- и саморегуляции, участвуют все свойства личности (при доминировании отдельных). *Доминирующие связи ведущих (или структурообразующих) свойств личности обусловливают специфику психических состояний*, их модальность, качество и др. Психологические состояния в большей степени связаны с психологическими свойствами более высокого уровня организации - характером, профессиональными качествами, нежели, например, с типо-

логическими СНС. Связи психических состояний и свойств более тесны, устойчивы и дифференцированы по сравнению с аналогичными связями состояний и процессов.

11) Интегрирующая функция состояния способствует устойчивой взаимозависимости психических процессов и психологических свойств, а также формированию единства психического, его целостности. В следствие этого образуется соответствующая психологическая структура, включающая свойства - состояние - процессы, необходимые для эффективного функционирования субъекта. Она проявляется на уровне общего (целостная структура), особенного (блоки, комплексы состояний) и единичного (отдельное состояние).

12) Структура состояний - трёхуровневая организация: 1 уровень - отдельные состояния; 2 уровень - комплексы (плеяды, блоки состояний одного знака); 3 уровень - целостная структура.

13) Функции состояний (в психическом целом) также характеризуются уровневой организацией: 1 уровень - функциональное единичное (отдельное состояние); 2 уровень - функциональных комплексов; 3 уровень - функционального целого.

14) Интеграция направленности закономерных изменений состава, структуры, функций, взаимоотношений со средой (от единичного к целому, от частного к общему, от исходного к высшему и т.д.) стало основанием для построения модели функциональной структуры психических состояний: целостная функциональная структура состояний, благодаря интегрирующей, регулирующей, формирующей и др. функциям, изменяя "психологический строй" личности, обеспечивает уравновешивание субъекта с социальной средой и требованиями предметно-профессиональной деятельности.

В силу чрезвычайно малого количества исследований претендующих на теорию, данная модель была представлена достаточно полно.

В рамках анализа данной модели считаем необходимым (в обоснова-

ние разрабатываемых в диссертации новых подходов), показать внутренние противоречия, недостатки этой модели, поставить, с нашей точки зрения, необходимые вопросы.

Из п. 1 следует, что *функциональная структура* включает в себя *связи между состояниями,* которые (связи) являются *механизмом* через который *интегрирующая функция порождает регулятивную функцию,* т.е. по существу сама *функциональная структура* (своей работой образующая интегрирующую функцию состояния) является *интегратором и регулятором состояний.* Однако уже в п. 2 А.О. Прохоров отмечает, что *интегрирующая функция* состояний связывает особенности внешней среды с психическими процессами и свойствами, образуя (!) *функциональные структуры,* что радикально противоречит п. 1 по содержанию которого очевидно, что совсем наоборот – *функциональные структуры* образуют *интегрирующую функцию*, т.к. содержат связи состояний на основе которых и работает интегрирующая функция.

Понимание функциональных структур, как содержащих связи между состояниями (п. 1) противоречит и п. 3, где *функциональная структура* - это инвариантные и динамические *аспекты* проявления *функций состояния* во взаимоотношениях с *психическим целым* (как системой более высокого порядка). Следует отметить, что функциональная структура не может быть "аспектом проявления функций состояния во взаимоотношениях с *психическим целым*", поскольку сама и осуществляет по определению п.1. (связи между состояниями) взаимоотношения с психическим целым, да ещё и сама порождает как минимум две *функции состояния* (интегрирующую и регулятивную (см. п.1)) и уже только поэтому не может быть их проявлением.

Из логики высказываний А.О. Прохорова также следует, что *функциональные структуры* (поскольку порождают регулятивную и интегрирующую функции) определяют проявления всех остальных *функций состояния* и в тоже время являются аспектами *функций состояния* (п. 3), что с логи-

ческой точки зрения совершенно недопустимо.

В рамках философского анализа следует отметить так же некорректное использование категорий *основание* и *механизм*. Так категория *основание* оказывается подчинённой категории *механизм*, а не наоборот как следовало бы из логики причины и следствия (см. п. 1, где "*основанием* для развития *системы регуляции* является *интегрирующая функция состояний*, а *механизмом* - связи между состояниями внутри *функциональной структуры*"). Отметим так же, что сама разработка понятия *механизм* чрезвычайно важна для создания *общей концепции состояния*.

Не согласимся и с определением *психического целого* (см. п. 3) как состоящего из психических *процессов*, *свойств* и *характеристик среды*. На наш взгляд, при любом содержании понятий психических процессов, свойств и характеристик среды, психическое целое не может из них состоять, как из частей. Психические процессы, свойства и характеристики среды, думается, есть только информационные, понятийные категории, отражающие тот или иной характер взаимодействия в психическом целом, иначе это никакое не целое, а просто части какого-то работающего агрегата.

На интегрированную функцию состояний завязано ещё одно противоречие (см. п. 4б), где "*психические состояния* обеспечивают интегрированную функцию, формируя “психологический строй” личности". Это противоречит предыдущему анализу из которого видно, что интегрирующая функция обеспечивается функциональными структурами (по А.О. Прохорову), которые содержат связи между состояниями, на основании которых и строится интегрирующая функция. И даже по смыслу, разве только через социальную природу (личность) человека обеспечивается интегрированная функция психических состояний? Давно доказано, что психикой можно обладать и без сформированной личности (например, дети до 3 лет), где психика только субстрат развития личности и следовательно интегрирующая функция психических состояний не только не обеспечивается в процессе формирования личности, но и существует до формирования лично-

сти как таковой.

Относительно представленной автором *модели психических состояний* и определённых им понятий существует противоречие между п. 4в и п. 7, из чего полностью непонятным становится содержание понятия *психического состояния* и его *функций*. В п. 4в утверждается, что *психические состояния* обеспечивают регуляцию психических процессов и проявлений свойств, организацию деятельности и поведения, отражают сформированные свойства, трансформации и акцентуации характера (141, С.12). Однако в п. 7 говорится, что *психические состояния* выступают способом организации психических процессов, где каждое из них интегрирует несколько разных процессов. Иначе говоря, получается, что *психические состояния* - это особым способом организованные психические процессы, которые и регулируют *психические состояния*. Так управляют *состояния процессами* или являются ими? При использовании многоуровневого подхода (заявленного в данной диссертации) это противоречие разрешимо, и тогда психические состояния могут быть способом организации психических процессов, но в таком случае, и способом организации психических свойств, деятельности, поведения и акцентуации характера, т.к. одной из посылок многоуровневого подхода является: *управляемое есть выражение управляющего на более низком уровне,* (многоуровневый подход прямо связан с понятием *способ организации*).

Есть в посылках (п. 4в и п. 5) и такое внутреннее противоречие - *психические состояния* регулируют психические процессы, свойства, деятельность, поведение, акцентуации характера (п. 4в, п. 7, п. 11), и в то же время (п. 5) стоят в одном ряду с психическими свойствами, процессами и т.д. (что недопустимо с позиции многоуровневого подхода, говорящего о том, что *если нечто регулирует другое, управляет им, то является системой более высокого уровня организации; то же самое, если нечто является особым способом организации чего-либо в него интегрированного, то существует на более высоком уровне, чем интегрируемые части,* что ещё

раз подтверждает необходимость применения многоуровневого подхода, кроме справедливо отмеченного А.О. Прохоровым системного подхода).

Очень важно также отметить и то, что так называемые *функциональные структуры* подразделены на уровни, критерием такого деления служит время длительности составляющих функциональную структуру. С позиций используемого нами *критериального* и *многоуровневого* подходов, такой критерий не является основанием деления на уровни в выбранной системе (психические состояния), и в подобной форме даёт только аспектное (аспект - деятельность), частное представление о психических состояниях.

Интересно, что есть ещё одно внутреннее противоречие в модели и определениях Прохорова: ставя *психические состояния* в ряд с *психическими процессами* и *свойствами* (п. 5), исследователь отмечает (п. 8), что включение психических *процессов* в структуру *состояний* связано с их (процессов) иерархической организацией. Использование *многоуровневого подхода* показывает: логически получается, что *психические процессы*, включающиеся по иерархическим закономерностям в *психическое состояние* (п. 8), переходят, таким образом, на более высокий уровень организации, образуя *психические состояния* (п. 7), но переходить им некуда, поскольку в функциональной структуре состояний состояния и процессы стоят в одном ряду (соответственно на одном уровне). Кстати, (противоречие с другим автором) Н.Н. Данилова (45) говорит об основных *психических процессах*, как о всего лишь одной из групп *показателей изменения состояния*. Подразделение структуры состояний (п. 12) и их функций (п. 13) на 3 уровня по критерию связанности или отдельности также даёт только аспектное (аспект - степень связанности в целое) представление о их организации, т.к. деление на единичное, комплексное и целое не показывает качественных различий между уровнями организации состояний, а показывает только их эгрегационные различия (связанность друг с другом). Отсюда видно, что построенная на критерии связанности модель целостной функциональной структуры психических состояний лишена об-

щетеоретического смысла, поскольку выражает только один (временной) взгляд на проблему состояний, и практически применима только для обоснования вопросов связанности состояний. Кроме того, понятие *целостной* включено в данную модель, по нашему мнению, необоснованно, т.к., отражая степень связи состояний, не отражает их взаимодействия, и, таким образом, представлена как сумма, а не как *целостность*, характеризуемая единством. Кроме прочего, само название *функциональная структура* и его определение показывают непроработанность понятий *функция* и *структура*. Что, впрочем, невозможно осуществить без применения *многоуровневого* и *критериального подходов* заявленных в базе комплекса подходов данной диссертации.

Приведённого анализа представленной А.О. Прохоровым модели психических состояний (и в её составе модели целостной функциональной структуры психических состояний) достаточно для заключения следующих выводов:

а)Применения методологии системного подхода недостаточно для решения проблемы психических состояний и тем более создания теории психических состояний на философском уровне;

б)Выделение функциональных структур и использование критериев *деятельности* и *времени* как основы модели психических состояний является безосновательным;

в)Модель не показывает как “работают” психические состояния в целостной психической деятельности;

г)Представленная модель целостной функциональной структуры психических состояний не обеспечивает уравновешивание субъекта с характеристиками среды и эффективность деятельности.

Однако неоспоримым достоинством модели А.О. Прохорова является, проработанное автором, подразделение психических состояний, процессов, свойств, деятельности, акцентуаций характера на длящиеся в актуальном, текущем и длительном времени. Из такого подразделения видна их

различная значимость (ситуативная, деятельностная, образа жизни), а также выделение функций состояния. Для данной диссертации работа представляет особенный интерес, поскольку демонстрирует необходимость использования в исследовании проблемы состояния новых (кроме системного) подходов.

Анализ истории использования категории состояния в палитре различных аспектов позволяет сделать обоснованный вывод о необходимости философской проработки содержания категории состояния, и, в особенности, как предполагаемого концепта.

Часть II

Категория "состояние" как состоявшийся концепт

Философский аспект. *Проведём ещё одну смысловую черту, разделяющую на этот раз психологический и философский аспекты.*

В философии категория состояния проходит через всю её историю словно вскользь, без специального отдельного изучения. В промежутке с III-II тысячелетия до н.э. мы находим упоминания о специфических состояниях "души", например, состоянии "нирваны" в древнеиндийской литературе, или "десяти состояниях любви" описанных Ватсьяяной Маллонагой в Камасутре (20). Затем в VI в. до н.э. Гераклит отмечал "состояние" как устойчивый психический феномен, и полагал, что "состояния души" могут переходить из одного в другое. Алкмеон, Эмпедокл, Демокрит и др. полагали, что состояния души обусловлены воздействием внешних и внутренних факторов, а Сократ, Платон и др. - что состояния души индетерминированы. Стоики, эпикурейцы и перипатетики выделяли отдельные виды состояний души (страдания, страсти, напряжённости и т.д.). Как одна из основных философских категорий *категория состояния* впервые возникает у Аристотеля (5, С.65-66), и в своих психологических изысканиях он выделял психические состояния как особые состояния души, подчёркивал связь между ними и характеристиками телесного субстрата, разделял понятия психического состояния и психической деятельности. Далее его идеи развивали Гален, Плотин, Августин. Но, при всей длительности истории развития категории состояния, специальным (и, к сожалению, весьма редким) предметом философского изучения она становится только в двадцатом веке, в частности, в работах В.И. Кемкина (методологические функции категории состояния) и Б.Ф. Сорокина (категория состояния как

предмет субстанциального подхода), а также Е.В. Сироты (в филологическом аспекте) и Е.В. Ситниковой (в педагогическом аспекте); при этом в психологической литературе мы не найдём на них ссылок, т.к. их исследования практически не используются психологами, психофизиологами, биологами и т.д. Состояние определяли Б.А. Грушин, И.Д. Панцхава, М.М. Розенталь, В.Н. Сагатовский, Г.А. Свечников, В.И. Свидерский, А.П. Шептулин, Э.В. Шпольский, и др.

Философски проблема состояния удовлетворительно не разработана, однако в одном из словарей обнаружилось определение состояния, данное детальнее остальных. В философском энциклопедическом словаре Свечникова Г.А. (181) термин *состояние* определяется как – "категория научного познания, характеризующая способность движущейся материи к проявлению в различных формах с присущими им существенными свойствами и отношениями.

С помощью категории *состояния* выражается процесс изменения и развития вещей и явлений, который в конечном итоге сводится к изменению их свойств и отношений. Совокупность таких свойств и отношений определяет *состояние* вещи или явления. Поэтому характеристика *состояния* вещей и их систем имеет важнейшее значение для раскрытия их сущности.

Категория *состояния* сложилась в античной философии. У Аристотеля она выступает в качестве одной из важнейших категорий, тесно связанной с *сущностью* и *отношением*. В новое время в ньютоновской механике *состояние* рассматривалось как экстенсивная (количественная) характеристика движения. В современной науке *состояние* служит интегральной характеристикой различных систем. *Через понятие состояния определяются исходные принципы и понятия теории информации и кибернетики*. Например, *информация* связана с устранением неопределённости в *состоянии* системы и определяется разнообразием её возможных состояний".

Данное определение категории *состояния* обладает очевидными преимуществами философского определения (несёт более интегративный характер, чем частные определения других наук и лишено тем самым частных ограничений), но в тоже время не учитывает характер конкретного применения данного определения в других науках, от чего существенно страдает применительная ценность данного определения. Определяя столь общую категорию, нельзя обойтись без обозначения соотношения с основными включёнными в него элементами (что в данном определении не сделано, но необходимость чего очевидна из, напр., анализа модели психических состояний А.О. Прохорова (см. выше)).

Другие существующие определения категории *состояния* гораздо менее информативны:

Состояние – по Хайдеггеру - действующая в человеке *настроенность* (настроение), на которую он сам не может оказывать воздействия, но которая определяет в данный момент все его чувства, мысли и желания. Состояние человека есть исходный момент нашего существования (ФЭС, Губский и др., 180). Очевидно, что это не определение вообще, поскольку переназывание *состояние настроенностью* не определяет границы понятия и его связи с другими. Кроме того, состояние гораздо чаще бывает таким, на которое человек, напротив, способен оказывать влияние. Что такое "исходный момент нашего существования" тоже не понятно.

"*Состояние* - *структура* системы в данный момент времени: совокупность элементов системы и актуальных отношений между ними. Статическая характеристика (Зарайский, 55)". После сделанного обзора взглядов на проблему категории состояния данное определение не нуждается в комментариях в силу ограниченности самого определения. Состояние не тождественно структуре на момент времени, но включает в себя это как один из аспектов определения.

"*Состояние* - *характеристика* любой *системы*, отражающая её положение относительно координатных объектов среды; положение, в кото-

ром что либо находится; вид, характер расположения, взаимодействия и движения частиц вещества; совокупность определённых величин (Зарайский, 55)". Такое определение даёт представление только об одной грани содержания категории (расположение) и совсем не показывает содержание в целом. Однако, данное определение ценно своим *указанием на взаимоотношения системы с внешней по отношению к ней средой.*

Ещё одним примером определения может быть попытка Р. Хаббарда выделить *состояния* (с предикатом – *существования*), он выделяет три *состояния существования – быть, делать, обладать*. Данное определение имеет свою ценность в качестве выделения критерия деления на эти три вида состояния – причина/исходное состояние; процесс/деятельность; результат/продукт деятельности.

Трудности в определении категории *состояния* имеют свои корни в истории философии. Применение этой категории отражено в различных древних памятниках письменности. Так, в античное время использование категории *состояния* имело свою эволюционную динамику. Например, Платон (131) определял состояние через синоним – "расположение", а уже Аристотель (5) разделяет состояние и расположение наряду с движением, отношением и соразмерностью, ссылается на "большинство мыслителей" *использовавших категорию состояния как всё остальное, что кроме сущности*: "Представляют ли числа, геометрические тела, плоскости и точки некоторые сущности или нет? Если это не – сущности, тогда от нас ускользает, что же есть сущее и каковы сущности вещей. В самом деле, *состояния*, движения, отношения, расположения и соразмерности не обозначают по-видимому сущности чего бы то ни было: ведь все они высказываются о чём – нибудь, что лежит у них в основе, и ни одно не представляет собою некоторую данную вещь. А если взять то, что скорее всего можно бы принять за сущность – воду, землю, огонь и воздух, из которых состоят сложные тела, - то в названных элементах тепло, холод и тому подобные признаки, - это их *состояния*, а не сущности, в то время как тело, испыты-

вающее эти *состояния*, одно только пребывает как нечто существующее и некоторая сущность. Но вместе с тем тело является сущностью в меньшей мере, нежели поверхность, поверхность в меньшей, нежели линия, а эта последняя – в меньшей, чем единица и точка. Ибо если определяется тело, и они по-видимому, могут существовать без тела, тогда как телу существовать без них невозможно. Поэтому большинство мыслителей и мыслители более ранние, со своей стороны, признавали сущностью и сущим тело, а всё остальное считали за его *состояния*, вследствие чего и начала, которые они устанавливали для тел, они принимали за начала всех вещей. Между тем мыслители более поздние и признанные более мудрыми, чем первые, считали сущностями числа (Аристотель, 5, С.65-66)".

Аристотель точно подмечает, что *состояние* – это те изменения, которые *испытывает* система (в его примере – тело). В таком определении состояния заложен и *временной аспект* (о том, что состояние – это положение дел на момент времени) и *аспект относительности состояния* ("тело является сущностью в меньшей мере, нежели поверхность, поверхность в меньшей, нежели линия, а линия – в меньшей, чем единица и точка", следовательно и область определения состояния может распространяться до точки).

Кроме временного и относительного аспектов в содержании категории состояния Аристотель отмечает *принадлежность состояния* наряду со свойствами какой-либо *субстанции*: "В самом деле, я уже не говорю о том, что по ряду причин нелепо утверждать изначальное смешение всех вещей, и потому, что они в таком случае должны были бы ранее существовать в несмешанном виде; и потому, что от природы не свойственно смешиваться чему попало с чем попало; а кроме того и потому, что отдельные *состояния* и привходящие (случайные) *свойства* отделялись бы в таком случае от *субстанций* (одно и то же ведь подвергается смешению и отделению) (Аристотель, 5, С.28/989в)"). Б. Спиноза (163, С.361-362) также выделял у субстанции состояния (Substantiae affectio) и определял их как модусы.

Аристотель отмечает также (на примере пифагорейцев, наблюдающих небо (Аристотель, 5, С.29/990а)), что процесс наблюдения, прослеживания изменений системы должен включать в себя и наблюдение за *состоянием*, наряду с наблюдением за частями и действиями.

Состоянием обладает не только "небо", но и человек. Так, Платон в перечислении качеств физического тела человека, его материального благополучия, рода деятельности объединяет их понятием *состояния*. Позволим себе повторить уже указанную ранее цитату, но теперь рассматриваемую под другим углом. При этом Платон подчёркивает принципиальное отличие оценки и самого оцениваемого состояния. "Настоящим знанием и настоящим мудрым умением не являются ни просто *здоровье*, ни просто *физическая красота*, ни просто *богатство* и *благоденствие*, ни *земледелие*, ни *военное дело*, ни *политика*, ни даже *царское правление* (131, 279а-293а). *Все эти состояния* человека и виды его деятельности не есть ни благие, ни дурные, но могут быть и теми, и другими (Платон, 131, С.14).

Античные философы не только человека, но даже отдельные его элементы наделяют состоянием. Анализируя контексты использования Аристотелем категории *состояния,* интересно отметить в этом смысле использование Аристотелем принципа относительности состояния, когда Аристотель выделяет элементы из системы большего порядка и наделяет их состоянием. Так Аристотель (5, С.47) говорит о трудностях в мышлении: "Поскольку мышление наше находится в затруднении, оно испытывает подобное *состояние*, как люди связанные, - в том и в другом случае невозможно двинуться вперёд".

Говоря о состоянии человека, нельзя обойти и такой уникальный источник сведений о древности, датируемый началом нашей эры, как Камасутра. А.Я. Сыркин во вступительной статье к научному переводу этого источника (Ватсьяяна, 20, С.18) отмечает, что материал Камасутры сохраняет своё значение для истории научной методологии, указывая на пути, которыми древнеиндийская наука шла к полноте описания.

В разделе "о любви к вышедшим замуж за других" автор Камасутры Ватсьяяна Малланага ещё две тысячи лет назад выделял несколько *состояний* любви, разделяя их *по стадиям*. Тем самым Ватсьяяна делает ударение на *преемственности одного состояния от другого* (отмечаемой позднее так же И. Кантом). "Когда же он видит, что любовь его переходит от одного состояния к другому, то, чтобы спасти собственное тело от разрушения, пусть приближается к вышедшим замуж за других. Состояний же любви – десять: любовный взгляд, привязанность в мыслях, рождение желания, бессоница, исхудание, отвращение к предметам восприятия, утрата стыда, безумие, потеря сознания и смерть (Ватсьяяна, 20, С.96)".

Категория состояния, судя и по древним, и по современным источникам всегда обладала *универсальностью* в описании как большой совокупности признаков, так и в описании наличия всего одного признака. Приведём в пример использования категории *состояния* по одному признаку из диалогов Платона (131, С.120): Сократ делает замечание своему ученику о том, что от того "ускользнуло, что одно и то же может относиться к людям противоположного *состояния* - и к знающим, и к невеждам". А в пример использования для описания большой совокупности признаков такое высказывание Сократа: "Вероятно, многим покажется убедительным, что Космос, насколько его величина превышает размеры Сократа или Херефонта, настолько же отличен от нашего *состояния* по своей силе, разуму и способности суждения (Платон, 131, С.425)". Тем самым Сократ таким использованием категории *состояния* задаёт как бы некую критериальную шкалу, в которой могут быть различные значения определённых, заданных критериев оценки (в примере это – сила, разум и способность суждения).

Через категорию *состояния* строят свои определения и современные исследователи. Современное использование данной категории во многом определено развитием таких дисциплин как кибернетика, теория информации, синергетика. Как уже упоминалось, через *понятие состояния определяются исходные принципы и понятия теории информации и кибернетики*

(ФЭС, Свечников, 181). Например, *информация* связана с устранением неопределённости в *состоянии* системы и определяется разнообразием её возможных *состояний*. С точки зрения теории информации многие привычные понятия приобретают совершенно новый вид. Так, например, А.Г. Спиркин (164) определятет понятие *структуры* как "соответствующую упорядоченность множества своих *состояний*". Обладая же определённой *структурой*, сигнал может нести ту или иную информацию (Спиркин, 164).

В данном случае категория *состояния* оказывается способом выражения информации и энергии. Забегая вперёд, можно утверждать, что без категорий информации и энергии не обойтись при создании *общей концепции состояния* в виде философии психологии. Информация и энергия, как общенаучные категории, предполагают характеристику состояния как взаимодействия.

Состояние чаще всего понимают как состояние вещи, по нашему же мнению, состояние следует разделять на *состояние вообще* и *состояние системы*, где состояние вещи входит в понятие состояния системы, такое понимание позволяет по-новому подойти к объяснению многих явлений, например, причинности. В отношении причинности категорию состояния выделяют как один из двух её основных видов (Г.А. Свечников, В.Н. Сагатовский). Если первый – связь вещей с другими вещами (М.М. Розенталь, И.Д. Панцхава, А.П. Шептулин и др.), то второй – связь состояний одной вещи, взятой в определённый момент времени (Т. Гоббс, М. Бунге, В.И. Свидерский, Э.В. Шпольский, Б.А. Грушин). Когда речь идёт о состоянии в контексте причинности, то под состоянием должна пониматься связь состояний, как связь между состоянием вещи (или системы) в данный момент и состоянием вещи (или системы) в последующий момент времени, где под состоянием вещи в данный момент понимается совокупность качественных и количественных определённостей этой вещи, т.е. можно говорить о состоянии и как о множестве одновременно существующих свойств вещи. Объективное состояние вещи есть сама вещь, существующая вне и

независимо от нашего сознания и так или иначе отражаемая им. В таком случае причина понимается как отвечающая на вопрос об источнике движения, изменения вещи, почему произошло явление, а связь состояний понимается как описывающая лишь результат движения, таким образом, причинность объясняет явление, а связь состояний описывает ход его изменения. Однако, по нашему мнению, определённость такого рода возможна только в случае рассмотрения одной и той же наблюдаемой системы, если же область наблюдения (наблюдаемую систему) расширить так чтобы причина оказалась в рамках наблюдаемой системы, то понимаемое раннее как причина будет связью состояний, поскольку изменит свой статус с внешнего на внутреннее. Поэтому состояние системы может рассматриваться только в общем контексте с наблюдателем и, конечно, со средствами наблюдения.

Категория состояния, и в контексте причинности, и в контексте дуализма наблюдатель/наблюдаемое, немыслима вне *взаимодействия*. Само же состояние, как взаимодействие, обладает различными основными характеристиками, такими как *изменчивость* и *устойчивость*, принадлежность к той или иной *эволюционной линии*.

Взаимодействие, две линии эволюции, изменчивость и устойчивость в контексте категории *состояние*. Состояние таких систем, как *общество*, *группа* и *человек* определяется всей совокупностью факторов прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно влияющих на эти системы, а также внутренними условиями самих систем. Состояние оказывается, таким образом, многофакторным, скорее даже "*полнофакторным*" *взаимодействием внешнего и внутреннего* (по отношению к рассматриваемой на предмет состояния системе). "Все субстанции, поскольку они могут быть восприняты в пространстве как одновременно существующие, находятся в полном *взаимодействии* (Кант, 64, С.311)".

Так, *состояние человека* оказывается взаимодействием его качеств и характеристик с качествами и характеристиками среды (факторами среды).

То же относится и к системам большего порядка – группе и обществу в целом. "*Взаимодействие* есть также *условие возможности* самих вещей как *предметов опыта* (Кант, 64, С.312)", в данном случае – предметов человеческого опыта, опыта групп, опыта человечества в целом.

Стороны взаимодействия не обладают состоянием до тех пор, пока мы не выделим их в наблюдении как отдельность, до такого отделения они находятся в составе рассматриваемого взаимодействия, которое и задаёт то или иное состояние. Ограничения синтаксиса языка не позволяют говорить о сторонах взаимодействия, как о "неотдельностях" от самого взаимодействия, поэтому можно утверждать, что всякий раз фокусируя внимание на предмете наблюдения, мы наблюдаем его обладающим состоянием. Как только мы ставим ту или иную сторону взаимодействия в позицию предмета наблюдения, мы тут же превращаем эту сторону во взаимодействие, но уже другое. Получается, что вниманию наблюдателя всегда предстаёт только взаимодействие. Нельзя говорить о состоянии, не говоря о взаимодействии, как и наоборот; и нельзя удалить наблюдателя из системы "наблюдатель – наблюдаемое". Думается, довольно трудно отыскать способ наблюдать наблюдаемое без наблюдателя. Технические посредники в этом помочь не способны: они просто продолжение наблюдателя. Состояние человека оказывается *наблюдаемым взаимодействием*. Человек сам наблюдает, с различной степенью полноты, за своим состоянием, за ним наблюдает группа и общество. Само наблюдение же выступает как одна из граней взаимодействия. Всё есть взаимодействие, и когда мы выделяем в поле своего внимания какую-либо систему, мы тем самым вычленяем из "взаимодействия вообще" некоторую его часть, на которой и фокусируемся.

Всё вокруг взаимодействует, и это взаимодействие непрерывно и прерывно в одно и тоже время. Дискретность или непрерывность взаимодействия - это качества, определяемые разрешимостью инструментов нашего восприятия. Предметы кажутся нам чётко отдельными друг от друга только потому, что мы не способны изменить фокус зрения таким образом,

чтобы увидеть элементарные частицы или ещё глубже – флуктуации физического вакуума и тем самым обнаружить непрерывность в материи. А электрический свет обычной лампочки кажется нам неперывным только потому, что мы неспособны различить частоту вспышек, возникающих пятьдесят раз в секунду (50 Гц).

Тот факт, что взаимодействует всё, что всё есть взаимодействие, говорит о том, что изменения условно выделенных для наблюдения отдельностей так или иначе отражают друг друга. Так и человек (условно выделенная отдельность, система, очерченная фокусом наблюдения) отражает в себе, в своём состоянии, состояние группы, общества. И наоборот, общество и группа отражают состояние человека. Само отражение, взаимовлияние происходит с различными акцентуациями, взаимопоглощением и взаимоусилением тех или иных характеристик рассматриваемых систем, подверженных влиянию всех факторов (в том числе и не выделенных наблюдателем для учёта). Факт взаимовлияния позволяет сделать вывод о том, что нельзя считать внешнее (скажем, по отношению к человеку) положение вещей объективным, в смысле: настоящим, реальным, достоверным, единственно существующим. Так же, как нельзя считать внутренний мир человека единственной реальностью. "Универсалии созерцания, а затем Универсалии рефлексии, - таковы две иллюзии, через которые уже прошла философия в своих мечтах о господстве над другими дисциплинами (объективный идеализм и субъективный идеализм) (Делёз, Гваттари, 48)". Именно взаимодействие этих реальностей (внешней и внутренней) и создаёт ту самую подвижную, восприимчивую к оценкам и во многом оценками создаваемую *социальную реальность*. Так, Платон (131, С.14) отмечает: "все *состояния человека* и виды его деятельности не есть ни благие, ни дурные, но могут быть и теми и другими". Реальность – это взаимодействие, которое, как и любое другое взаимодействие, имеет две стороны: *восприятие* и *воздействие*. В данной работе предполагается широ-

кое, информационное понимание содержания категорий взаимодействия, восприятия и воздействия.

Если мы станем думать, что именно в природе и социальной действительности скрыт некий порядок, представляющий собой действительное положение дел, то мы ошибёмся, поскольку исключим восприятие, т.е. из системы наблюдатель-наблюдаемое исключим наблюдателя, в то время как система наблюдатель-наблюдаемое только в целом может репрезентировать реальность как взаимодействие. Если же мы станем думать, что мир определяется тем как мы его воспринимаем, то опять же ошибёмся, поскольку исключим *воздействие,* или наблюдаемое. Восприятие можно было бы исключить из факторов, оказывающих влияние на наблюдаемое, если бы оно было пассивным. Но восприятие активно. Оно зачастую творит картину мира вместо того, чтобы видеть то, каков он есть. Как могли бы сказать К. Поппер, О. Шпенглер или А.А. Ивин, такого явления как "чистый опыт" не существует. Опыт всегда имеет теоретическую составляющую, на нём сказываются теоретические ожидания, предрассудки, сами способы символического представления.

Воздействие также можно было бы исключить из факторов, оказывающих влияние на наблюдателя, если бы наблюдатель и представлял собою всё существующее. Существующий расклад сил говорит о том, что действительность создаётся обеими силами, и восприятием, и воздействием. Достаточно сменить фокус наблюдения, и восприятие превратится в воздействующую сторону, и наоборот.

Взаимодействие или состояние обладает всей полнотой таких характеристик, как *изменчивость* ("я сам, - признаётся Монтень, - меняюсь по присущей мне внутренней неустойчивости, и кто присмотрится к себе внимательно, может сразу же убедиться, что он не бывает дважды в одном и том же *состоянии* (Монтень, 114, С.21)") и *устойчивость*. "В настоящее время объектом изучения современной философии является окружающий мир как многомерная и многоуровневая система, для характеристики кото-

рой важное значение приобретают *категории устойчивости*, перехода, сложности, вероятности, *неопределённости*, выбора, самоорганизации и др., отражающие статистический, *нелинейных характер его состояния* и развития (Основы..., 125, С.7)".

В разрабатываемой автором концепции состояния состояние включает в себя категорию взаимодействия. Состояние системы характеризуется, таким образом, и изменчивостью, и устойчивостью в равной мере, и, кроме того, в процессе и на момент времени. Изменчивость состояния отражает ту часть характеристик взаимодействия, которые связаны с течением времени, с процессами передачи и приёма информации и энергии (И,Э). *Состояние системы обладает способностью к изменению*, т.е. обладает достаточными внутренними ресурсами, а также достаточной *доступностью* для внешних факторов, чтобы изменить свои параметры относительно некоторой системы отсчёта. *Состояние системы обладает способностью к устойчивости*, т.е. обладает достаточными внутренними ресурсами и механизмами их использования, а также достаточной *недоступностью* для внешних факторов, чтобы сохранять свои параметры существенно неизменными относительно некоторой системы отсчёта. "Флуктуации параметров состояния не мешают системе оставаться в неизменном состоянии благодаря тому, что система состоит из большого числа элементов (Дерябин, Борисенко, 49, С.224)".

Как способность к изменению, так и способность к устойчивости состояния системы, реализуются в различной мере в зависимости от многих факторов. О способности к изменению и способности к устойчивости можно сказать как о *взаимодействии* внутренних интенций системы с факторами или интенциями среды. "*Взаимодействие* – перекрещивание *причинных линий* (Рассел, 145, С.514)" берущих начала внутри и вне наблюдаемых систем. Внутренние интенции системы смогут реализоваться только в определённых условиях, обусловленных этапом реализации самих интенций и подходящими условиями (сочетанием факторов) среды. Сама

система, обладая такой организацией И,Э, которая бы стремилась реализовать собственные интенции системы, *пользуется* обеими своими способностями (к изменению и к устойчивости) как собственно *условием* реализации своих интенций. Именно от того, насколько эффективно система способна использовать свои способности к изменению и устойчивости относительно собственной цели и зависит возможность и качество реализации цели, возможность целенаправленно изменять или сохранять состояние. "Искусство воина в том, чтобы становиться *доступным* или *недоступным* на нужном повороте пути (Кастанеда, 69)". Когда система способна эффективно реализовывать собственные интенции, скажем, человек способен эффективно добиваться своих целей, тогда мы говорим, что система обладает внутренней *силой*. Рассуждая о состоянии и, следовательно, взаимодействии, мы не можем обойти вопроса характеристики взаимодействия. В любом школьном учебнике по физике мы легко найдём в разделе "Взаимодействие тел" категорию *сила*, как одну из характеристик взаимодействия. Определяя взаимодействие как взаимное активное отражение свойств сторон взаимодействия в состоянии, можно сказать, что *сила системы* заключается с одной стороны - в способности системы быть *устойчивой*, резистентной, индиферентной к воздействующим на неё факторам при одновременной способности отражаться в любой внешней по отношению к ней системе, способности порождать изменения во внешней среде или системе, а также и в равной мере, с другой стороны – сила системы заключается в способности к *изменчивости*, гибкости, адаптивности к внешним условиям при одновременной способности "не оставлять следов" во внешней среде, когда это необходимо.

Тенденция нашего времени (конец 20 века, начало 21 века) в акцентуации *изменчивости* в состоянии системы. Однако, изменчивость без устойчивости оказывается бесконтрольной и бесполезной. Роль разрабатываемой автором концепции состояния ещё и в том, чтобы уравновесить современную увлечённость изменчивостью другой стороной состояния – ус-

тойчивостью, равновесием, стабильностью, определённостью, постоянством, которые и позволяют в конечном счёте использовать возможности изменчивости и гибкости. По Канту (64, С.289), "на понятии *постоянности* основывается также и правильное толкование понятия *изменения*. Возникновение и исчезновение – это не изменения того, что возникает или исчезает. Изменение есть один способ существования, следующий за другим способом существования того же самого предмета. Поэтому то, что изменяется, есть сохраняющееся, и сменяются только его *состояния* [отметим в этом схожесть взглядов Канта и Аристотеля, прим.авт.]. Так как эта смена касается только определений, которые могут исчезать или возникать, то мы можем высказать следующее положение, кажущееся несколько парадоксальным: только постоянное (субстанция) изменяется; изменчивое подвергается не изменению, а только смене, состоящей в том, что некоторые определения исчезают, а другие возникают. Поэтому изменения можно наблюдать только у субстанций, и безусловное возникновение и исчезновение, не составляющее определения *постоянного*, не может быть возможным восприятием, т.к. именно это *постоянное* делает возможным представление о переходе из одного *состояния* в другое и от небытия к бытию, которые, следовательно, эмпирически могут быть познаны только как сменяющиеся определения того, что сохраняется". Только эмпиризм может сказать: понятия есть сами вещи, но вещи в свободном и диком состоянии, по ту сторону "антропологических предикатов" (Делёз, 46, 47).

Примерно такую же мысль выражает и Б. Рассел (145, С.490), опять же делая ударение на качестве *постоянства* и указывая на взаимодействие как на перекрещивание "причинных линий", определяя последние как "временную последовательность событий, так относящихся друг к другу, что если даны некоторые из них, то что-то может быть выведено о других, чтобы ни случилось в другом месте. Причинная линия всегда может рассматриваться как *постоянство* чего-либо – человека, стола, фотона и вообще чего угодно. На протяжении данной причинной линии может быть

постоянство качества, постоянство структуры или постепенное изменение в каждом из них, но не может быть внезапных и значительных изменений".

Очевидно, что в общем (в данном случае – телеологическом) смысле и изменчивость, и устойчивость друг без друга совершенно бесполезны и бессмысленны. И без изменчивости, и без устойчивости нет целенаправленного состояния. Продолжая разговор об устойчивости, следует отметить, что устойчивость как таковая может подразделяться по нескольким критериям. Например, устойчивость можно подразделить на виды по отношению к видам факторов, влияющих на состояние системы, соответственно, таких видов устойчивости будет столько же, сколько видов факторов или групп факторов. Устойчивость можно подразделить на виды и по значимым факторам, сведя численность последних до практичного минимума. Неизменность, устойчивость состояния можно охарактеризовать и через критерий времени, иначе говоря, какой промежуток времени неизменности (в общем и целом, относительно какой-то системы отсчёта) состояния считать за проявление способности системы к устойчивости, а не, скажем, к изменчивости. Вариант такого подразделения на три вида по критерию времени предалагает А.О. Прохоров (140, С.9-17), он подразделяет состояния на длящиеся в *актуальном*, *текущем* и *длительном* времени. Из такого подразделения мы можем выделить различную значимость таких состояний, как соответственно: *ситуативная*, *деятельностная* и *образа жизни* или соответствующие виды, или, скорее, *уровни устойчивости состояния*: *ситуативная устойчивость, деятельностная устойчивость, устойчивость образа жизни.*

Таким образом, мы можем качественно дополнить определение категории состояния, данное в философском словаре Свечникова Г.А. (181), которое звучит так: "состояние – категория научного познания, харакреризующая способность движущейся материи к проявлению в различных формах с присущими им существенными свойствами и отношениями", тем, что, в данном случае, оставив общий текст определения, уравновесим его указани-

ем на способность к устойчивости состояния: состояние - категория научного познания, характеризующая способность движущейся материи к проявлению в различных формах *и сохранению этих форм*, с присущими им существенными свойствами и отношениями. Тем самым мы подчёркнули, что с помощью категории состояния выражается не только процесс изменения и развития вещей и явлений (изменение их свойств и отношений), но и фаза равновесия, стабильности, определённости, устойчивости.

Относительно современной тенденции уделять большее внимание изменчивости состояния, существуют подходы к проблеме состояния, в которых большее внимание уделяется устойчивости. Так, среди выделенных Р. Хаббардом *состояний существования – быть, делать, обладать*, *быть* и *обладать* характеризуются в большей мере устойчивостью, чем изменчивостью. Выделив критерии деления на эти три вида состояния, мы обнаружили контексты, в которых состояние характеризуется больше устойчивостью, нежели изменчивостью, а именно в контекстах – причина/исходное состояние (состояние - быть) и результат/продукт деятельности (состояние - обладать), в отличии от – процесс/деятельность (состояние - делать), контекста, который характеризуется в большей мере изменчивостью.

Рассуждая об устойчивости состояния, нельзя не рассмотреть устойчивость в контексте - сущность и состояние. Как уже упоминалось, Аристотель (5) разделяет состояние и сущность, определяя (ссылаясь на "большинство мыслителей") категорию *состояния*, как всё остальное, что кроме сущности. Считая сущностями числа, Аристотель (5, С.65-66) тем самым вынуждает нас сделать вывод о том, что состояние неисчисляемо, что можно рассмотреть в двух основных направлениях: 1) состояние не выражается числом, 2) состояний бесконечное множество. Можно согласиться и с тем, и с другим. Действительно, состояние нельзя выразить числом, можно только численно выразить те или иные параметры состояния, но и в этом случае полноты выражения не достичь, поскольку факторов (даже если взять только внешние), определяющих состояние, неисчисли-

мое множество. Ну, а то, что состояний бесчисленное множество, можно признать, вспомнив о бесконечной природе вселенной или, например, бесконечных возможностях оформлять части вселенной в предмет наблюдения или систему, обладающую состоянием. Для категории устойчивости это имеет значение в том смысле, что *устойчивость состояния*, впрочем также, как и его изменчивость, – не абсолютна, а *относительна* определённой шкалы координат или точки отсчёта. Что и было продемонстрировано в описанном выше примере подразделения состояний на длящиеся в *актуальном*, *текущем* и *длительном* времени. Однако, факт относительности устойчивости нельзя относить автоматически к победе изменчивости. Относительность выражает общее свойство материи к бесконечному движению, она порождается движением, но движением, отталкивающимся от опоры предыдущего своего состояния, а эта опора – устойчивость состояния, подобно силе трения при ходьбе.

Благодаря устойчивости состояния возникают контроль, дисциплина, отрешённость, недоступность, основательность, которые вместе с изменчивостью дают возможность существования смысла и цели. В этом смысле устойчивость и изменчивость оказываются сторонами *силы* системы, например, сторонами личной силы человека. От наличия и использования силы зависит характер взаимодействия системы с окружающим её миром.

Мир, общество, группа отражают состояние человека в той степени, в какой человек обладает и насколько эффективно распоряжается своей *силой* или *потенциалом воздействия*. То же справедливо и наоборот. *Сила*, в данном понимании – *потенциал воздействия,* может *накапливаться* человеком, группой или обществом и может *использоваться* ими. По большому счёту, именно *сила определяет то, какая из сторон взаимодействия будет в данный момент определяющей в формировании состояния системы*. Примером тому является *воспитание – процесс применения силы над индивидом*, в результате чего индивид социализируется, обретает очень сложное, но приемлемое для общества *состояние*. В свою очередь индивид мо-

жет обладать достаточным количеством *силы*, чтобы изменить *состояние* большого количества людей и в их сознании, и через возможность влиять на устроенность их благосостояния.

Стоит обозначить соотношение категорий взаимодействия, значимости и силы. Начнём стого, что *знак* представляет *значение*, а значением наделяется *значимость*. Т.о., значимость – это реальное различие между вещами, граница фаз, сред, возможность говорить о чём-либо. Даже минимальное отличие чего-либо от чего-либо уже представляет собой значимость. Итак, если смотреть на существующее в целом, то нам представляется *взаимодействие*, если же смотреть на это взаимодействие с позиции некоторой стороны взаимодействия, то такой взгляд есть взгляд на *значимость* (в этом смысле состояние тоже значимость), как на выделенную область в поле наблюдения, а если же смотреть на сторону взаимодействия с позиции возможности влияния на другие стороны взаимодействия, то мы говорим о *силе*, как о потенциале воздействия. *Значимость* – это качественная характеристика взаимодействия (следовательно состояния), а *сила* – количественная ("мера взаимодействия").

Сила оказывается тем фактором, который *определяет*, что в данный момент будет определяющим в *состоянии* системы - сторона воздействия на систему или сторона восприятия самой системы. Поскольку действительность определяется взаимодействием, слагаемым из восприятия и воздействия, то получается, что *сила определяет действительность*, и то какая сторона взаимодействия в большей мере будет эту действительность формировать.

Относительно отдельного человека можно сказать, что именно наличие у него *силы* определяет то, насколько человек будет способен самостоятельно формировать своё состояние (и в психике, и в своих обстоятельствах). Если личной силы недостаточно или она неэффективно используется, то человек будет полностью ведомым социальными и другими силами. Если же потенциала воздействия (силы) у человека достаточно, то он

оказывается способным существенно изменять своё состояние даже вопреки внешним условиям.

Введём в наши рассуждения идею о двух линиях эволюции. То, к какой *линии эволюции* относится человек, во многом определяется именно наличием и способом использования *силы*, ресурсов. Человек общечеловеческой линии эволюции является скорее проводником силы общества в целом, он как звено в цепи передачи и использования силы. Человек индивидуальной линии эволюции, напротив, оказывается самостоятельной системой со своей направленностью использования личной силы. Общечеловеческая линия эволюции задаёт пожизненную схему расхода личной силы человека, поэтому общечеловеческая линия эволюции и составляет единственную действительность большинства людей. Индивидуальная линия эволюции показывает возможность выбора в формировании действительности. В развитии человечества подавляющее большинство людей относятся к общечеловеческой линии эволюции и являют собой принцип устойчивости в состоянии такой системы как человечество. Меньшинство, стремящееся идти по индивидуальной линии эволюции и потому отрывающееся от большинства, оказывается носителем принципа изменчивости, дестабилизации устоев общества. Таким образом, общество обладает необходимой для развития *противоречивостью*. Интересно отметить, что именно носители изменчивости вводят в состояние человечества различные новообразования, это на уровне мешьшей абстрактности имеет соответствие. Как выделяет А.О. Прохоров (139, С.9-24), неустойчивые психические состояния обусловливают новообразования личности. Таким образом, на психологическом уровне проявляются закономерности философского характера.

Благодаря тому, что распределение силы человека задаётся социальным воспитанием, можно сказать, что состояние человека во многом определено именно социумом и в нём отражено. Человек общечеловеческой линии эволюции идентифицирует себя с обществом, отождествляет с

группой, которая в свою очередь входит в ещё большую группу, что заставляет человека вновь и вновь интериоризовывать новые поправки к его моделям поведения, интериоризованным раннее. Тем самым, человек постоянно сверяет своё состояние с состоянием общества вокруг. Результаты такой сверки мотивируют его на дальнейшие действия, также вписывающиеся в рамки *согласованной реальности*.

Человек, всерьёз задумывающийся о смысле своего существования и ищущий ответа на этот вопрос, актуализирует в себе возможности индивидуальной линии эволюции, поскольку для общественной всё понятно: *смысл* в выполнении принятых на данный момент развития общества социальных функций особи данного вида и пола, как то: профессия, семья, потомство, старость, утиль. С точки зрения человека индивидуальной линии эволюции, в общечеловеческой линии эволюции для отдельного человека нет *смысла* существования, есть только *функции*, которые человек *должен* осуществлять. Таким образом, в отношении содержания категории смысла того, что делает человек, нам оказываются близки взгляды З. Фрейда, который под "*смыслом* понимал именно *цель*, тенденцию, намерение любого психического акта, а так же его место и значение среди других психических процессов. Эта посылка задаёт одну из основных черт психоаналитической философии вообще и в противоположность традиционной философии в частности, заключающуюся в том, что главным предметом внимания становится *психическая реальность* (Лейбин, 87, С.140)".

Смысл существования, по нашему утверждению, проявляется только для *эволюционной единицы*. В индивидуальной линии эволюции эволюционной единицей является человек, в общечеловеческой – человечество. В индивидуальной линии эволюции сам человек задаёт свой смысл существования своей *смысложизненной целью*. В общечеловеческой линии такой смысл задаёт человечество целиком. Осуществить выбор на уровне смысложизненной цели возможно, только обладая достаточным количеством "личной силы (К.Кастанеда)", в данном случае – как *потенциалом воздей-*

ствия на своё *состояние*. *Смысложизненная цель* – это критерий распределения силы, опора в принятии решений, критерий выбора, т.о. основание, *фундамент состояния человека* индивидуальной линии эволюции. *Смысложизненная цель* – это тот внутренний стержень, относительно которого человек может избирательно отождествляться и разотождествляться с теми или иными качествами, возможностями, значениями (механизм управления состоянием), это возжность знать для человека, что является им, а что им не является.

Пока у человека нет смысложизненной цели, у него нет и возможности действовать самостоятельно, он всегда будет действовать под влиянием момента, у него в принципе не может возникнуть стратегии жизни в целом. Можно сказать, что человека с индивидуальной линией эволюции отличает от человека общечеловеческой линии эволюции прежде всего наличие смысложизненной цели. Таким образом, одна из главнейших характеристик состояния человека (по критерию принадлежности к общечеловеческой или индивидуальной линии эволюции) определяется наличием смысложизненной цели. *Смысложизненная цель* оказывается тем регулятором, который включает использование способности к *изменению* или способности к *устойчивости* человека индивидуальной линии эволюции.

Состояние человека, не обладающего смысложизненной целью, целиком подчинено программам, заложенным в него с детства и закладывающимся в него до самой смерти. Таково состояние большинства, надо полагать практически всех, за редкими исключениями, людей. Данное состояние характеризуется свёрнутостью в нём тех процессов, которые происходят в социуме в период жизни человека вообще и в актуальное время в частности. Человек погружается во все мелочи и задачи текущего момента и не имеет возможности заглянуть дальше или выйти на мгновение из общего потока и посмотреть со стороны. Это происходит потому, что дела настоящего момента имеют для человека соответствующее значение. Этим значением наделяет его дела общество, тем, что встраивает их в свои виды

деятельности, тем, что оценивает и делает (в терминах бихевиоризма) положительные или отрицательные подкрепления. Однако, можно наблюдать совершенно иную картину состояния у человека, обладающего *смысложизненной целью*. Такая цель оказывается тем инструментом, тем волшебным посохом, с помощью которого человек сам способен придавать то или иное значение вещам. "Единственное творчество для нас, как людей, - это изменять значение вещей (Кастанеда, 71)". Эта же цель оказывается и тем инструментом, благодаря которому человек может соотносить эти значения между собой. Человек уже не реагирующая машина со сложной обратной связью, а система, способная творчески интерпретировать полученные данные.

Определямый общественной формой сознания уровень общественного развития, общественно – исторической формации, уровень освоения той или иной сферы жизнедеятельности несёт в себе всю предысторию своего наличного на данный момент состояния. Такой же слепок истории, её запись несёт в своей физической и личностной структуре (в своём состоянии) каждый человек.

Можно сказать, переформулировав известный *биогенетический закон* в *культуропреемственный закон*, что культуроонтогенез повторяет культурофилогенез. Такой взгляд на приемственность познания напоминает платоновскую концепцию "припоминания". "Если платоновская концепция познания основывалась на припоминании знания, существовавшего в виде априорно заданных идей, то уже в психоаналитической теории познания говорится о *филогенетическом наследстве человека*, о филогенетически унаследованных схемах, "под влиянием которых жизненные явления, как под руководством философских "категорий", укладываются в определённый порядок (Лейбин, 87, С.138)".

Однако тот факт, что анализ культуроонтогенеза и культурофилогенеза даёт некие общие закономерности, вовсе не означает автоматической истинности, окончательности последних в формировании состояния человека. Иначе говоря, *состояние человека* может подчиняться и другим зако-

номерностям, закономерностям, основанным на внутренней активной позиции. Такую возможность можно сформулировать как бы в противоречие культуропреемственному закону в форме "*закона преодоления культурофонда*", который можно было бы сформулировать так: каждый человек, наделённый культурофондом социума, его воспитывающего, имеет возможность выйти за пределы данного культурофонда или социального обусловливания и выстроить свою картину мира и основанную на ней общую модель поведения.

Новая модель поведения может рассматриваться социумом как девиантная, опасная и соответственно преследуемая, может быть неадекватной и неспособной к выживанию, а может быть и намного более свободной и эффективной, чем привычная модель поведения, и при этом может быть как открытой для сравнения с распространённой, так и закрытой от общесоциальной системы оценок, устойчивой к влиянию внешних факторов или изменчивой.

К сожалению, человеческая жизнь очень коротка, быстротечна. Для живого человека имеет значение не столько вопрос о том, каковы всеобщие закономерности развития человечества, сколько вопрос о том как ему прожить свою короткую жизнь, какими возможностями он обладает, каким полем выбора и как этим выбором воспользоваться. Для живого человека имеет значение не столько то, как образовался в нём его культурный багаж в виде личности, как он складывался тысячелетиями истории, а то, как ему со всем этим жить, как прожить *самому* эту короткую и противоречивую жизнь, на основе чего решить противоречия заложенные в него природой и воспитанием в виде инстинктов, морали, нравственности, необходимости момента, стремления выжить.

Что значит прожить жизнь самому? Это значит – с самостоятельным выбором в поступках и ответственностью в решениях. А на основе чего могут строиться эти выборы и ответственность? На основе смысложизненной цели. Общечеловеческая линия эволюции не даёт возможности чело-

веку обладать самостоятельным выбором и ответственностью, тем, что поддерживает в человеке чувство собственной важности, закрывая тем самым человеку глаза на факт его смертности, тем, что ставит цели за человека, выдаёт человеку уже готовые цели и смыслы, и даже выборы ("налево пойдёшь…"). Получается, что человек общечеловеческой линии эволюции по определению несамостоятелен и безответственен, по определению неспособен к творчеству и принятию решений. Таково, по критерию ответственности, состояние человека общечеловеческой линии эволюции. Когда общество требует ответственности от человека, на самом деле общество требует актуализации в человеке *совести* (как интериоризованного общественного мнения) и *вины* (как интериоризованного общественного осуждения; чувства потери социальной поддержки). Общество, если так можно выразиться, лукавит, когда требует от человека решений, на самом деле оно требует неукоснительного соблюдения общественных норм и ролевых ожиданий. Принятие решений человек передаёт социальным институтам, ответственность за эти решения размазывается по неким неясным структурам (там ведь тоже люди, которые переваливают ответственность на других), а когда человек получает то, что получает, он начинает обвинять всех и вся кроме себя, поскольку не принял ответственности за свой поступок. Винить кого-либо – это уже само по себе проявление социальной функции (один из индикаторов общечеловеческой линии эволюции). Если человек кого-либо винит – он, как минимум в данный момент, в структуре общечеловеческой линии эволюции. Упрекать кого-либо в чём-либо, в том числе и себя – это индикатор безответственности в состоянии человека (ещё один индикатор общечеловеческой линии эволюции).

Следует отчётливо понимать, что главное различие между общечеловеческой и индивидуальной линиями эволюции для отдельного человека заключается в различии возможностей, которые несут в себе для него эти линии, структурирование жизни в рамках этих линий. Индивидуальная линия эволюции даёт огромные преимущества, это большой эволюционный

скачок для индивида, но и цена за него велика – преодоление культурофонда, выход за пределы личности. Если человек идёт по пути индивидуальной линии эволюции, становится самостоятельной эволюционной единицей, то его состояние претерпевает колоссальные изменения. Так, например, ответственность и выбор оказываются атрибутами состояния такого человека и дают свободу чувственной сфере жизнедеятельности человека, поскольку делая выбор и принимая за него ответственость, человек избавляется от сомнений и, тем самым, от бессмысленной траты эмоциональных сил на переживания по поводу возможных вариантов исхода ("выеденное яйцо") ситуации. Даже получая неприятный для себя результат, такому человеку некого и незачем винить, он принял ответственность за поступок и уже не имеет возможности упрекать кого-либо или себя. А следовательно, такой человек максимально честен перед собой, поскольку, не упрекая себя, он защищается от самообмана, столь привычного большинству людей, принадлежащих к общечеловеческой линии эволюции и обладающих соответствующим состоянием. Обычный человек упрекает и винит себя за промах или неудачу, или даже за несделанное дело, и в следующий раз, поскольку упрекать себя ему неприятно, такой человек просто подсознательно постарается (и у него получится) не заметить своих промахов или запланированных дел, т.е. обманет сам себя.

В состоянии современного человека основное внимание уделяется обстоятельственной сфере жизнедеятельности. (В данной работе, кроме обстоятельственной в состоянии человека выделяются ещё такие сферы его жизнедеятельности, как физическая, чувственно-эмоциональная, ментальная и духовная). Для современного человека, таким образом, центральную роль в общей картине состояния играет сторона *благосостояния*, т.е. такой *аспект состояния в целом*, который несёт в себе те характеристики состояния обстоятельственной сферы жизнедеятельности человека, которые представляют уровень получаемых человеком услуг, уровень его потребительской корзины, качество потребляемых товаров, уровень его возможно-

стей влиять на выработку и распределение ресурсов, уровень его позиции в социальной иерархии. Человек нашего времени оказывается ориентированным на развитие и преумножение своего благосостояния, и основные рычаги управления людьми также оказываются сегодня основанными на механизмах влияния на благосостояние людей. Человеческое поведение мотивируется такими стимулами как социальное признание, деньги, власть, повышение в социальной иерархии, рост количества и качества имущества, услуг, предметов потребления.

Обстоятельственная сфера жизнедеятельности оказывается основным полем действия для общечеловеческой линии эволюции. Именно в эту сферу стягиваются основные ресурсы человека, на эту сферу ориентирована работа остальных его сфер жизнедеятельности. Человек занимается своим здоровьем ровно столько, чтобы оно позволяло работать или, в лучшем случае, тело было в социально одобряемой форме, человек разбирается в своих чувствах только тогда, когда они мешают его деловой деятельности, человек занимает свою ментальную сферу жизнедеятельности решением задач, практически целиком ориентированных на достижение целей преобразования своей обстоятельственной сферы жизнедеятельности, и, наконец, своей духовной частью человек занимается только в периоды глобальных стрессов и потерь, что случается с человеком не слишком часто и, не имея деятельного продолжения в повседневности, быстро забывается.

Всё это создаёт соответствующую специфику *состояния человека современности*. Взаимное отражение социума в человеке и человека в социуме создаёт, подкрепляет и усиливает впечатление о существовании неких глобальных, всеобщих закономерностей, которые и ведут к такому *основанию в состоянии человека* – обстоятельственному основанию. Однако можно привести примеры других оснований состояния человека, например, физическое основание – профессиональные спортсмены, чувственно-эмоциональное основание – актёры по призванию, ментальное основание – в состоянии настоящих учёных, духовное основание – в состоянии так на-

зываемых духовных учителей (адепты Йоги, различных учений и религий). В эволюционном плане обстоятельственное основание в состоянии большинства людей объяснимо тем, что обстоятельственная сфера жизнедеятельности является неким *буфером обмена* информацией и энергией, т.е. ресурсами. Как только возникнет возможность переноса функции буфера обмена на другую сферу жизнедеятелности, например, ментальную, тогда сфера разума станет основным полем битвы, станет основанием в состоянии человека, ментальным основанием. В общем-то развитие технологии даёт понять, что это вполне осуществимо, и в не таком уж далёком будущем.

Состояние, как состоявшийся концепт. Осуществлённый анализ аспектов и конкретных контекстов использования категории состояния в различных областях деятельности человечества позволяет говорить о категории состояния не только как о философской категории, но и как о концепте.

Концепт (лат. conceptus – понятие) – целостная совокупность свойств объекта (Логический…, 92), формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие; в логической семантике – смысл имени (ФС, Фролов, 179).

Вообще, у всех концептов есть история, хотя она извилиста и при необходимости пересекает другие проблемы и разные планы. В концепте, как правило, присутствуют кусочки или составляющие, которые происходят из других концептов, отвечавших на другие проблемы и предполагавших другие планы. Это неизбежно, потому что каждый концепт осуществляет новое членение, принимает новые очертания, должен быть заново активирован или заново выкроен (Делёз, Гваттари, 48). Действительно, проблема философского статуса категории состояния пересекает множество концептов, например, таких глубоких как сущность и отношение (Платон, Аристотель), и таких противоречивых как сознание и личность (Кант, Спиркин, Зарайский). Как уже показано в работе, проблема категории состояния связывает между собой чрезвычайно обширные области человеческого познания и о человеке, и о так называемой объективной действительности. Эти связи воссоздают облик концепта своей структурой и придают новые

возможности взаимодействия общей энергии познания человечества в некоем едином плане познания. Конечно, концепт состояния не способен, как и любой другой, отразить собой весь план реальности, что, впрочем, от него и не требуется. Концепт состояния очерчивает хоть и обширный, но всё же определённый круг вопросов, отражает некий объёмный, но конечно, далеко не полный рельеф оснований человеческого познания. Как говорят авторы книги "Что такое философия?" Ж. Делёз и Ф. Гваттари (48): "у каждого концепта - неправильные очертания, определяемые шифром его составляющих. Поэтому у разных авторов, от Платона до Бергсона, встречается мысль, что суть концепта в членении, разбивке и сечении. Он представляет собой целое, так как тотализирует свои составляющие, однако это фрагментарное целое. Только при этом условии он может выделиться из хаоса психической жизни, который непрерывно его подстерегает, не отставая и грозя вновь поглотить". Отметим здесь только, что заметный структурализм Делёза и Гваттари не ограничивает концептуирующую роль категории состояния, поскольку категория состояния интегрирует в себе и структурную и фукнциональную стороны.

Но, с другой стороны, у концепта есть *становление*, которое касается уже его отношений с другими концептами, располагающимися в одном плане с ним. Здесь концепты пригнаны друг к другу, пересекаются друг с другом, взаимно координируют свои очертания, составляют в композицию соответствующие им проблемы, принадлежат к одной и той же философии, пусть даже история у них и различная (Делёз, Гваттари, 48). *Становление*, как некий процесс смены фаз, процесс полагания, *обретения статуса* – есть не что иное как обретение, вызревание некоего *состояния*, причём посредством смены *промежуточных состояний*. "Всё, что происходит, предполагает *предшествующее состояние*, за которым оно неизбежно следует. Но предшествующее состояние само должно быть чем-то таким, что произошло (возникло во времени, ибо не существовало раньше), так как если бы оно существовало всегда, то и следствие его не воз-

никло бы во времени, а существовало бы всегда. Происшедшее опять-таки предполагает предшествующее ему состояние, а это состояние предполагает ещё более раннюю *причину* и т.д. (Кант, 64, С.490)". Таким образом, когда мы говорим о *становлении*, то мы необходимо подразумеваем некие "причинные линии (Рассел, 145)", некоторый процесс смены причин и следствий, следование одного за другим "предшествующих состояний (Кант, 64)". Становится очевидным, что сама причина оказывается "предшествующим состоянием", а следствие "последующим состоянием". Иначе говоря, можно сказать, что *причина* как статус, и *следствие* как статус являются статусами, присваеваемыми *состоянию вещей*. Или, по-другому: конкретное состояние вещей, по критерию связи во времени, может рассматриваться как находящееся в состоянии причины, или/и в состоянии следствия. Единое состояние под напором нашего взгляда, разрывающего целое на куски, начинает выглядеть как причина или следствие. "В природе, в которой всё связано, в которой всё находится во взаимодействии...нет ничего, что небыло бы необходимым, что было бы случайным или существующим само по себе, вне великого целого (Гольбах, 36)". Состояние всегда есть *становление* этого "великого целого". "Из становления возникает наличное бытие (Гегель, 31)". "Наличное бытие есть вообще по своему *становлению* бытие с некоторым небытием...(там же)". Состояние, становление состояния возникает перед нами как ускользающее "нечто", определяя которое мы необходимо лишаем его (в своём сознании) его "реального статуса", словно помещаем в условия то, частью чего условия и являются. "*Условие* - философская категория, выражающая отношение предмета к окружающим его явлениям, без которых он существовать не может. В отличие от причины, непосредственно порождающей то или иное явление или процесс, условие составляет ту среду, остановку, в которой явления возникают, существуют и развиваются (Зарайский, 55)". С другой точки зрения условие может рассматриваться и как компонент причины, в которой (по Гегелю) уже действуют внешние и внутренние условия. И в том и

другом случае сами условия могут быть рассмотрены как *состояние среды*, или ещё шире – *каузальное состояние*, *причинное состояние*, т.е. определённое *взаимодействие* между предметом наблюдения и его средой. Более того, поскольку состояние это всегда взаимодействие, то говорить о разделении состояния и условий (при любом их определении) можно только в рамках анализа. Так, исследуя связи распада государственности, разрыва государства с религией, и расцветом философии в различных культурах, Гегель (33), отмечает, что несмотря на такую связь нельзя говорить о том, что форма государственного устройства или искусство, или религия и политическая история являются причинами философии, но "скорее они все вместе имеют один и тот же общий корень, дух времени. Определённая сущность, определённых характер проникает все стороны и воплощается, как в различных элементах, в политической, религиозной и научной жизни. Это – единое состояние, связанное внутри себя во всех своих частях, и различные его стороны, как бы они ни выглядели многообразными и случайными, как бы даже они ни казались противоречивыми, не содержат ничего чужеродного в своей основе". "Философия..., есть высший цвет, она есть понятие всего образа духа, сознание и духовная сущность всего состояния народа, дух времени как мыслящий себя дух". Гегель отчётливо даёт понять, что множественность видимостей причин на самом деле есть только проявления некоего общего, "единого состояния". Он также указывает на то, что анализ такого состояния предполагает деление неделимого: "многообразное целое отражается в философии, как в простом фокусе, как в своём знающем себя понятии". Однако, несмотря на единство состояния, для того, чтобы увидеть отношения его элементов необходим анализ, но сопровождаемый рефлексией единства анализируемого, осознанием относительности "частей" в целостном целом.

Делая такой анализ легко увидеть, что рассматривая состояние системы "как бы" в некоторых, конкретных условиях мы раскрываем содержание статуса этой системы. То есть, несмотря на этимологические общие

корни категорий состояния и статуса, которые в общем смысле одно и то-же, можно говорить о статусе, как о конкретном состоянии в конкретных условиях.

Сам по себе *статус,* как категория открывается перед нами как фиксация, схватывание образа *состояния вещей.* Эта фиксация образа осуществляется с помощью *критерия*, который и делает возможным существование конкретного образа, вычленяя его из общего хаоса состояний вещей – *состояния вообще*. При этом выхватываемый из хаоса образ не может, конечно, претендовать на полноту репрезентативности самого хаоса, и в этом смысле образ оказывается только "видимостью, или моментом сущности". "*Видимость* есть сама *сущность*, но сущность в некоторой определённости, притом так, что последняя есть лишь *момент сущности*... (Гегель)". Этот момент самодвижения сущности и схватывает разум своим категориальным аппататом, но не самим по себе, а приложимым к хаосу только через критерий такого приложения, через критерий, который задаёт сам контекст такого приложения и без которого последнее (приложение категорий к хаосу) не имеет смысла, поскольку этот смысл утопает в новых состояниях самого существования вещей или теряется из-за изменившегося состояния самого наблюдателя и его инструментов наблюдения. Такие изменения состояния наблюдателя и наблюдаемого осуществляются и без воли последних, хотя бы только тем, что само движение времени перемещает их из одних условий в другие, поэтому *критерий* должен рассматриваться как атрибут приложения категориального аппарата. В этом сущность критериального подхода.

Итак, *становление* как обретение статуса (конкретного состояния) есть обретение поддающегося рефлексии образа – видимости или момента самодвижения сущности. В данном случае имелось ввиду *становление* – как рефлексируемое явление. По Гегелю, "сущность в своём самодвижении есть *рефлексия*. Видимость есть то же, чем является рефлексия. *Становление сущности*, её рефлектирующее движение есть поэтому движение

от ничто к ничто и тем самым к себе самому (Леонтьев, 91, С.164)". Однако можно говорить и о *нерефлексируемом становлении*, как об изменении в состоянии нерефлексируемых вещей. Но не смотря на то, рефлексируемо становление в новое состояние или нерефлексируемо, само состояние представляется в свете отношения к сущности как её причина. Обосновано (Гегель, Кант, Рассел), что состояние является причиной, обосновано также, что состояние содержит в своём содержании становление, как свой атрибут. При этом, по Гегелю (31), "становление находится позади бытия, оно опосредствует бытие". Кстати говоря, и Сократ (Нерсесянц, 119, С.21) выносил причину за рамки бытия, и не смешивал с ним. Следовательно, состояние как причина сущности, в становлении самой сущности оказывается её моментом самодвижения, то есть, состояние оказывается причиной самого себя. Поясним. Своим неотторжимым атрибутом (становлением) состояние отправляется как бы в прошлое устанавливая своё бытие в настоящем. Своим становлением состояние находится как бы до самого себя, до бытия этого состояния. Состояние, таким образом, не знает преграды между прошлым и настоящим, оно трансцендирует время так, словно время, как форма организации субстанции, вторично состоянию.

Отношение состояния к бытию можно проиллюстрировать анализом такой распространённой фразы: "...при внешнем состоянии материального благополучия...". Здесь категория состояния выполняет функцию связки и даёт "материльному благополучию" собственную бытийность. Без слова "состояние" получилось бы: "при внешнем материальном благополучии", т.е. "материальное благополучие" превратилось бы в только свойство объекта к которому оно принадлежит и который сам обладает собственной бытийностью. Таким образом, в сочетании "состояние бытия", категория состояния устанавливает бытийность, бытие самого бытия, как сущности, а не как бытия чего-либо. Категория состояния, тем самым, творит сущность, устанавливает существование, бытие самой абстракции как суб-

станции. "В сфере становления [атрибут состояния[1]] особенно ярко проявляются "субстанциональные связи", обусловленные континуальностью (непрерывностью) общей субстанции, в которой в той или иной степени погружены, как в материальный океан все предметы (Самченко, 153, С.12)". Состояние наделяет бытийностью создавая событие, со-бытие как (по Хайдеггеру) "бытие совместно с другими", или, более точно, бытие среди других. Ведь, кроме прочего, состояние это всегда подразумевание "другого". Состояние устанавливая бытие феномена словно снимает с феномена относительность его к миру, и в тоже время располагает этот феномен в состоянии всеобщности, предельной тотальности. Приведём для примера ещё такое утверждение: "вся наша жизнь, есть в каждом своём данном состоянии фактический компромисс (Малинин, 103)". Здесь категория состояния создаёт из жизни - как потока целого - дискретный поток, где каждая дискретность обладает своим собственным бытием и при этом подразумевается смена изменения, замещение этого состояния новым, его развитие, т.е. становление.

К вопросу об отношении сущности и состояния, сама сущность в своём *становлении* предстаёт перед нами как нечто, проходящее процесс изменения состояний. При этом, в отношении *сущности,* изменения её состояний, становление её в некоторое будущее состояние, есть, по Гегелю, движение к себе самому, и в этом смысле можно говорить о состоянии как о сущности. Состояния сущности сменяют друг друга таким образом, что каждое будущее состояние оказывается сущностью по отношению к предыдущему состоянию. "Я воспринимаю, что *явления следуют друг за другом*, т.е. в какое-то время *существует состояние вещи*, *противоположное прежнему её состоянию*. Следовательно, я связываю, собственно говоря, два восприятия во времени (Кант, 64. С.291)". Получается, что сущность оказывается содержанием будущего времени, того времени, которое всегда на шаг впереди от настоящего. Сущность же, представленная в прошлом и

[1] Примечание наше

настоящем времени, видится в таком свете как – *состояния*. Таким образом, состояние не знает преграды не только между настоящим и прошлым, но и между настоящим и будущим. Таким образом, в познании через категорию состояния изменяется концепция *времени*. "... Обычное познание вынуждено, как и научное – и по тем же основаниям, что и последнее – рассматривать вещи в пульверизованном времени, в котором не имеющее длительности мгновение следует за другим, тоже не длящемся, мгновением. Движение для него – ряд положений, изменение – ряд качеств, и вообще становление – ряд состояний. <...> Вместо ряда прерывных моментов, сменяющих друг друга в бесконечно разделённом времени, [дух] увидит текучую непрерывность неделимого и реального времени. На место поверхностных состояний, которые одно за другим стали бы покрывать некоторую безразличную вещь и которые были бы связаны с ней таинственным отношением феномена к субстанции, он найдёт одно тождественное изменение, которое развавается, постоянно удлиняясь, подобно мелодии, в которой всё есть становление, но в которой становление, будучи субстанциональным, не нуждается в особой подпорке. Конец отныне инертным состояниям, конец мёртвым вещам: перед взором одна лищь подвижность, из которой образована устойчивость жизни. Видение подобного рода, в котором действительность представляется неделимой и непрерывной, находится уже на пути, ведущем к философской интуиции (Бергсон, 10)".

Возвращаясь к обсуждению отношений состояния и сущности отметим: философ Авиценна различал три состояния сущности: универсальное – по отношению к интеллекту, мыслящему сущность в целом, и единичное – по отношению к отдельным вещам, в которых она воплощается. Но ни одно из этих состояний не является сущностью самой по себе. … Первое состояние сущности – это сущность как означенное [signifee] предложением в порядке понятия или понятийных импликаций. Второе состояние сущности – это сущность как то, на что указывает [designee] предложение в конкретных вещах. И третье состояние сущности – это сущность как

смысл, сущность как выраженное – и всегда с этой присущей ему сухостью [animal tantum], со своей великолепной стерильностью или нейтральностью (Делёз, 46, С.57). Означенное, указанное, выраженное. Повторимся: "Ни одно из этих состояний сущности не является сущностью самой по себе", иначе говоря является сущностью, но не самой по себе, а в отношении, взаимодействии, совместной бытийности, становлении или индивидуальном существовании. Состояние тем самым наделяет сущность индивидуальностью. Удивительным образом состояние устанавливает индивидуальную бытийность сущности, так словно избавляет её от всех присущих ей явлений, но с другой стороны, со стороны со-бытийности с "другими", устанавливает даже индивидуальное бытие сущности совместно, событийно с её явлениями. Одновременно с этим в континууме тотального состояния инидивидуальность сущности и её явления растворяются в этом континууме, но становясь в тотальную действительность обретают этим своё подлинное существование.

Существующее состояние вне континуума тотальности подразумевает своё развитие в некое последующее, причём вариантов последнего может быть множество. Вероятно, именно то единственное, которое и осуществится, и является сущностью, как состоянием в будущем времени, как результатом *становления* сущности. Таким образом, нечто претерпевает изменения из состояния в сущность посредством становления. В таком случае можно не во всём согласиться с И. Кантом, в том, что "если *что-то* изменяется, то *противоположность его* (*противоположное состояние его*) действительна, стало быть и возможна в другое время; следовательно, это не есть противоречащая противоположность *предыдущего состояния*, для которой необходимо, что в то же время когда существовало предыдущее состояние, могла существовать вместо него его противоположность, но об этой возможности нельзя заключать из [факта] изменения (Кант, 64, С.500)". По нашему мнению, противоположность "предыдущего состояния", т.е. "противоположное состояние" (состояние в настоящем времени),

действительна, но не возможна в другое время поскольку в процессе изменения *нечто становится* в сущность, таким образом вступая в единственно действительное для себя состояние в будущем времени.

В этом смысле сущность предстаёт перед нами не только как состояние в будущем времени, но и как необходимость, однозначно детерминированная и раскрываемая взаимодействием всех причин в настоящем времени. "Если бы мы были в состоянии проследить вечную цепь, связывающую все причины с их следствиями, не теряя из виду ни одного звена... (Гольбах, 36)". Сущность оказывается будущим результатом собственной причинности. По мнению И. Канта "можно представить себе только *два рода причинности* в отношении того, что происходит, - естественную и свободную. *Свободная причинность*, против естественной, в космологическом смысле, есть *способность самопроизвольно начинать состояние*; следовательно, причинность свободы со своей стороны не подчинена по закону природы другой причине, которая определяла бы её во времени (Кант, 64, С.562)". В этом смысле самодвижение сущности к себе самой, т.е. становление её в будущем состоянии предполагает необходимое движение, предполагает отсутствие свободы для сущности или жёсткое определение сущности временем. В таком случае свобода для сущности может быть только в таком её состоянии, которое было бы вне времени и с этого состояния начинало бы другое время, но это так же предполагает и возможность состоянию быть вне предшествующих ему состояний или хотя бы оказываться в условиях *начала* нового времени, как новой ветви реальности. Внутри же той реальности, в которой мы наблюдаем некоторое состояние, безусловная свобода оказывается невозможной. "Свобода, как способность безусловно начинать некоторое *состояние*, а стало быть и ряд его следствий, трансцендентальная свобода противоположна закону причинности и представляет собой такое соединение последовательных состояний действующих причин, при котором невозможно никакое единство опыта и которого, следовательно, нет ни в одном опыте; стало быть, она

есть пустое порождение мысли (Кант, 64, С.489-491)". Однако, мы не стали бы столь категорично делать вывод относительно трансцендентальной свободы. Современные достижения физики свидетельствуют в пользу множественной модели миров, измерений реальности, в пользу того, что реальности продолжают возникать в своём бесчисленном множестве, и что причинность может быть не только линейной, но и нелинейной, дискретной. Наше представление о реальности постоянно изменяется, можно сказать, что изменяется состояние нашей картины мира, которая представлена в нашем сознании как определённый категориальный аппарат, в своих связях и отношениях. "*Реальность* дана познающему уму только сквозь целостный "хрусталик" категориального аппарата. Поскольку, однако, этот "хрусталик" представляет собой развивающийся орган, от характера его "преломляющих сред" зависит восприятие мира явлений и ориентация в нём (Петровский, Ярошевский, 129, С.127)".

Итак, вернувшись к обсуждению собственно вопроса о философском статусе категории состояния, мы фактически подразумеваем вызревание категории состояния до уровня философского состояния (статуса). Теперь мы можем постулировать, что категория состояния обрела свой философский статус задолго до его осознания как такового. На протяжении вот уже более четырёх тысяч лет (начиная с древнеиндийских источников) категория состояния обладает философским статусом, будучи неотделимой частью самого философского статуса как идеи, как категории, как концепта. Таким образом, проблема полагания философского статуса (состояния) категории состояния сводится к проблеме специальной философской рефлексии этого статуса как давно существующего, положенного в основы познания самим развитием человечества, самой его историей, историей развития языковых референций и вербальной представленности объектов реальности в культурных слоях истории человечества.

Категория состояния представляется нам как уникальный концепт, уникальный тем, что полагание его в философский статус оказывается по-

лаганием самого в себя. Это полагание самого в себя и самого себя с помощью самого себя (causa sui) осуществляется через осознание самой категории как предмета познания, предмета, который познаётся субъектом – характеризуемым состоянием. Тем самым осуществляется как бы выход за некую оболочку, внутри которой происходили связи концептов и которая благодаря этому переходу обрела статус (состояние) самостоятельного концепта. Однако, факт такого перехода самим своим существованием даёт понять о дальнейших аналогах такого перехода на следующие уровни концептуирования, уровни, может быть принципиально *другого* статуса. Но *другой* здесь становится преходящим, в то время как *статус* (состояние) в качестве фактологического определения обнаруживается как на любом этапе перехода, так и после самого перехода. Состояние оказывается чем-то вроде взгляда на план реальности, чем-то вроде запечатления мгновения её движения (*устойчивости*) и самого факта движения (*изменчивости*). Таким образом, состояние оказывается "концептом-тенью" концепта существования, "тенью" – поскольку несёт в себе нагрузку и концепта несуществования. Он как бы существует благодаря самому существованию и в тоже время не является самим существованием. Концепт состояния оказывается как бы самим планом реальности, поскольку обладает её необходимыми свойствами – состояние содержит структуры и формы, и одновременно является ими в любом мыслимом объёме, состояние содержит некий план реальности и является содержанием этого плана, но вместе с тем неизменно оказывается содержащим и содержанием любого *другого* уровня, стоит нам только обратить на него внимание. Состояние всякий раз оказывается существующим на уровень выше нашего способа наблюдения, и в этом смысле снова уподобляется сущности. Так, нам нет возможности говорить о чём-либо, наблюдать что-либо как не-взаимодействие, а взаимодействие это всегда состояние, состояние факторов, точка пересечения объекта и субъекта, но при этом всякий раз наблюдаемое состояние чего-либо протекает в рамках содержания, в структуре состояния системы "мы

и предмет нашего наблюдения", т.е. системы "наблюдатель – наблюдаемое". Таким образом, концепт состояния, в котором становление есть "часть" его содержания, оказывается как бы всякий раз ускользающим от нашего пристального познания, требующего полноты охвата предмета наблюдения, бытия.

Оказывается, концепт состояния уникален и тем, что при бесконечности его формы и содержания, осознание или, скажем так, коэффициент полноты охвата его содержания может заключаться для нас только в скорости такого осознания, преодолевающего один за другим уровни оболочки, сферы наблюдения в системе наблюдатель – наблюдаемое. Именно *скорость осознания* оказывается мерой полноты осознания содержания концепта состояние, неизменно оказывающегося на шаг впереди нас, в то самое время, когда мы как будто бы уже схватили его. *Полным осознанием концепта состояние стала бы бесконечная скорость такого осознания.* "От Эпикура до Спинозы, от Спинозы до Мишо проблемой мысли является бесконечная скорость, но для такой скорости нужна среда, которая сама в себе бесконечно подвижна, - план, пустота, горизонт. Требуется эластичность концепта, но вместе с ней и текучесть среды. Требуется и то и другое вместе, чтобы образовались "медленные существа", то есть мы (Делёз, Гваттари, 48)". Что бы схватить полноту реальности, необходима бесконечная скорость, необходимо стать "быстрым существом". Концепт состояния обладает свойствами плана, пустоты, горизонта, и в тоже время он эластичен, поскольку вместе с возникновением определения он самим этим фактом оказывается и в содержании этого определения и за его пределами. Действительно, для бесконечной скорости осознания нужна среда, которая сама в себе бесконечно подвижна – это план реальности. Состояние же, как концепт, оказывается своеобразным порогом реальности. Он не есть реальность, но всякий раз оказывается перед ней, между наблюдателем и реальностью, и при этом охватывает их общий момент и их общую форму. Состояние оказывается таким образом, не столько порогом, сколько репрезентатором реальности, её

доверенным лицом, или даже *её* лицом, лицом реальности для конкретного наблюдателя. При этом реальность обладает своим собственным лицом, но в большей мере некоторой определённостью своей многоликости. И эта определённость многоликости реальности, то, каким лицом реальность обращена к наблюдателю, во многом определяется творчеством самого наблюдателя в самом акте наблюдения. Гегель дает концепту мощное определение через Фигуры творчества и Моменты его самополагания: фигуры стали принадлежностями концепта, так как они образуют тот его аспект, в котором он творится сознанием и в сознании, через преемственность умов, тогда как моменты образуют другой аспект, в котором концепт сам себя полагает и объединяет разные умы в абсолюте Самости. Таким образом, *концепт состояния* оказывается всякий раз *творимым* самим наблюдением человека и в целом человеческой культурой и вместе с тем, концепт состояния сам себя полагает – предстаёт лицом реальности, и объединяет наблюдателя и наблюдаемое в некотором абсолюте.

Состояние всегда предполагает определённые возможности и ограничения, всегда полагает собой "возможный мир – обладающий своей собственной реальностью". Состояние всегда представляет собой обращение из некоторого "поля опыта – как реального мира" в "возможный мир" - "другую реальность". Таким образом, состояние оказывается не только порогом перед реальностью, репрезентатором реальности, но и своеобразным *диспетчером реальности*, своего рода стрелочником, переводящим движение лица наблюдателя в другую область существования, чтобы встретиться "лицом к лицу" с новой многоликостью плана. Изменяя состояние, мы изменяем и лицо реальности, которое предстаёт перед нами, поскольку состояние это не личная категория, она не принадлежит одному лицу, она всегда принадлежит всем имеющимся сторонам взаимодействия. И эти стороны естественным образом подвержены взаимному влиянию и эта подверженность разнится от уровня *силы*, которым обладает воздействующая в данный момент сторона. Человек может оказаться целенаправ-

ленной воздействующей стороной в системе человек – окружение. Целенаправленность оказывается тем ресурсом, от которого в основном и может зависеть исход взаимодействия или *картина состояния* – как результата. Целенаправленность задаёт *силе* предметы её приложения, даёт возможность пути от одного состояния к *другому* – целенаправленному. Имея представление о необходимом состоянии, человек может возвести это представление в ранг цели, наделить его этим значением и таким образом, через становление, перейти в новое состояние обладающее другим собственным лицом и оказавшимся в новой области реальности.

Уникальность концепта состояния состоит и в том, что состояние оказывается как бы концептом концептов, может рассматриваться стоящим над ними. Мы уже определили, что состояние (например, состояние системы) обладает такими своими атрибутами как определённое *соединение* элементов, частей системы – *составляющих* систему, её состояние; такими атрибутами как *становление* системы в данное состояние, как процесс смены, превращения промежуточных состояний в *результирующее* состояние, в *статус*, в *обращённость лица* к "возможному миру", такой атрибут как *порог к другой реальности, репрезентатор реальности*. Попробуем теперь продемонстрировать роль состояния как концепта концептов.

Экзоконсистенция концептов (различия и "сочленения" концептов) и их эндоконсистенция (статус составляющих концепта, становление и пороги неразличимости концептов), их внешняя и внутренняя связность, будучи предметом философской рефлексии, предметом наблюдения переходят в статус системы наблюдения обладающей состоянием. Таким образом, концепты и их связки оказываются обладающими состоянием, которое, кроме того, осуществляет переходы в другой статус (в другое состояние). Такой переход подразумевает естественное существование иного состояния вне или потом. Концепты оказываются вплетёнными в некую ткань реальности, они как бы стремятся повторить её рисунок и структуру, проходят становление от одного состояния к другому и состоят каким-то об-

разом в самом акте перехода. Таким способом вновь обнаруживается прямая связь между состоянием и бытием. Подобно тому, как мы обнаружили такую прямую связь с концептом *Существовать*, здесь выступает связь с концептом *Быть*. *Быть* и *состоять* оказываются близки настолько, что кажутся неразличимыми. *Быть* предшествует *состоять* только тем, что ещё как бы не подразумевает взаимодействия. Но "*становиться* предшествует *Быть* (Гегель, 31)", поскольку связывает бытие с небытием. *Быть* может мыслиться без иного, в то время как *состоять* мыслится только в плане взаимодействия, которое не может обойтись без иного или иных. *Состоять* означает обладать не просто Бытием, но неким бытием, определённым бытием, определяемым бытием или статусом.

Вспомним рассуждения о том, что состояние своим атрибутом "становление" предшествует бытию, а также о том, что состояние творит сущность, устанавливает абстракцию как субстанцию. Мы уже видели что такое *состояние бытия*, но что такое *состояние состояния*? Категория состояния здесь, как и в случае с бытием, устанавливает бытийность, но чего? Самого себя? Состояние представляется таким образом как подлинная *субстанция*, как "то, что существует само в себе и представляется само через себя, т.е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться (Спиноза, 163)". И *становление* здесь действительно атрибут, в спинозовском смысле, т.е., то, что ум представлет в субстанции как составляющее её сущность. Но как состояние, своим же существованием подразумевающее "другого", может существовать само в себе и не нуждаться в представлении другой вещи? Удивительным образом состояние оказывается содержащим и содержимым, полагающим время и располагающимся в нём, со-стоящим с "иным" и единственным, со-бытием и пред-бытием, становящимся и неизменным. Следовательно, содержание состояния трансцендентно. Само себя и в себя полагающее состояние отражается в концепте состояния, образуя его "метаконцептуальность".

Попробуем обозначить не только состояние как концепт, но и соотношение концепта и состояния. *Специально обратим внимание, что приводимые нами цитаты кроме собственно контекстуально-содержательной части несут и иную нагрузку – показывают то как используется категория состояния в философии конкретными философами, показывают «в оттенках» то, какое содержание философы вкладывают в категорию состояния.* Так приводимая ниже цитата Ж.Делёза и Ф.Гваттари (48) даёт великолепную возможность убедиться в "метаконцептуальности" концепта состояние. Рассуждая о концепте цитируемые авторы неспециально, но чётко, самим характером рассуждений задают категории состояния её "сверхконцептуальность": "Непрерывно пробегая свои составляющие в недистантном порядке, концепт находится по отношению к ним в *состоянии* парящего полета. Он непосредственно, без всякой дистанции *соприсутствует* во всех своих составлющих или вариациях, снова и снова проходит через них; это ритурнель, музыкальное сочинение, обладающее своим шифром". ...Концепт нетелесен, хотя он воплощается или осуществляется в телах. Но он принципиально не совпадает с тем *состоянием вещей*, в котором осуществляется. Он лишен пространственно-временных координат и имеет лишь интенсивные ординаты. В нем нет энергии, а есть только интенсивности, он анергетичен (энергия - это не интенсивность, а способ ее развертывания и уничтожения в экстенсивном *состоянии вещей*). Концепт - это *со*бытие, а не сущность и не вещь. Он есть некое чистое Событие, некая этость, некая *целостность*. ...Концепт определяется как неразделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в *состоянии* абсолютного парения с бесконечной скоростью. Концепты - это "абсолютные поверхности или объемы", формы, не имеющие иного объекта, кроме неразделимости отличных друг от друга вариаций. "Парение" - это *состояние концепта* или характерная для него *бесконечность*, хотя бесконечные величины бывают большими или меньшими в зависимости от шифра составляющих, порогов и мостов

между ними. В этом смысле концепт есть не что иное, как мыслительный акт, причем мысль действует здесь с бесконечной (хотя и большей или меньшей) скоростью".

Концепт не чего-либо, а концепт как концепт вообще представляется нам, таким образом, неким *общим состоянием* всех своих составляющих (в условиях конкретного концепта). Концепт чего-либо, не обладающий дистанцией между своими составляющими, это и есть *состояние* этих составляющих как целого, *состояние*, которое не может быть представлено составляющими в отдельности или их суммой, но состояние как *целостность*, схватывающая все грани себя самой с бесконечной скоростью. Таким образом, состояние оказывается не только своего рода концептом концептов, но даже синонимом самой категории концепта или даже концепта категории концепта.

В итоге мы получили не только и не столько статус состояния (тавтология) как концепта, но получили состояние как категорию, надстоящую над концептом вообще, над категорией концепта.

Можно сказать, что концепт репрезентирует *состояние,* репрезентирующее *реальность*. Состояние, как событие, таким образом, находит в концепте свою референцию. "Референция затрагивает не Событие, но отношение с *состоянием* вещей или тел, а также предпосылки этого отношения (Делёз, Гваттари, 48)". С помощью концепта, состояние репрезентирует свои составные элементы, которые тут же превращаются наблюдением в системы обладающие собственным состоянием, а следовательно собственной эндо- и экзоконсистенцией.

Именно тем обстоятельством, что концепт оказывается *формой репрезентации состояния*, можно объяснить то, что в концептах все перекликается, вместо того чтобы следовать или соответствовать друг другу. Концептам незачем быть последовательными. Действительно, если принять, что *концепт вообще* является формой репрезентации состояния, то *концептам конкретным* нет никакой необходимости быть последовательными

или иметь совпадающие очертания. Роль конкретных концептов в другом - в том, чтобы оказаться тропой в некую область *состояния-вообще* или *состояние-в-частности*, в ту область состояния, формой репрезентации которого концепт является. Получается, что концепт предстаёт перед нами как тропа в другое состояние, и, следовательно, в "другую реальность" или "возможный мир". А философия оказывается тем самым инструментом человечества, с помощью которого человек прокладывает эти самые тропы в неведомое. Следует заметить, что проложить тропу и идти по ней не одно и тоже. Философия только прокладывает тропы в неведомое, и только в этом смысле идёт по ним. Реальный переход по тропе является переходом в другое состояние, а это уже удел не философов, а практиков, которые в рамках концепта (тропы) создают свои инструменты, позволяющие передвигаться по этой тропе. Как сказал один древнекитайский мастер кузнечного дела из художественного фильма "Клинок": - "я делаю мечи, но я не могу отвечать за то, как их использовали".

Но что такое переход по тропе концепта в другое состояние, это становление самополагания? Становление, переход состояния в другое состояние как самополагание не может быть превращением вещей, поскольку самополагание здесь отсутствует. В превращении вещей оно замещается изменением одного в другое, или с помощью иного, а в самополагании "иного" нет. Следовательно, самополагание состояния это не превращение вещей, но превращение отношений. И это превращение отношений как механизм изменений должен распространяться как на объективную, так и на субъективную реальность. Что же может играть роль такого механизма? По нашему убеждению это отождествление-разотождествление, или интериоризация-экстериоризация. Уже внутри отношений самополагающего состояния рождается "иной", но не как "чужой", а скорее как "новый". Как тропа в другое состояние, концепт должен изменяться, и на всём своём протяжении эти изменения должны быть изоморфны реальному переходу

в другое состояние. Таким образом, концепт должен постоянно менять свой вид, он постоянно должен стремиться состояться в новом качестве.

Поскольку концепт определяется нами как референция состояния, то и вид концепта будет претерпевать изменения тем же способом, что и состояние. Процессы изменения состояния задают своим существованием свойство относительности концепта.

Интересно, что не поднимая вопроса о категории состояния или даже вообще о состоянии, авторы книги "Что такое философия?" Ж. Делёз и Ф. Гваттари (48) в разделе об отличиях философии от науки невольно обозначили наше положение о том, что концепт представляет собой референт состояния: "...отсюда вытекают важные различия между высказыванием фрагментарных концептов в философии и высказыванием частных пропозиций в науке. В первом аспекте всякое высказывание является полагательным (de position); но оно остается вне пропозиции (proposition), потому что ее объектом является некоторое *состояние* вещей как референт, а ее предпосылками - референции, образующие истинностные значения (даже если сами по себе эти предпосылки являются внутренними по отношению к объекту)". По словам указанных авторов так же получается, что объектом философии является *состояние вещей* как *референт*, т.е., по нашему мнению, – *концепт*. В тоже время авторы признают, что предпосылками философии являются референции, т.е., по нашему мнению, некоторые выражения состояния, т.е. концепты и сами процессы выработки концептов.

По мнению Ж. Делёза и Ф. Гваттари "концепт - это контур, конфигурация, констелляция некоторого будущего события (отметим это высказывание как цитата 1). В этом смысле концепты по праву принадлежат философии, так как именно она их вновь и вновь творит. Концепт - это, разумеется, познание, но только самопознание, и познается в нём чистое событие, не совпадающее с тем *состоянием* вещей, в котором оно воплощается. Всякий раз выделять событие из вещей и живых существ - такова задача философии, когда она создает концепты и целостности. Строить из вещей

и живых существ новое событие, придавать им все новые и новые события - пространство, время, материю, мышление, возможность как события...". Однако по другой цитате тех же авторов: "референция затрагивает не Событие (цитата 2), но отношение с *состоянием* вещей или тел, а также предпосылки этого отношения". Эти две цитаты имеют, по нашему мнению, немаловажное противоречие между собой в том, что концепт, в новом понимании его как референции состояния, действительно "не может затрагивать Событие" (см. цитата 2), но (и по этой причине) не может быть контуром будущего события (см. цитата 1). Концепт, конечно, по праву принадлежит философии, но в концепте не может познаваться чистое событие, событие как состояние (а не как положение вещей), поскольку концепт, как определено, вторичен состоянию. Действительно, *событие* не совпадает с *состоянием вещей,* в котором оно воплощается, но конечно не потому, что событие есть концепт, а потому, что *состояние вообще* находит своё выражение в *конкретных состояниях* через концепт. Как уже говорилось, состояние, как Событие, находит в концепте свою референцию. И конечно же, *событие* как *состояние в настоящем времени* необходимо предполагает предшествующее ему другое состояние. "Всякое *действие* как *явление*, поскольку оно вызывает *событие*, само есть *событие* или происшествие, предполагающее *другое состояние*, в котором находится его причина (Кант, 64, С.571)". Понимая событие с глубоким смыслом – как состояние, нельзя согласиться с Делёзом и Гваттари и в том, что концепт обладает властью над событием: "Философский концепт не нуждается в компенсирующей референции к опыту, но сам, в силу своей творческой консистенции, создает событие, парящее над всяким опытом, как и всяким, изучаемым науками, *состоянием вещей.* Каждый концепт по-своему кроит и перекраивает это событие. Величие той или иной философии измеряется тем, к каким событиям призывают нас ее концепты, или же тем, какие события мы способны вычленить из концептов благодаря ей. Концепт принадлежит философии и только ей одной". Действительно,

можно с уверенностью говорить, что наука занимается *состоянием вещей*. Философия же занимается концептами, тем, что над *состоянием вещей*. Но сами концепты представляются нам как референции *состояния вообще*, которое познаваемо только через концепты или воплощение в опыте тех форм *состояния вообще*, которые и представляют собой концепты, и только в этом смысле являющиеся событиями. Концепт перекраивает ситуации, но не события, концепт вторичен событию, он следует ему, репрезентирует его бытие со-бытийствуя с ним в качестве его же концепта.

Обнаружение обозначенных противоречий обязано проработке категории состояния, как *состояния вообще*.

Любопытно, как снова и снова авторы, которые глубоко занимались вопросами природы философии и содержанием категории концепта, но не занимавшиеся проблемой состояния, интуитивно отмечают аналогичные с нашим исследованием мысли. Так, в объяснении того, чем занята философия Ж. Делёз и Ф. Гваттари (48) раскрывают своё представление о соотношении философии и состояния: "философия не занята ни созерцанием, ни рефлексией, ни коммуникацией, хоть ей и приходится создавать концепты для этих активных или пассивных *состояний*. Созерцание, рефлексия и коммуникация - это не дисциплины, а машины, с помощью которых в любых дисциплинах образуются Универсалии. Универсалии созерцания, а затем Универсалии рефлексии, - таковы две иллюзии, через которые уже прошла философия в своих мечтах о господстве над другими дисциплинами (объективный идеализм и субъективный идеализм)". Действительно, философия создаёт концепты для состояний, философия оказывается тем самым средством, благодаря которому человечество задаёт общие контексты познания в форме концептов выражающих *состояние вообще* в доступных для наблюдения *состояниях вещей*. Ибн Сина так же определяет теоретическую философскую науку как "осведомление нас о *состоянии бытия вещей*... (Донских, Кочергин, 50, С.215)".

В таком смысле философ оказывается только тогда проводником в новую область реальности, когда несёт в себе часть того состояния вообще, концептами которого и критериями по отношению к которому задаёт контекст познания в выделенных, тем самым, в поле наблюдения, состояниях вещей. "По Аристотелю философ – это тот, кто изучает "всякую сущность вообще". Таким образом, философ в широком смысле слова – человек, который "располагает… знанием о существующем как таковом", который "в *состоянии* указать…" (Донских, Кочергин, 50, С.213)".

Оперируя референциями состояния вообще – концептами, философия фокусируется как на этапах познания (состояния познания) так и на процессе (становление познания). По А. Бергсону философия должна "ассимилировать *становление*, являющееся жизнью вещей (Бергсон, 10)". И в смысле становления философия, через творческую функцию личных проводников (философов) в новые области познания, необходимо влияет на само становление, на обретение нового статуса развивающейся через промежуточные состояния системе. По М.К. Мамардашвили "философия – это *оформление* и до предела *развитие состояний* с помощью всеобщих понятий, но на основе личного опыта (Донских, Кочергин, 50, С.232)." Примерно так же видит цель философии и М. Э. Монтень. Монтень призывает "последовать "всеобщему закону", т.е. "довериться природе", значит найти путь к самому себе, научиться "*улучшать несовершенное состояние*" человеческой души. Это, по мнению Монтеня, единственная достойная цель (Монтень, 114, С.30)".

Философия стремится к полноте осознания, и совершенству способа познания, значит, по нашему определению, к оптимальным *данному времени* формам референции состояния, и в этом смысле его воплощении. Так К.Г. Юнг (97, С.128) говорит "о завершённой полноте и совершенстве, как о *наивысшем возможном состоянии*".

Оптимальные данному времени формы референции *состояния вообще*, в доступных для наблюдения *состояниях вещей*, путём концептуиро-

вания возможны только в форме особого противоречия, заключающегося с одной стороны в необходимой комплементарности *состоянию общества*, чтобы концепт оказался воспринятым средой своего приложения, и, с другой стороны, в необходимой диспозиции наличному состоянию и в этом смысле в интенции к сущности. "Современная философия как новый этап в развитии теоретической мысли отражает *состояние общества* и положение человека в мире применительно к постиндустриальной эпохе и соответствующему уровню достижений науки (Основы..., 125, С.8)", и помимо такого отражения задаёт обществу устремлённость в будущее состояние, по нашему определению – в устремлённость к сущности.

Такая устремлённость к сущности как диспозиция наличному состоянию всегда предполагает существование неких предпосылок, "предшествующих состояний (Кант)" в качестве причин. "... тогда [в прошлом] было положено начало не только новой эре, но и новому "*состоянию*" *мира*. ... *Новое состояние* – или новая *позиция*, как мы сказали бы – должно вначале проявлять себя в виде более или менее латентной стадии, за которой затем последует *fructificatio*, "пора цветения и пора плодов" (Юнг, 200, С.96)".

Философ как проводник, как индивидуальность, в творимых, или точнее - реконструируемых им концептах, таким образом, может выступать как *предвосхищение нового состояния*. Приведём в пример слова К.Г. Юнга из книги "AION": "Как Иоахим связывал скрытое начало "*состояния*" Святого Духа со Святым Бенедиктом, так и нам позволительно предположить скрытое предвосхищение *нового состояния* в лице самого Иоахима. ...Иоахим, сам не желая того, открыл двери новому "*состоянию*", *религиозной позиции*, призванной перекрыть и скомпенсировать пугающую пропасть, разверзшуюся в XI веке между Христом и Антихристом (Юнг, 200, С.98-99)".

Философ, таким образом, схватывает некое новое состояние как целостность, он схватывает своими инструментами познания некий *момент состояния вообще*, но стремится осуществить это таким образом, чтобы сохранить само движение, единство, наблюдаемой системы, стремится со-

хранить те её качества, без которых система уже не будет целостностью. *Состояние*, как взаимодействие всех составляющих системы друг с другом и с окружающей средой выступает как *целостность*. Приведём определение целостности из философского словаря Розенталя: *Целостность* – внутреннее единство объекта, его автономность, независимость, отдифференцированность от окружающей среды, а так же сам объект, обладающий такими свойствами. Перечисленные характеристики следует понимать в относительном смысле, поскольку сам объект обладает множеством связей со средой, существует лишь в единстве с ней, кроме того, представления о целостности какого-либо объекта исторически преходящи, обусловлены развитием научного мышления. Так биологии представление о целостности отдельного организма недостаточно, поэтому есть такие целостности (уровни организации), как популяция, биоценоз и т.д.

В истории философии в трактовке понятия *целостность* можно выделить две тенденции: целостность, как полнота, как всесторонний охват всех свойств, сторон и связей объекта (в этом смысле целостность сближается с понятием конкретности) и целостность как внутренняя обусловленность объекта, то, что определяет его специфику, уникальность (в этом смысле целостность – сближается с понятием сущности). Понятие целостности играет существенную роль в тех случаях, когда задача исследования заключается в получении синтетического знания об объекте и когда сам объект является достаточно сложным (напр. в системных исследованиях). Методологическое значение представления о целостности состоит в указании на необходимость выявить внутреннюю детерминацию свойств объекта и на недостаточность объяснения специфики объекта извне (исходя, напр., из условий окружающей среды, из рассмотрения частей объекта, в свою очередь обладающих целостностью, либо из целостности включающей данный объект в качестве части и т.п.). Начинают применять понятие целостности не только к объектам, но и к процессам, происходящим в сложных, например самоорганизующихся системах.

В широком смысле о состоянии как о целостности можно говорить, как о бесконечно делимой целостности, которая возможна в любом виде при условии сохранения определения статуса полученной системы наблюдения как системы обладающей состоянием. Бесконечная делимость состояния системы с сохранением статуса делимых частей как целостностей позволяет говорить о бесконечной делимости системы по критерию качественного своеобразия её частей. В этом смысле не только аккумулируемое количество переходит в качество (диалектика), но и сами дезинтегрируемые качества образуют количества качеств. Целостность можно понимать как "обобщённую характеристику объектов, обладающих сложной внутренней структурой (напр., общество, личность, биопопуляция, клетка. Понятие целостности выражает интегрированность, самодостаточность, автономность этих объектов, их противопоставленность окружению, связанную с их внутренней активностью; оно характеризует их *качественное своеобразие*, обусловленное присущими им специфическими закономерностями функционирования и развития (ФЭС, Свечников, 181)". Можно сказать, что концепты и предполагаются как такие *целостности*, которые сохраняют в себе качественное своеобразие, собственную интегрированность, как выражение в рефлексии состояний вещей состояния вообще, т.е. - момент движения сущности, движущейся от себя к себе. К.Г. Юнг (200, С.190), анализируя алхимиков, говорит о "эсхатологическом" единении ("конец обращён к началу, а начало – к концу") как о "*восстановлении исходного состояния*", являющегося и основой индивидуации вообще, в ходе которого "исходное тяготение к целостности перерастает в *осознанное событие*".

Всё вышесказанное о целостности позволяет сделать немаловажный для нас вывод о том, что целостность (как и становление) является *атрибутом состояния*.

В заключение данной части работы следует отметить, что раскрытие философского содержания категории состояния позволяет решить многие противоречия в частных науках. Использование категории состояния как

концепта позволяет раскрывать новые всеобщие закономерности, присущие самым разным системам. Особая актуальность такой работы в психологии, а так же наш интерес к этой науке, обусловили продолжение данной работы как раскрытие концептуирующей роли категории состояния в форме "философии психологии", как раздела философии, направленного на раскрытие таких всеобщих закономерностей в триединой системе человек-группа-общество, без которых невозможна эффективная и методологически правильная исследовательская деятельность в психологии. Такой поиск философских оснований психологии необходим по многим причинам (см. 3 часть), отметим только, что такой поиск не осуществлён, и, по нашему мнению, возможно вообще или, по крайней мере, в ближайшие годы, не будет осуществлён со стороны психологии, поскольку для этого необходимо перестать быть психологом и стать философом.

Философ - это прежде всего философствование, философствование как особая речь (внешняя или внутренняя). Эта речь – словно поэзия, в которой слова уподобляются потоку, словно плетут лассо для ловли сущности вещей и самого бытия. Своей "поэзией" философ словно бы подкрадывается к сущности, как охотник – не допуская шума и небрежности. Философ всё время пытается схватить совершенно особое, осторожное и ускользающее содержание, как охотник, он идёт по следу категорий и запаху смыслов, и ступает он в тёмных дебрях идей именно своей речью. Поэтому речь его часто витиевата и сложна там, где может быть намного проще, но не по прихоти, а чтобы не спугнуть "дичь", которая ужасно боится жёстких каркасов определений, словно чуткий зверёк резкой хлопушки. Философ-охотник идёт как можно тише, своим словом плетёт искусную сеть, прокладывает форватер под бушующим морем страстей, даже заманивает истины, ступая только рядом, так, словно они ему неинтересны. Это совершенно особое искусство, которое недоступно жёсткой специально-научной позиции, практично возделывающей технологические поля. Но каждый, независимо от того, философ он или узкий специалист, нуждается и в том,

и другом. При всей необходимости бытия отдельно одного от другого, философия и специальные науки нуждаются друг в друге, но, конечно, в своё время и особым образом. Охотник приходит в город, деревню, приносит туда свою добычу, но не тащит город за собой в лес. Психология, как такой город, нуждается в философской добыче, сама она редко это понимает, и уж точно не способна своими "хлопушками" поймать чуткого зверя. Психология нуждается в философских основаниях, а такой дар со стороны философии есть шаг к обретению философией нового статуса, осознания себя практикой, словно охотником, который не разворачивается прямо у ворот города, чтобы отправиться обратно в свой философский лес, совершив натуральный обмен, а способен поделиться тем особым знанием, которое необходимо в городе, но которое забылось, вытеснилось жёсткостью конструкций, распорядком и традициями.

Часть III

Концептуирующая роль категории "состояние": Философия психологии

Основания философии психологии

Почему философия психологии, и становление философии в практический статус. Для ясности истоков авторской рефлексии обсуждаемых проблем необходимо начать с предыстории. Автору этих строк посчастливилось учиться сразу по трём специальностям на двух факультетах. На биологическом факультете он специализировался по психофизиологии, в Высшей Педагогической Школе - по психологии и управлению образовательными учреждениями. В данный момент - аспирантура по философии (специальность - онтология и теория познания). В итоге, у автора сформировалось несколько, соответствующих данным специальностям, способов мышления. Интересно отметить, что в рамках "психофизиологического мышления" единственно сто*я*щей, значимой для познания реальностью является физиологический субстрат психики и их (психики и субстрата) отношения, для "психологического мышления" самым важным оказывается именно психика, весь мир для психолога - это один большой психологизм, для философского же мышления самым важным представляется раскрытие всеобщих закономерностей, лежащих не только во времени, но и пронизывающих его.

Всё бы хорошо, но вот эти способы мышления практически не пересекаются. Немного утрируя, для психофизиологов философы – дармоеды ("естествоиспытатели догматики ...готовы назвать труд философов ...совсем напрасным и бесполезным (Струве, 166)"), с точки зрения психо-

логов философы занимаются никому не нужной абстракцией. Психофизиологи и психологи, подметив феномен, экстраполируют вскрытые закономерности в целые теории, мало заботясь о том, чтобы они содержали в себе уже накопленный многовековой опыт философии, как вообще культуры мышления. Самое ужасное в этом то, что философия не интересуется "благотворительностью" - тем, чтобы давать частным наукам основания их мышления. Философия самодостаточна и в этом пребывает вне потока настоящего времени. Такая точка зрения во многом похожа на субъективный идеализм Фихте, Шеллинга и далее Гегеля (32, С.521-522), которые развивали идею о познании как самосознании абсолюта, где философия оказывается действительной деятельностью – самим процессом самосознания абсолюта, для которого мало значительны психологические феномены, тем самым подчёркивая эпифеноменальность и самодостаточность философии. Самодостаточными желают быть и психологи; даже те из них, кто не просто из уважения перед философами, а искренне считают философию необходимой, полагают, что "психология способна собственными силами, опираясь на собственные достижения и руководствуясь собственными ценностями, постичь истоки своего становления, перспективы развития (Петровский, Ярошевский, 129, С.12)". Психология, имея своим предметом "душевную жизнь человека" в своей истории медленно, но верно теряет интерес к абсолютным закономерностям, погружается в исследования психики методами соответствующими требованиям практической применимости полученных знаний и, кроме того, знаний представленных в адекватной современности языковой форме, что дополнительно ограничивает всеобщность раскрытых психологической рефлексией закономерностей. Всё это к тому, что психология как наука в наше время состоит в действительном отрыве от философии, её породившей.

Такой разрыв (отмечаемый, например, Г. Струве, С.Л. Франком, И.Н. Смирновым, И. Бресом) возник как результат активного стремления на протяжении всего двадцатого века сделать психологию позитивной, при-

чём этот разрыв был намечен с самого начала зарождения психологии, так Христиан Вольф в 1732 и 1734 г. пишет две работы Psichologia empirica и Psichologia rationalis. И хотя в его работах ещё нет того рафинированного противопоставления, которое характерно для наших дней, тем не менее, сам дуализм уже был сформулирован. Более того, этот отрыв имеет свою историю, где философы активно содействовали этому разрыву. Приведём примеры. И. Кант утверждал, что психология (он называл её эмпирической) "должна быть изгнана из метафизики (64, С.830)", примечательно то, что при этом он указывал на то, что "чистая философия содержит принципы для практической, но не должна быть смешана с ней", а также соглашался с тем, что "эмпирической психологии всё же приходится ещё оставить местечко в метафизике из соображений экономии, так как она ещё не настолько богата, чтобы самостоятельно составить предмет изучения, и в то же время слишком важна, чтобы совершенно исключить её или придать её какой-нибудь другой науке, от которой она ещё более далека, чем от метафизики. ... Она лишь пришелец, который пользуется приютом до тех пор, пока не создаст себе собственное жилище...". Г. Зиммель (57, С.234-261), так же указывает на некую общность психологии и философии: "рефлексия созерцает *одно и то же* содержание под условием то одной, то другой категории..., один и тот же предмет мы можем понять, как чисто чувственное явление или же - как деталь метафизической картины мира", но тут же делает оговорку, что "есть смысл в том, что каждая из этих значительных форм, каждое вообще наличное содержание берётся, как нечто в себе замкнутое". Э. Гуссерль (43), выделяя феноменологию как имеющую дело с "чистым сознанием", утверждает, что "психология должна оперировать с эмпирическим сознанием", но отмечал так же и то, что психология всё же связана с философией через феноменологию. Г. Риккерт (146), в свою очередь, считал, что специальные науки должны довольствоваться объективирующим описанием, объяснением и предвидением явлений мира. И так далее, примеров много. Но не смотря на столь долгую историю "тихого про-

тивостояния" современная психология заявляет свои права на метафизику, в соловьёвском её понимании – как учении о сущностях и явлениях, закономерно сменяющих друг друга, совпадающих и несовпадающих друг с другом. Так А.В. Петровский (129, С.15), указывает на то, что "выделение наряду с "базисными" метапсихологических категорий и соответствующих им онтологических моделей в теоретической психологии позволяет рассмотреть теоретическую психологию как научную дисциплину, имеющую *метафизический характер*". Однако этого недостаточно, чтобы ликвидировать "разрыв". С нашей точки зрения, психология, как наука, нуждается в философских основаниях, т.е. в философии как общей культуре мышления, нуждается в знаниях о всеобщих закономерностях, присущих обществу и человеку. Многие великие философы (среди них И. Кант и В.С. Соловьёв) считали, что "психология должна быть опытной наукой", в этом контексте примечательно, что психоанализ (особенно французский) попытался в середине двадцатого века отмежеваться от психологии, встать над ней. Несмотря на акцентирование эмпиризма в психологии и попытку психоанализа получить надпсихологический статус, трудно себе представить, чтобы человека, его психику возможно было либо отождествить с «чёрным ящиком», который можно изучить подобно бихевиористам – сопоставляя данные на входе и выходе, либо только интроспекцией и наблюдением «отреагирования». С нашей точки зрения, нельзя отделять психологию от философии, это приводит не к «созданию позитивной науки (Ж. Политцер)» или к «независимости психологии (Г.И. Челпанов)», а к потере самих корней психологического мышления. По словам И. Бреса (18), даже экспериментальная психология отличается от др. конкретных наук, напр., биологии тем, что её изначальные идеи относятся к философским категориям, а не к категориям биологии. По нашему мнению, психология (как наука о психике) должна развиваться в соотнесении с философией (как осуществляемой психикой). Философия и психология должны рассматриваться столь же, если не больше, взаимозависимо, как философия и физика. Если

с помощью философии человек нечто познаёт, то с помощью психологии человек познаёт то *как* это нечто познаётся. Если философия пытается познать всеобщие значения, то психология – взаимопревращение, взаимостановление значений в индивидуальные смыслы. При этом философия с её задачами – это не абстрактный субъект, а конкретные люди-философы, следовательно, психологические единицы. Психология не может быть без теории, она необходимо нуждается в ней, и обязательно будет строить теоретические модели, на философских основаниях или без них. Для небольшого примера приведём слова Ш.А. Надирашвили и В.К. Цаава во вступительной статье к книге Д.Н. Узнадзе "Теория установки": Если раньше психология была ограничена сферой переживаний человека, то сейчас (с возникновением теории установки) она вышла за пределы этой сферы и превратила в объект своего познания единые закономерности переживаний и деятельности человека. Это было новым шагом в развитии психологии (Узнадзе, 173, С.13). Что называется – без комментариев...

Современная высокая специализация в отраслях самой психологии и разница в объяснительных принципах в этих отраслях обусловили возникновение к концу двадцатого века теоретической психологии, как "теории теорий", но обобщение этих минитерий в одну невозможно только как их синтез, даже с элементами философской метафизики. С нашей точки зрения, необходим и более высокий уровень обобщения, в котором теоретическая психология обретала бы свои философские корни, где психическая деятельность человека будет рассматриваться в ключе всеобщих закономерностей филогенеза человечества, его культуры, и "становления сознания (Леонтьев, 91, С.15)". Существующая же только в своих собственных наличных рамках психология неизбежно будет методологически противоречива и содержательно неполна. "Все противоречия специальных наук ... истекают главным образом из неуместенного и некритического расширения их догматических предположений. Специальные науки не разбирают критически своих догматов, которые есть не иначе как предположения

ставшие традиционными (Струве, 166)". Иначе говоря, необходима "философия психологии", как особый раздел философии, направленный на познание, раскрытие философских оснований психологии, преодоление беспочвенных догматов. Философия психологии нужна, говоря словами А.А. Леонтьева и Д.А. Леонтьева, как "методологический каркас психологии, который давал бы возможность на первый взгляд легко и как бы мимоходом давать ответы на сложнейшие вопросы (Леонтьев, 91, С.16)"[1]. Современное обращение психологии к метафизике ещё раз подчёркивает, что веками сложившаяся проблема "разрыва" между философией и психологией это проблема, и проблема весьма важная и актуальная. Кто будет её решать? Психологи шарахаются от философии как от прокажённого. Философы, заметив это, снисходительно усмехаясь, возвращаются к своим вечным вопросам. Классический вопрос: "Что делать?" Если не философия позволит часть своего "живого знания (Губин и др., 96, С.3)" оформить в основания психологии, то что или кто? Очевидно, что это под силу только той сфере знания, которая способна отразить подобную необходимость, а поскольку эта необходимость, по всеобщности, лежит выше психологического знания, то эта сфера знания - именно философия.

Теперь, думается, более понятно, почему именно "философия психологии". Но что взять за критерий отбора этих самых особых оснований психологии? Поскольку философия это "живое знание (Франк, 183)", то в основания психологии рискует попасть вся философия без остатка. Это не решение проблемы. Следовательно, критерий нужен. Зададимся вопросом: через что философия влилась в психологическую форму? Критерием отбора философских оснований психологии нами признаётся ответ на вопрос: через что философия влилась в психологическую форму? За рождение

---

[1] Это понимали многие психологи ещё начала двадцатого века, среди них Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Д.Н. Узнадзе, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, и др. К примеру, докторская диссертация Алексея Николаевича Леонтьева "Развитие психики" содержала в себе большие разделы, посвящённые филогенезу психики (660с.), историческому развитию сознания (500с.), онтогенезу психики и её функциональному развитию (600 – 1000с.) (Леонтьев, 94). Выпущенный в 1994 году сборник трудов А.Н. Леонтьева под редакцией А.А. Леонтьева и Д.А. Леонтьева так и назван: Философия психологии.

психологии можно принимать две даты. Первая – 1590 г., когда Рудольф Гёккель выпустил собрание трудов разных авторов о душе человека[1], вторая - 1879 г., когда Вильгельм Вундт в Лейпциге открыл первый в мире институт экспериментальной психологии. Таким образом, выделение из философии «познания, метафизики и становления души» и обретение психологией эмпирических методов, и оформили психологию как отдельную область познания. Относительно указанной области познания редуцированной в психологию можно утверждать, что философия влилась в психологическую форму через особые категории, ставшие только к концу 20 века предельными категориями теоретической психологии[2]. Здесь же (с выделением собственных предельных категорий психологии) завершился и "отрыв" от философии и, наоборот, явно проступила необходимость ликвидировать этот "отрыв". Вот и искомый нами критерий отбора оснований психологии: предельные категории теоретической психологии, выводящие на непосредственно примыкающие к ним области философского знания. Налаживая разорванную некогда связь, философия психологии, следовательно, должна опираться в построении оснований психологии на такие предметы познания как развитие, филогенез, онтогенез и культурогенез человечества и человека, и через них на такие предметы познания как сознание, "Я", сознательное, бессознательное, объективное, субъективное, личность, разум, рассудок, интериоризация, экстериоризация и др., а также, что очень важно, отношения между ними.

Итак, критерий оснований психологии содержит одну важную часть - указание на конкретные предметы познания, но и это не делает ещё эти ос-

---

[1] ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ hoc est, De Hominis perfection, anima et imprimis ortu hurius... (психология, т.е. о совершенстве человека, о душе и прежде всего о возникновении её).

[2] В 1971 году М.Г. Ярошевским было введено, в отличие от традиционного понятия об общефилософских категориях, охватывающих всеобщие формы бытия и познания, понятие о "категориальном строе психологической науки", во многом в противовес раздробленности психологических школ ориентированных на достаточно изолированные психологические феномены (в бихевиоризме – поведение, действие; в гештальтпсихологии – образ и т.д.). В 1999 году А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским было выпущено первое отечественное учебное пособие по теоретической психологии, в основе которого лежала идея о собственном категориальном строе психологической науки, где базисные и метапсихологические категории находятся в соответствии друг с другом (Образ-Сознание, Мотив-Ценность, Переживание-Чувство, Действие-Деятельность, Отношение-Общение, Индивид-Я) (129, С.16).

нования основаниями психологии. Окончательное оформление критерия (критерия выделения из "живого знания философии (Философия, 178, С.3)" оснований психологии) возможно только с выделением контекста приложения этих выделенных предельных категорий. Такую - вторую - часть критерия легко найти через вопрос: что есть носитель психики? Очевидно, что контекстом приложения философии должна стать триединая система: общество-группа-человек. Теперь ещё было бы неплохо иметь некий общий ключ решения проблемы, нечто такое, что связало бы философию с её предельными категориями и психологию с её предельными (во многом выделившимися из философии) категориями. Такую роль ключа обычно играет концепт. В нашей работе роль концепта играет категория состояния (исходя из чего первая и вторая части нашей диссертационной работы и развивают философскую категорию состояния как концепт, а третья часть - собственно концептуирующая роль категории состояния в основании философии психологии).

Таким образом, мы обозначили чрезвычайно важную и актуальную проблему отрыва психологии от философии, наметили путь решения этой проблемы. Спрашивается, за чем стало дело?

За признанием философией своего практического статуса. "Поворот, происходящий сегодня, характеризуется тем, что мы видим в философии не систему познаваний, но систему *действий*. ...Окончательное наделение смыслом всегда происходит с помощью *деяний*. Именно деяния или действия составляют философскую деятельность (Шлик, 194)". "Действительная ценность философии, утверждает В.С. Соловьёв (Малинин, 103, С.93), - заключается в том, что ей принадлежит освободительная *деятельность*, причём субъектами такой освободительной деятельности могут быть и деятели философы и дяетели не философы". Вся история развития человечества показывает, что вопреки сознательно занимаемой позиции философов-людей философы-идеи живут и независимо от философов-людей, в деятельности людей-нефилософов. Однако, философов это ничуть не сму-

щает, многие видят в этом даже необходимое противостояние, в котором с удовольствием принимают участие. Философия зачастую намеренно отчуждается от "здесь и сейчас", и в этом намеревании видит свою доблесть. Философы безгранично владеют тайной и не делятся ей, потому что не желают для этого "приодеть" своё знание так, чтобы оно было воспринято, более того, это "приодеть" воспринимается философами именно как "смерть философии". Что тогда философия, если не "тайный орден"? Самое интересное, что философу даже не нужно эту тайну скрывать, напротив, он готов говорить и учить - всё равно никто не поймёт. Не поймёт, поскольку для того, чтобы понять философию нужно всю жизнь вывернуть наизнанку, ведь "философию нельзя выучить, её можно только выстрадать (96, С.3)". По мнению Канта (65, С.331-334), "философию нельзя изучать уже по той причине, что таковой *ещё не существует*", "она никогда не достигает такого состояния, чтобы стать прочной во всех частях". Гуссерль (43), так же утверждает, что философии нельзя учить потому, что в ней нет таких объективно понятых и обоснованных идей и потому, - это одно и то же, - что ей недостаёт ещё логически прочно установленных и, по своему смыслу, вполне ясных проблем. методов и теорий". "Собственно целостность бытия (которую ищет философия) в строгом смысле слова никому недоступна; никто не может испытать её воздействие на себя (Зиммель, 57, С.234-261)". По мнению Ф. Ницше (120), нельзя даже научиться понимать что такое философ, по Ницше, это нужно "знать" из опыта. Иначе говоря, философ готов учить, но сколько найдётся таких охотников до добровольного суицида рассудка?

Подобный взгляд, выделивший проблему философских оснований психологии, по нашему мнению возможен только благодаря философскому способу мышления. Решение этой проблемы также возможно только философией, но не "действительной, живой философией", а её *особым вкладом*, заключающимся в том, чтобы, возродив связь между философией и психологией, наладить эту связь в становящемся во времени (и относи-

тельно молодом) психологическом мышлении. Этот особый вклад возможен только философией не боящейся увидеть новый предмет познания. "Философия не была бы плодом самостоятельного мышления, если бы она не заключала в себе возможности разнообразия в определении её предмета, если бы она ограничивала исследования философствующего ума каким-либо законченным, традиционным или эмпирическим понятием о своём педмете (Струве, 166, С.5-15)". Благодаря такой связи, между философией и психологией, психология сможет в трудную минуту (например, при теоретизировании) обратиться к "родителю", подобно тому, как автоматизированное человеческое действие при возникших затруднениях, по законам интерио-экстериоризации, вновь разворачивается, из свёрнутого своего состояния в развёрнутое (на отдельные элементы), чтобы установить новые отношения между элементами деятельности, более адекватные наличным, действительным условиям, чтобы затем вновь свернуться и продолжать функционировать.

"Некий философ" привычно возразит - утопия, попытка оформить неоформляемое. Но возможен и другой взгляд: разве эта попытка оформить неоформляемое не содержит в себе осознание философии, как живой, действительной не в своём категориальном аппарате, а в своей репрезентации сущности, того же гегелевского "самопознания сущности"? И, кроме того, содержит также и идею адресности такой репрезентации. И если философия есть живое знание, то как она может отнестись к обсуждаемой нами проблеме? Думается, что только как к действительному вызову. Живое, если оно действительно живое, встречая реальные трудности, обращает их в вызов, и в этом преодолении осуществляет своё бытие, как становление в сущность себя, в состояние сущности.

Теперь, позволим себе иную постановку вопроса о приемлемости философии психологии: способна ли философия, как живое знание, как осознанное становление человечества в сущность отказаться от такого вызова? Может ли человек отбросить минутное желание (извините) справить нуж-

ду? Может. Может, даже когда нужда станет потребностью. Но вот когда она становится в необходимость, человек уже не имеет выбора. Пример грубоват, как и жизнь, но это лишь оценка. Однако, пример к тому, что является не "лишь оценкой", а "нетривиальной оценкой". От такой нетривиальной оценки зависит выбор. Способна ли философия, как действительно живое, осуществить осознанный выбор, опираясь на рефлексируемую ею потребность, или способна только обслуживать прошлое, дожидаясь когда потребность не станет в необходимость, разрешившуюся без философии? Осознаёт ли философия себя практикой? Довольно много философов представляют философию как имеющую исключительно теоретический характер. Так А. Шопенгауэр (195, С. 131-132, 376-379), утверждал, что "философия может только одно: дать толкование и объяснение существующему и довести сущность мира, которая in concreto, то есть, как чувство, понятна каждому, до отчётливого, абстрактного познания разума, но уж это во всех возможных отношениях и со всех точек зрения". Однако, с нашей точки зрения, не требует доказательств такой очевидный (и поэтому чаще всего незаметный) факт, что философия как ничто другое определяет бытие человечества и каждого отдельного человека, но детерминирует это бытие настолько незаметно, что только философы и шаманы об этом и знают. Ж.-П. Сартр (154), к примеру, полагает, что философия – это всегда практика, и даже – оружие. Философия детерминирует бытие человечества самой тканью мышления, на которой уже потом пишут картины и вышивают, делают из неё флаги или кожухи для атомных ракет. Ведь "человеки" рефлексируют, как правило, предметы своего мышления (и то редко), а вот само мышление остаётся в тени, под покровом "тайного ордена". Если так ставить вопрос, то что может более являться практикой, чем философия?

Если вообразить философию как субъект, с которым можно вести беседу, то её заявления относительно того, что практика к ней не имеет никакого отношения, что она эпифеноменальна и самодостаточна, выглядят,

по меньшей мере, странно. Возникает, естественный (для трезвого человека), вопрос, а в здравом ли уме девица?

Сделаем заключение нашим лирическим отступлениям. Проблема есть ("и она не может не есть"). Есть возможности решения. Воплощение такого решения оказывается ни чем иным, как вызовом философии, как живому, действительному знанию, образно говоря - вызовом "взгляду" сущности в мир людей, или вызовом человечеству как становящемуся в сущность. И если решение проблемы философских оснований психологии сопряжено с самим становлением философии (скорее, вытекает из этого становления) как "взгляда" сущности в новый статус, состояние; в состояние/статус философии, осознающей себя как действительную практику, то от этого решение поставленной нами проблемы становится в осознании только как ещё более важное и актуальное. А что философия без людей? Следовательно, именно в изменении отношения конкретных философов к становлению философии в новый статус (состояние), в изменении статуса/состояния самих философов лежит основа решения поставленной нами, казалось бы, на первый взгляд, "частной" и "конкретной" проблемы философии психологии как оснований психологии.

Сделаем из всего этого "частный" и насущный вывод: философия психологии нужна, и нужна как именно философия психологии, а не философия и не психология, и решение этой проблемы должно рассматриваться как один из процессов в становлении философии в новое состояние, в новый статус, в котором она будет осознанной (а не, с позволения сказать, "сумасшедшей") практикой. Именно в факте становления философии в новое состояние, в содействии этому становлению, и заключается философская значимость разработки философии психологии.

Начать же осуществление такой работы следует с выяснения того общего ключа, посредством которого будут строиться философские основания психологии.

Категория "состояние" как основание философии психологии. На новом этапе работы вновь подчеркнём разделение философского уровня решения проблемы состояния на два контекста, в рамках которых данная проблема нами решается. Первый контекст - *философский* (подразумевает видение предметов философии как систем, обладающих состоянием, или находящихся в состоянии). Второй - контекст *философии психологии* (в его рамках рассматриваются предметы философии психологии, как системы, обладающие или характеризуемые состоянием). Если *философия* рефлексирует основания бытия и познания (как всеобщие закономерности), то *философия психологии* ограничивается поиском оснований и выводимых из них обоснований общих закономерностей таких систем как общество (в степени его влияния на группу и человека, их включённости в него), группа и человек.

Оба контекста нераздельно включены в общий философский уровень рассмотрения категории состояния. Систематизируя и выявляя содержание категории состояния в первой и второй частях работы, мы показали её философский статус, позволяющий приложить обнаруженные объяснительные возможности к различным системам. В данном исследовании такими системами стали общество, группа и человек. Именно тем, что на данном этапе развития общей *концепции состояния* рассматриваемыми системами стали общество, группа и человек и объясняется название - *философия психологии*. С одной стороны, исследуются всеобщие закономерности, рефлексируемые с помощью философской категории состояния (сама категория состояния, система - общество и др.), с другой же стороны в рамках данного обобщения выделяются действительно психологические системы - человек и группа. Такое в известной степени условное деление, тем не менее, считается нами оправданным в методологическом плане.

Проведённый выше анализ категории состояния как философского предмета познания, концепта, необходимым образом предполагает его использование в системах общества, группы и человека, как систем, обла-

дающих и достаточно полно характеризуемых данной философской категорией. Более того, обнаруженные свойства категории, как уникального концепта (см. часть II), приводят к выводу о дополнительных объяснительных возможностях, которые несёт с собой использование категории состояния для познания человека, группы и общества. Попыткой воплощения таких новых объяснительных возможностей, открытия новых закономерностей (а также известных, но в новом качестве) и является, по нашему замыслу, данная работа.

Главным основанием философии психологии (как разрабатываемого нами условного раздела философии) является *категория состояния*. На основе первой части предлагаемого исследования (в которой наряду с категориальным анализом были представлены и реальные основания категории в форме феноменов), категория состояния видится нам как идея, имеющая своё философское действительное бытие. Пространственно-временные законы и законы мышления, а также условий (как фактора сопутствующего и входящего в основание) с необходимостью предполагают действительность вытекающих из этой идеи суждений, логических оснований или оснований познания. Будучи развёрнутой в становлении из некой основы, категория состояния как основание в совокупности с общим комплексом условий реального времени предстаёт перед нами уже в качестве причинного поля, следствия которого разворачиваются в бытии и становлении. Таким образом, философия психологии в лице категории состояния обладает целостностью логического и реального (связь с опытным содержанием) оснований.

Состояние как обоснованная философская категория является предпосылкой существования чрезвычайно широкого спектра явлений. На уровне данной работы, мы, руководствуясь научной целесообразностью, сознательно ограничили этот спектр до трёх предельно взаимосвязанных систем, исследование закономерностей в которых отличается особой актуальностью. Таким образом, категория состояния рассматривается нами как

предпосылка явлений в системах: общество, группа и человек, которые следует, конечно, рассматривать не в отрыве, а как особое триединство. Заложенная в основание рассуждений об этих системах категория состояния закономерно используется нами при объяснении этих систем, как философско-психологических явлений. По существу, как того и требует культура философского рассуждения, обоснования, развиваемые нами в *концепцию состояния,* выводятся из всеобщих закономерностей, отражённых в содержании категории состояния.

Категория состояния как разрешённое противоречие (*основание*, по Гегелю, 32) в *контексте философии* рассматривается нами как решение противоречия между дуализмом структуры и функции, восприятия и воздействия в их единстве - взаимодействии, обнаруживающем себя на различных уровнях своей организации, которые обладают и качественными и количественными характеристиками, взаимосвязанными с подобными им собственными характеристиками наблюдателя; и в этом смысле категория состояния рассматривается и как решение противоречия дуализма объективного и субъективного. В *контексте же философии психологии* категория состояния предполагается нами как решение противоречия между обществом, группой и человеком во всех соответствующих, доступных для философской рефлексии аспектах. В этом смысле исследование нами общества, группы и человека как предметов познания направлено на раскрытие сущности этих систем как явлений, раскрытия внутренне присущих им противоречий в диалектическом смысле, то есть как законов их бытия, движения и развития.

Если обобщить сказанное с позиции критерия оснований философии психологии, то категория состояния представляется в качестве "*достаточного основания* (Лейбниц, 88)" (principium rationis sufficientis).

В ходе наших рассуждений мы выделили проблему философии психологии как необходимого раздела философии[1] направленного на поиск оснований психологии. Решая эту проблему, философия психологии, естественным образом, должна обладать своими предметами, задачами и методами исследования.

Предмет, задачи и методы философии психологии. ***Общий предмет***. Общим предметом познания философии психологии, как раздела философии является триединство систем *общество-группа-человек*. В развёрнутом виде этот предмет познания можно представить как изучение всеобщих закономерностей, присущих данному триединству в таких аспектах изучения как *взаимодействие* (предполагающее единство структуры, функции, механизма изменения, единство объекта и субъекта, наблюдателя и наблюдаемого, восприятия и воздействия); *сферы жизнедеятельности* (в которых осуществляется триединство общества-группы-человека); *фило - и онтогенез* их состояния (становление состояния); *общечеловеческая и индивидуальная линии эволюции*; *сила* и др. ***Частные предметы***. Частные предметы познания философии психологии представляют собой участки существующего, на которых сфокусирована философская рефлексия посредством категории состояния в контекстах, определяемых рамками указанного триединства. Таких предметов познания столько же, сколько явлений, феноменов, в которых обнаруживают своё существование и деятельность такие системы как общество, группа и человек. Обозначим некоторые из них.

Прежде всего, это предельные категории философии психологии. Кроме категорий, обозначенных в качестве общих предметов познания философии психологии это: Объективное, Субъективное, Субъективация, Объективация, Сознательное, Бессознательное, "Я", Сознание, Язык, Знак,

---

[1] Учитывая рамки и поставленные задачи нашей диссертационной работы, само развёрнутое содержание философии психологии будет опубликовано отдельной монографией, рукопись которой (10,53 усл. печ. листа) в форме необязательного приложения к диссертации в настоящее время отдана на рассмотрение членам учёного совета (Тюмень, ТГУ).

Значение, Значимость, Целостность, Интериоризация, Экстериоризация, **Отождествление, Разотождествление,** Интроекция, Проекция, Перенос, **Рассудок, Разум,** Личность, Самость, Чувство Собственной Важности (Значительности, Достоинства), Страх и др., которые в рассмотрении через **категорию состояния,** становление состояния, через рассмотрение их в ракурсе *отношений рационального и психического*, и представляют предметное поле философии психологии.

По своему назначению предельные категории философии психологии призваны раскрывать сущность исследуемых явлений в обществе, группе и человеке, образуя тем самым *категориальный строй философии психологии.*

Как раздел философии, философия психологии своим категориальным строем, предметами познания отлична от начавшей оформляться в конце 20в. *теоретической психологии* (как раздела психологии). "Особенностью формирования теоретической психологии в настоящее время является противоречие между уже сложившимися её компонентами (категориями, принципами, проблемами) и её непредставленностью как целостной области, как системы психологических категорий (Петровский, Ярошевский, 129)". Философия психологии в ряду гуманитарных наук может, с известной долей условности рассматриваться между философией и теоретической психологией. *Уникальность и онтологический статус философии психологии в том, что её роль не в принципиальном раскрытии сущности бытия и познания (философия), и не в обобщении психологических категорий в целостную систему (теоретическая психология), а в том, чтобы показать отношения категорий философии с их референциями в теоретической психологии.* В этом отношении и заключена в основном философия психологии, как та область философии, которая оформилась в истории познания через особые методы в психологическое знание.

Вопрос о предмете познания философии психологии, для ясного его оформления в понятиях, требует небольшого экскурса в область теоретической психологии, как новой и ещё не оформившейся науки. Данный экс-

курс делается нами с целью прояснения различия между философией психологии (как разделом философии) и теоретической психологией (как разделом психологии).

Итак, в основе теоретической психологии лежит необходимость объединения психологических категорий в систему, в установлении отношений между ними. Теоретическая психология предполагает развитие принципа историзма психологических концепций в некую теорию теорий, где предметом теоретической психологии оказывается сама исследовательская деятельность. О том, как это делается в наше время, мы имеем возможность судить по учебному пособию "Основы теоретической психологии" профессоров А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского (129), известных учёных, пионеров теоретической психологии в нашей стране (так же, автором одной из глав пособия является В.А. Петровский).

Авторы пособия выделяют кроме общеметодологических вопросов такие разделы, как *базисные категории психологии*; *метапсихологические категории*; *объяснительные принципы психологии* и *ключевые проблемы психологии*. Базисными категориями психологии обозначаются: категория *образа*, *действия*, *мотива*, *отношения*, *переживания*. К метапсихологическим категориям авторы относят категорию *личности*, *деятельности*, *общения*. Объяснительными принципами психологии признаются: принцип *детерминизма*, *системности*, *развития*. К ключевым проблемам отнесены *психофизическая* (отношение между психикой и физическими законами), *психофизиологическая* (отношение между психикой и её физиологическим субстратом), и *психогностическая* (проблемы познания в психологии).

А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский (129) предлагают своеобразную категориальную таблицу, в которой сделана попытка структурно представить категории в их связях и отношениях друг с другом. Три уровня категорий в таблице обозначены как биосфера, психосфера и ноосфера, и включают в себя соответствующие ряды категорий. Так, например, если Организм признаётся протопсихологической категорией (биосфера), то

Индивид (психосфера) является уже базовой категорией, прямо связанной с предыдущей, а "Я" (психосфера), как метапсихологическая категория, будучи связанной с индивидом прямой связью, далее связана с категорией Личность (ноосфера), как экстрапсихологической категорией. Кроме приведённого примера вертикальной связи категорий все категории таблицы связаны и горизонтальными связями. Авторы концепции признают условность такого жесткого деления и оговариваются о необходимости включения в систему новых категорий, или их замены на другие обоснованные как более уместные.

Конечно же, подобная стратегия систематизации по типу таблицы Менделеева, будучи оправданной для психологии, не может иметь своих аналогов на философском уровне (разве что в структурализме), по причине общего стремления философии к познанию сущности вещей, а не их соотношения и формы. Философия не призвана складывать мир по ячейкам классификаций, она стремится схватить само движение содержания категорий и в этом акте схватывания и рождаются философские концепции. Философия психологии, будучи разделом философии, также предполагает устремлённость на постижение сущности явлений (в данной работе - общества, группы и человека) на основании категории состояния, по нашему мнению, обладающей необходимыми для этого свойствами.

Вместе с очевидными различиями в подходах и предметах познания между философией психологии и теоретической психологией имеются и смежные категории и отношения, рассматриваемые и там, и там. В эпистемологическом же плане, по нашему мнению, между философией психологии и теоретической психологией должна быть соответствующая преемственность от общего к частному, так, например, по утверждению А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского (129, С.11) "общая психология обращена к анализу психических процессов и состояний", демонстрируя этим, по нашему мнению, отражение всеобщих закономерностей, заложенных в содержание категории состояния в их конкретно-научном аспекте.

Стоит отдельно подчеркнуть как предмет философии психологии и её раздел этики. Категория состояния закономерно отражает в себе и этические закономерности, необходимо присущие таким системам как общество, группа и человек.

Представление о предмете философии психологии не будет полным без обозначения не только категорий философского анализа и синтеза, но и самих проблем (от греч. problema, что значило: "преграда", "трудность", "задача", "вопрос"), решаемых философией психологии. Большинство действительных мыслителей, учёных (среди них А. Эйнштейн, Л. Инфельд и др.) признают, что сформулировать проблему часто важнее и труднее, чем решить её (Григорьев, Мякишев, 37, С.58-59). Отметим некоторые из таких проблем.

Проблемное поле философии психологии. Категория состояния при рассмотрении общества, группы и человека предполагает как их совместное нахождение, взаимодействие, так и становление. В этом плане обнаруживается широкое поле исследования для философии психологии. Это такие проблемы как: становление состояния общества, группы, человека, или подробнее - становление сознания ("необходимо различать философский вопрос о сознании и конкретно-научный, то есть общественно-исторический, конкретно-психологический ... вопросы о сознании (Леонтьев, 91, С.26)"; установление смысла и значения, и отношения к значимости; отношение психического отражения и действительности; основания, как способы мышления; проблема онтологического статуса "Я"; проблема индивидуального смысла жизни; проблема антропоцентризма в учениях о человеке; преодоление дуализмов в науках о человеке и обществе; взаимосвязи и взаимовыражения личного и общественного; психология общества; основания личности; проблема отчуждения жизни; мышление как связь общества с действительностью ("стиль мышления эпохи почти всецело лежит вне сферы аргументации этой эпохи (Ивин, 59, С.137)"); проблема целостности (общества, группы, человека); сущность понимания, "пронизывающего все связи человека с миром (Гадамер, 28)"; исходные абстрак-

ции, репрезентируемые в теоретическую психологию из философии; проблема соотнесения целостности содержания феномена с условностью знаковых референций; основной вопрос философии в отношении общества, группы и человека; проблема учитывания всеобщности взаимодействий в частных вопросах; способ формирования понятия; интенция; возможности состояний; дескриптивно-прескриптивная проблема; личность или человек; сущность личности; сущность сознания; сущность индивидуального и общественного развития; проблема полноты подходов к изучению общества, человека и группы; объяснительные принципы философии психологии; детерминация истинности; рефлексия как состояние; философия психологии как учение о живых системах (общество, группа, человек); внутренняя сущность психологических явлений; сущность общения; основания персонализации; отношения субъектного и объектного в переживании; состояние как событийность жизни; инварианты психической организации человека, группы и общества; внутреннее и внешнее в состоянии; причинность в системах общество, группа, человек; интериоризация и экстериоризация в фило - и онтогенезе, в культурогенезе; проблема реальности в философии психологии; становление абстракции как формы знания; проблема осознания; виртуальные состояния; отношение индивидуального и социального; философия психологии как предпосылка психологии; проблема управления и самоуправления состоянием человека, группы, общества; модальность времени в триединстве общества-группы-человека; а также проблемы этики в философии психологии - содержание и объект ответственности; правда и ложь; чувство собственной значительности; и мн. др.

Приведённый для примера фрагмент проблемного поля философии психологии необходим для закрепления общего представления о ней и, по нашему мнению, достаточен для того, чтобы сделать вывод о необходимости разработки философии психологии. Философия психологии (основанная на категории состояния и собственных предметах познания) предпола-

гает открытие таких форм детерминации явлений, которые были недоступны для рефлексии в других формах и на других основаниях.

Со всей очевидностью можно заключить, что новейший период в развитии категориального аппарата философии подготовил рождение философии психологии в отдельный раздел философии, со своими задачами исследования.

Задачи философии психологии. Основной задачей философии психологии является выработка таких представлений о человеке, группе и обществе, которые позволят использовать знания о них как о взаимосвязанных взаимодействующих целостностях, как о живых системах, подверженных не только физическим, но и телеологическим закономерностям. В основе стратегии решения этой задачи, как уже отмечалось, лежит *концептуирующая роль категории состояния.*

Частные задачи определяются категориальным строем философии психологии и всей совокупностью проблем, ею решаемых.

В пределы данной работы входит посильный вклад в разработку проблем философии психологии, как раздела философии. Основное внимание уделяется основным, с нашей точки зрения проблемам. Таким, как категория состояиня и методология, филогенез и онтогенез состояния, становление индивидуального сознания, основания личности как состояния, и др.

Методы философии психологии. В основе методов философии психологии лежат, конечно же, методы философии. Общеметодологические принципы рассуждения и вывода, тем не менее, имеют свою специфику. Эта специфика заключается в особом синтезе, обобщении объяснительных возможностей, заложенных (и в определённой мере раскрываемых нами) в категории состояния в отношении предметов познания философии психологии. Это основной метод данной работы. Посредством этого метода и раскрывается концептуирующая роль концепта состояние, разворачивающегося из некого абсолюта в абстракцию и далее в обобщение феноменов как явлений определённых сущностных сил в формах общества, группы и

человека. Общая методология философии психологии – это во многом дело будущего, здесь же целесообразно отметить основные идеи, используемые нами в качестве объяснительных принципов философии психологии. Так, наряду с известными - детерминизм, развитие, системность - применяются и другие: многоуровневый подход, логика взаимодействия (в противовес дуальности), критериальный подход, информационно-энергетический подход, экзистенциальный подход, а также принцип методологической адекватности, трактуемый нами здесь как возможность использовать любую методологию соответствующую принципу причинности в соответствующей ей сфере познания. В этом качестве отметим несколько наиболее распространённых из современных методологических течений (*Феноменологическая социология, Этнометодология, Прагматизм, Инструментализм, Операционализм, Трансакционная психология, Копенгагенизм, Общая семантика*). В качестве собственно новых (кроме самой категории состояния), выделяемых в данной работе, обяснительных принципов предлагаются: различение *общечеловеческой и индивидуальной линий эволюции*; идея *сфер жизнедеятельности*; *отождествление-разотождествление* (интериоризация-экстериоризация) как основной механизм построения отношений в предметной и психической реальности.

Заключение и выводы

Общее разделение темы состояния на два контекста: философский и контекст философии психологии, позволило подготовить их синтез в раскрытии собственно содержания философии психологии. Эта подготовка заключается, прежде всего, в раскрытии закономерностей отражаемых категорией состояния как одной из основных философских категорий, а так же в определении отношений этих закономерностей с существующим на сегодня использованием, применением категории в частных науках и (в особенности) в психологии. Благодаря такой методологической стратегии мы получили возможность разобраться в смешениях, противоречиях и

упущениях основанных на слабой философской и противоречивой частно-научной проработке категории состояния. В основе же такой стратегии нами была использована посылка того, что именно решение проблемы состояния на философском уровне может позволить методологически подойти к решению этой проблемы на уровне философии психологии.

Прослеживание истории философской и частно-научной мысли позволило выделить несколько основных аспектов использования категории состояния. В *правовом аспекте* категория состояния характеризовала правоспособность лица, уже в древнем Риме были чётко обозначены состояния правоспособности и способы их "умаления". Правовые состояния отличались от состояния человека и делились на устойчивые и неустойчивые. Само слово "status" зачастую так и переводилось – состояние. В *экономическом аспекте* правовое состояние определяет границы экономических отношений, а собственность оказывается физическим воплощением использования человеком своих "правовых состояний" (правоспособность) и "состояния дееспособности" (состояние здоровья, возраст и т.д.), будучи, таким образом, экономическим воплощением состояний человека, его благо-состоянием. В экономическом, как и в других аспектах видно, что состояние характеризуется прежде всего становлением: состояться как профессионалу, накопить состояние и т.д. В *культурологическом аспекте* категория состояния проявляется в статусе человека своего времени, в его "культурном состоянии", задающем образный фон, часто выражаемый во всевозможных формах искусства. Это тот аспект некоего общего состояния человека или даже человечества, который своим становлением, установлением, устоями задаёт стабильность смены состояний человечества. В *политическом аспекте* категория состояния находит выражение в состоянии внешней и внутренней политики, в самом факте политического института как со-стоявшегося феномена. Политический аспект особенно тесно связан с экономическим и социальным. В *социальном аспекте* влияние политики и социального устройства объясняется их высокой динамичностью,

частой обратимостью некоторых состояний (напр., смена и возвращение правящей партии и т.д.). Динамичность социального и политического аспектов оказывается в естественном споре со стабилизирующей ролью культурного аспекта, дифференцирующей ролью правового аспекта, и часто даже с перераспределяющей ролью экономического аспекта. Такое сложное и, чаще всего, противоречивое взаимодействие задаёт некий общий вектор состояния человечества. В социально-политическом аспекте человеку, или субъекту взаимоотношений приходится проходить процесс становления похожий и в интериаризованном виде во многом повторяющий филогенез всего человечества. В своём онтогенезе человек проходит фазы становления цивилизации, чтобы со-стояться в роли, качестве, статусе или иначе говоря – состоянии, а общество целиком – в состоянии общества, социальном состоянии. Таким образом, своим состоянием человек как бы воссоздаёт слепок эпохи и своего времени, воспроизводит его в правовом, дееспособном, экономическом, социальном, политическом, культурном и др. аспектах своего состояния. В сумме, историческое и контекстуальное применение категории состояния создают богатую *множественность контекстов* использования данной категории. Эта множественность проявляется в определениях через категорию состояния (особенно интересен феномен большого количества отрицательных определений, использования категории в функции "чёрного мешка"); в выделении семантически и этимологически заключённых в самой категории системности, тенденциозности, становления, оценочности и описательности, смысловой ёмкости, интенциональности и потенциональности, возможностях и ограничениях. Контекстуальная множественность проявляется и в широком спектре функций категории: обобщение определения, уплотнение смысла, приложение системы ценностей, системная фукнция, смыслообразующая, культурообразующая, целостнообразующая функция, и т.д. Анализ *естественнонаучного использования* категории состояние позволил выделить физический, психофизиологический и психологический аспекты.

В *физическом аспекте* категория используется в определении агрегатных, фазовых, обратимых и необратимых, характеризуемых, прогнозируемых, устойчивых и неустойчивых, равновесных и неравновесных, и др. состояниях, где параметры состояния называются функциями состояния (внутренняя энергия, энтропия, энтальпия, виды свободной энергии и т.д.). В *психиатрическом аспекте* активно изучаются пограничные, девиантные, психологопатологические, адаптивные и др. состояния. В *психофизиологическом аспекте* состояние представлено функциональными состояниями (утомление, монотония, напряженность, различные формы психологического стресса и состояния, вызванные воздействием экстремальных факторов физической природы, и др.). В *психологическом аспекте* категория используется в составе понятия "психического состояния" как содержащего переживание и деятельность, имеющего системообразующую (отношение), а так же субъективные и объективные, характеристики. В психическом состоянии выделяют уровни сознания и самосознания, качество непрерывности и стороны устойчивости и интенсивности; выделяют активационные, тонические, тензионные параметры; функции регулирования, интеграции, системообразования; образования личностных новообразований; ситуативную и трансситуативную составляющие; детерминанты (потребности, желания, стремления), возможности и условия среды, и др. В *философском аспекте* категория состояния практически не разработана. Обобщив изыскания, можно утверждать что категория состояния (сложившись как одна из основных категорий, будучи тесно связанной с сущностью и отношением, впервые у Аристотеля) – это категория познания, характеризующая способность движущейся материи к бытию (состояние вообще) и проявлению в различных формах (состояние вещей) с присущими им существенными свойствами и отношениями, а также характеризующая взаимодействие наблюдаемого и наблюдателя как целостную систему. С помощью категории состояния выражается бытие и становление вещей и явлений. Состояние служит интегральной характеристикой систем. Через понятие со-

стояния определяются исходные принципы и понятия теории информации и кибернетики. В категории состояние заложены: временной аспект, аспект взаимодействия, связи (напр. взаимосвязь – это состояние взаимодействия (В.Н. Сагатовский, 150)), относительность, преемственность, описательная универсальность, и др. аспекты. В данной категории находят свой диалектический синтез и новое выражение: восприятие и воздействие (как стороны взаимодействия характеризуемого состоянием); изменчивость и устойчивость (способности состояния); описание и оценка (как формы отношения состояния наблюдателя к феномену); индивидуальная и общечеловеческая линии эволюции (определяющие статус человека как самостоятельной эволюционной единицы или только элемента оной, соответственно); внешнее и внутреннее (как необходимо присутствующие в содержании состояния как взаимодействия); наблюдатель и наблюдаемое (состояние системы не может существовать вне связи с наблюдателем, её состояние тогда не вычленяется из состояния вообще); состояние человека и состояние человечества (как целостностей разного порядка); доступность и недоступность (характеристики состояния системы по критерию силы, присущей системе); постоянство и вариативность (характеристики основного содержания состояния по критерию динамичности); телеологичность и причинность (как субъективные и объективные детерминанты состояния); знак, значение, значимость (составные механизма интерио-экстериоризации состояния); смысл и соглашение (соотношение индивидуального и социального в состоянии); и др. Вся содержательность категории и её отношения с другими философскими категориями позволили открыть данную категорию как философский концепт, обладающий становлением (следовательно, историей) и выражающий, фиксирующий становление человечества. Выделенная же сверхконцептуальность категории состояния, позволяющая говорить о состоянии концепта вообще, о состоянии сущности, об отношении состояния и бытия, состояния и субстанции, состояния и реальности,

состоянии вещей и соостоянии вообще, и т.д., даёт возможность признать концепт состояние как "метаконцепт".

Обозревая содержательность концепта состоние, подытожим и саму реализацию концептуирующей роли концепта состояние в поиске предельных оснований психологии. Прежде всего категория позволила выделить основания философии психологии, а затем – цели, задачи, методы и проблемное поле философии психологии

Итак, ссылаясь на поставленные нами во введении цель и задачи, проследив историю использования категории состояния в философии и частных науках, в представленной нами палитре аспектов, а так же реализовав концептуирующую роль концепта состояния в обосновании философии психологии и самом поиске предельных оснований психологии, можно сформулировать следующие выводы:

I. Понятие "состояние" является одной из основных (наряду с сущностью, отношением, движением и др.) философских категорий, с длительной историей, но (до настоящего времени) категорией "интуитивной", т.е. без чёткого осмысления и специального определения отношений этой категории с другими.

II. В настоящее время развитие философии и конкретных наук подготовило основания для специальной философской разработки категории состояния. Эти основания (показанные в работе: противоречивое использование категории в различных отраслях знания; слабая философская разработанность категории состояния; высокая актуальность систем знаний, развитие которых связано с проработкой категории состояния, например, "психологии состояний" в психологии; существенное общеметодологическое значение философской разработки категории и др.) создали к концу 20 века острую, реальную необходимость философской рефлексии категории состояния.

III. Осуществлённая в данной работе философская разработка категории состояния позволила раскрыть содержание этой категории, её отношения с другими основными философскими категориями, а также позволила открыть категорию состояния как философский концепт и, даже, "метаконцепт".

IV. Философская проработка категории состояния имеет общеметодологическое значение. Конкретизированная в работе концептуирующая роль категории состояния позволила установить и обосновать проблему философских оснований психологии, увидеть её историческую и познавательную значимость. Концептуирующая роль категории состояния позволила так же выделить сами основания философии психологии как условного раздела философии, направленного на поиск философских оснований психологии.

V. Определены предмет, задачи и методы философии психологии. Через определение проблемного поля философии психологии расставлены приоритеты дальнейших исследований, а через введение новых объяснительных принципов – принципиальные линии описания и оценки рассматриваемого и выявляемого содержания.

Обобщая выводы можно сказать, что проведённый анализ категории состояния как философского предмета познания, концепта, а так же осуществлённая, начальная разработка общеметодологических проблем философии психологии, говорит о триединой системе общество-группа-человек, как о системе, достаточно полно характеризуемой философской категорией состояния. Можно заключить, что предпринятая нами, по замыслу работы, попытка воплощения в знании дополнительных объяснительных возможностей, которые несёт с собой использование категории состояния в познании человека, группы и общества, оказалась соответствующей цели и задачам исследования.

Список использованной литературы

1. Аболин Л.М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека // Казань, Изд-во Казанского Ун-та, 1987, 262с.
2. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства // Ростов-на-Дону, Изд-во "Феникс", 1997, 576с.
3. Анатомия мудрости: 120 философов // Сост. П.С. Таранов, В 2-х т. Т.I., Симферополь, Реноме, 1997, 624с.
4. Анатомия мудрости: 120 философов // Сост. П.С. Таранов, В 2-х т. Т.II., Симферополь, Реноме, 1997, 623с.
5. Аристотель. Метафизика // Серия "выдающиеся мыслители", Ростов-на-Дону, "Феникс", 1999, 608с.
6. Аскольдов С.А. Время и его преодоление // М., Мысль, 1922. № 3. С.80-83.
7. Афоризмы старого Китая // Перев. с китайского В.В. Малявина, Изд. 2-е, испр. М., Наука, Главная ред.восточ.литер., 1991, 79с.
8. Бах Р. Бегство от безопасности // Киев, София, 1998, 250с.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества // М., Искусство, 1979, 424с.
10. Бергсон А. Философская интуиция // Новые идеи в философии, Сб. №1, Философия и её проблемы, СПб., 1912. С.1-18.
11. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Философия свободного духа. М., 1994. С.230-240.
12. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры // М., Прогресс, 1988, 300с.
13. Берн Э. Трансакционный анализ и психотерапия // СПб., Изд-во "Братство", 1992, 224с.
14. Берталанфи Л. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. М., 1969. С. 41-42.
15. Бехтерев В.М. Гипноз, внушение, телепатия // М., Мысль, 1994, 364 с.
16. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов // Воронеж, НПО "МОДЭК", 1995, 640с.
17. Борко Т.И. Картина мира в культурах с шаманским мировоззрением // Автореферат на соис. уч. степ. канд. филос. наук. Тюмень, 1999, 23 с.
18. Брес И. Генезис и значение психологии // Современная наука: познание человека. М., Наука, 1988. С.123-140.
19. Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке // М., 1962. С.31-35, 40-41.
20. Ватсьяяна Малланага. Камасутра // Пер. с санскр., вступ. ст. и коммент. А.Я. Сыркина. М., Наука, Изд-я фир. "Восточная Литература", 1993, 181с.
21. Веккер Л.М. Психические процессы: [в 3 - х т.] т. 1. // Высшая нервная деятельность, психология, Изд-во ЛГУ, 1974, 334с.
22. Веккер Л.М. Психические процессы: [в 3 - х т.] т. 2. // Психика, мышление, Изд-во ЛГУ, 1976, 342с.
23. Веккер Л.М. Психические процессы: [в 3 - х т.] т. 3. // Субъект, переживание, действие, сознание, психика, Изд-во ЛГУ, 1981, 326с.
24. Великие философы: Учебный словарь-справочник // Сост. Л.В. Блинников. М., Изд. корп. Логос, 1998, 432с.
25. Виндельбанд В. Избранное. Дух и история // М., 1995. С.22-58.

26.Виндельбанд В. Что такое философия? (О понятии и истории философии) // Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904. С.1-44.
27.Винер Н. Кибернетика и общество // М., 1958. С.43-58.
28.Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики // М., 1988. С.38-43.
29.Ганзен В.А. Системные описания в психологии // Л., 1984. С.126-142 (см. так же С.60-72: Психические состояния // (Хрестоматия) Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова, СПб., Издательство "Питер", 2000, 512с.
30.Ганзен В.А. Юрченко В.Н. Системный подход к анализу, описанию и экспериментальному исследованию психических состояний человека // Психические состояния, под ред. А.А. Крылова, Л., 1981 (Экспер. и прикл. психология, Вып. 10).
31.Гегель Г.В.Ф. Наука логики // М., 1970. Т.I. С.170, 466-467.
32.Гегель Г.В.Ф. Наука логики // М., 1971. Т.II. С.68-69.
33.Гегель Г.В.Ф. Отношение философии к другим областям // Соч.Т.IX, Лекции по истории философии. М., 1932. С.61-90.
34.Годфруа Ж. Что такое психология // В 2-х т. Т.1. Пер. с фр. М., Мир, 1996, 496с.
35.Годфруа Ж. Что такое психология // В 2-х т. Т.2. Пер. с фр. М., Мир, 1996, 376с.
36.Гольбах П.А. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного // М., 1940. С.7-9, 18, 35-36, 147.
37.Григорьев В.М., Мякишев Г.Я. Силы в природе // 7-е изд. М., Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1988, 448с.
38.Грин Н., Стаут У., Тейлор Д. Биология: В 3 - х т. // Под ред. Р. Сопера, Б.М. Медникова, А.А. Нейфаха. М., Мир, 1990, т. 1 - 368 с., т. 2 - 325с., т. 3 - 376с.
39.Грицюк О.Й., Амосова К.М., Грицюк И.О. Практическая гемостазиология // Киев, Здоров,я, 1994, 256с.
40.Грот Н.Я. Философия как ветвь искусства // Философия и её общие задачи. СПб., 1904. С.27-31.
41.Грязнов А.Ф. Проблема ментальных понятий в западной философии психологии // Психологический журнал 1996. т.17 Вып. 4. С. 4 - 16.
42.Гурджиев Г.И. Встречи с замечательными людьми // М., Летавр, 1994, 288с.
43.Гуссерль Э. Философия как строгая наука // М., Логос, 1911, Кн.1. С.2-56.
44.Давыдов В.В. Психологический словарь // 1996, 564с.
45.Данилова Н.Н. Психофизиологическая диагностика функциональных состояний // М., МГУ, 1989, 237с.
46.Делёз Ж. Логика смысла // М., "Раритет", Екатеринбург, "Деловая книга", 1998, 472с.
47.Делёз Ж. Различие и повторение ТОО ТК "Петрополис", 1998, 384 с.
48.Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? // Пер. с фр. С.Н.Зенкин, СПб., Изд-во "Институт экспериментальной социологии", Изд-во "Алетейя", 1998, 300с. (http:/www.uic.ssu.samara.ru/~kant/filosof.htm)
49.Дерябин В.М., Борисенко В.Е. Курс физики для химиков // Учебное пособие, Изд-во Краснояр. ун-та, 1991, 696с.

50. Донских О.А. Кочергин А.Н. Античная философия. Мифология в зеркале рефлексии // М., Изд-во МГУ, 1993, 240с.
51. Доценко Е.Л. Не будь попугаем // Тюмень, 1994, 107с.
52. Доценко Е.Л. Психология манипуляции // МГУ, 1996, 343с.
53. Жизнь - как она возникла? Путём эволюции или путём сотворения? // Издательство WATCHTOWER BIBLE AND TRACT SOCIETY OF NEW YORK, INC. INTERNATIONAL BIBLE STUDENTS ASSOCIATION, Brooklyn, New York, U.S.A., 1992, 256с.
54. Завьялов А.В. 1990.
55. Зарайский Д.А. Управление чужим поведением. Технология личного влияния // Дубна, издательский центр "Феникс", 1997, 272с.
56. Захаров А.И. Неврозы у детей и подростков // Л., Медицина, 1988, 248с.
57. Зиммель Г. Сущность философии // Сб. "Вопросы теории и психологии творчества" Т. VII. Харьков, 1916. С.234-261.
58. Ивин А.А. Искусство правильно мыслить // М., Просвещение, 1986, 224с.
59. Ивин А.А. Основы теории аргументации: Учебник // М., Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 1997, 352с.
60. Ильин Е.П. Оптимальные состояния человека как психофизиологическая проблема // Психологический журнал, 1981. Т.2., № 5.
61. Ильин Е.П. Психофизиология физического воспитания: деятельность и состояния // М., 1980.
62. История философии в кратком изложении // Пер. с чеш. И.И. Богута. М., Мысль, 1991. С.521-522.
63. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов. М., 1989. С.223-267.
64. Кант И. Критика чистого разума // Пер. с нем. Н. Лосского, Мн., Литература, 1998, 960с.
65. Кант И. Логика – Трактаты и письма // М., 1980. С.331-334.
66. Каплан Г.И., Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия // Т.1. М., Медицина, 1994, 671с.
67. Кардаш С. Изменённые состояния сознания // Серия "Психология", Д., Сталкер, 1998, 416с.
68. Кастанеда К. т. 1 Учение дона Хуана // Киев, "София", 1995, 200с.
69. Кастанеда К. т. 2 Отдельная реальность // Киев, "София", 1995, 223с.
70. Кастанеда К. т. 3 Путешествие в Икстлан // Киев, "София", 1995, 239с.
71. Кастанеда К. т. 8 Сила безмолвия // Киев, "София", 1995, 247с.
72. Каструбин Э.М. Трансовые состояния и "поле смысла" // М., "КСП", 1995, 288с.
73. Кемпински А. Психопатология неврозов // Варшава, Польское мед. изд., 1975, 400с.
74. Конюхов Н.И. Словарь-справочник практического психолога // 1996, 257с.
75. Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения // М., ЗАО Изд-во ЭКСМО-Прес. Харьков, Изд-во "Фолио", 1998. – 958 с.
76. Кризис современной цивилизации: выбор пути: сборник обзоров // Отв. ред. Гиренок Ф.И. М., ИНИОН, 1992, 124 с.
77. Куликов Л.В. Психология настроения // СПб., 1997 (см. так же С.30, 11-42: Психические состояния // (Хрестоматия) Сост. и общ. ред. Л.В. Ку-

ликова, СПб., Издательство "Питер", 2000, 512с.).
78. Куликов Л.В. Психология настроения // СПб., 1999.
79. Кунц Д. Сочинения. Призрачные огни // М., Новости, 1994, 430с.
80. Кьелл Э.Р. Групповая психотерапия: психокоррекционные группы: Теория и практика // 1990, 326с.
81. Лаберж С. Практика осознанного сновидения // Киев, София, 1995, 300с.
82. Лебедев В.И. Психология и управление // М., Агропромиздат, 1990, 176с.
83. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека // М., 1964. С.18-21;34-35 (см. так же С.44-47: Психические состояния // (Хрестоматия) Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова, СПб., Издательство "Питер", 2000, 512с.).
84. Лёвкин В.Е. Управление состоянием людей: И голос их сладок – да речи не чисты: Свидетели Иеговы в Тюмени // Тюмень, Инф.-изд. экологический центр "Исток", журн. "Синильга", № 3, 2000. С.38-41.
85. Лёвкин В.Е. Психические состояния. Управление психическими состояниями // Дипломная работа, Тюмень, ТГУ, ВПШ, 1997, 120с.
86. Лёвкин В.Е. Управление психическими состояниями (в аспектах построения модели управления психическими состояниями и изучения психофизиологических параметров людей, находящихся в различных психогенных состояниях) // Дипломная работа, Тюмень, ТГУ, Биологический факультет, 1997, 106с.
87. Лейбин В.М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия // М., Политиздат, 1990, 397с.
88. Лейбниц Г.В. Монадология // Сочинения в четырёх томах. М., 1982. Т.I. С.418-419.
89. Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека // М., 1984.
90. Леонтьев Д.А. Значение и личностный смысл: две стороны одной медали // Психологический журнал 1996. т.17 Вып. 5. С.19 - 26.
91. Леонтьев А.Н. Философия психологии // Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. Изд-во Моск. ун-та, 1994, 228с.
92. Логический словарь: ДЕФОРТ // Под ред. А.А. Ивина, В.Н. Переверзева, В.В. Петрова. М., Мысль, 1994. 268с.
93. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Избранные философские произведения в двух томах. Т.I. М, 1960. С.153-162.
94. Ломоносов М.В. Избранные философские произведения // М., Госполитиздат, тип. "Печ. двор" в Лгр., 1950, 579с., (С.480-481).
95. Лосев А.Ф. Логика смысла // Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С.247-254.
96. Лосский Н.О. История русской философии // Предисл. и коммент. В.А. Кувакина, М.А. Маслина. М., Высш. шк., 1991, 559с.
97. Луценко Е. В. Магнит грядущего // НПП “Эйдос”, Красн-р, 1991, 80с.
98. Луценко Е. В. Магнит грядущего // НПП “Эйдос”, Красн-р, 1992, 100с.
99. Луценко Е.В. Беседы об искусстве превращения жемчуга в алмаз // НПП “Эйдос”, Краснодар, 1994, 135с.
100. Луценко Е.В. Беседы об искусстве превращения жемчуга в алмаз // НПП “Эйдос”, Краснодар, 1996, 230с.
101. Луценко Е.В. Мастеру, звезда которого светит из будущего (беседы

об искусстве превращения жемчуга в алмаз) // НПП "Эйдос", Краснодар, 1997, 240с.
102. Маккена Т. Пища Богов // Пер. с англ. Р.К. Сергачева. М., Изд-во Трасперсонального Института, 1995, 379с.
103. Малинин В.А. Владимир Сергеевич Соловьёв. Мыслитель, гуманист, правдоискатель // Монография. М., 1998, 193с.
104. Мамчур Е.А. Отечественная философия науки: предварительные итоги // Е.А. Мамчур, Н.Ф. Овчинников, А.П. Огурцов. М., Российская полит. энциклопедия, 1997, 360с.
105. Матова А.А. Комплексные исследования психических состояний человека в индивидуальной и групповой деятельности // Вопросы психологии, 1973, № 4.
106. Махнач А.В. К проблеме соотнесения динамических психических состояний и стабильных свойств личности // Психологический журнал, 1995. Т.16, №3. С.35-43.
107. Махнач А.В. Компонентный анализ психического состояния человека в особых условиях деятельности // Психологический журнал, 1991. Т.12, №1. С.66-65.
108. Миллмэн Д. Путь воина // Киев, София, 1997, 355с.
109. Минаков В.Б. Философский анализ здравого смысла // Автореферат на соис. уч. степ. кандид. филос. наук, Тюмень, 1988, 16 с.
110. Минделл А. Лидер как мастер единоборства (введение в психологию демократии) часть 1 // М., Институт психологии РАН, 1993, 88с.
111. Минделл А. Лидер как мастер единоборства (введение в психологию демократии) часть 2 // М., Институт психологии РАН, 1993, 74с.
112. Многоликая философия // Сост. П.С. Таранов, В 2-х т. Т.I., Донецк, Сталкер, 1998, 464с.
113. Многоликая философия // Сост. П.С. Таранов, В 2-х т. Т.II., Донецк,Сталкер, 1998, 432с.
114. Монтень М. Опыты. Избранные главы // Пер. с фр., сост. и вступ. ст. Г.К. Косикова, примеч. Н. Мавлевич. М., Правда, 1991, 656с.
115. Мухин К.Н. Занимательная ядерная физика // Изд. второе. М., Атомиздат, 1972, 296с.
116. Мышляев С. Ю. Гипноз // С-П., ТОО Респекс, 1994, 335с.
117. Мясищев В.Н. Психические состояния и отношения человека // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. Бехтерева, СПб., 1996, №1. С.8-14 (см. так же С.52-60: Психические состояния // (Хрестоматия) Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова, СПб., Издательство "Питер", 2000, 512с.).
118. Немчин Т.А. Состояния нервно-психического напряжения // Л., 1983. С.8-11 (см. так же С.47-52: Психические состояния // (Хрестоматия) Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова, СПб., Издательство "Питер", 2000, 512с.).
119. Нерсесянц В.С. Сократ // М., Изд-я группа ИНФРА-М, НОРМА, 1996, 312с.
120. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Соч. в двух томах. Т.II. М., 1990. С.242-401.
121. Носенко Э.Л. Эмоциональное состояние как опосредующий фактор

влияния самооценки на эффективность интеллектуальной деятельности подростка // Психологический журнал, 1998, №1.
122. Овчаренко В.И. Психоаналитический глоссарий // М., 1994, 234с.
123. Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности // М., Просвещение, 1991, 287с.
124. Основы психофизиологии: Учебник // Отв. ред. Ю.И. Александров. М., ИНФРА-М, 1997, 432с.
125. Основы современной философии. Учебник для высших учебных заведений // СПб., Лань, 1997, 304с.
126. Павлов А.В. Необычайное: (Опыт индивидуального осмысления действительности) // Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 1993, 176с.
127. Пантина Н.С. Становление интеллекта в дошкольном детстве // М., РОССПЭН, 1996, 272с.
128. Паршин А.Н. Размышления над теорией Геделя // Вопросы философии №6. М., Институт философии РАН, Наука, 2000, 159 с. (С.93-107).
129. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии // М., ИНФРА-М, 1999, 528с.
130. Петровский В.А. Личность в психологии // Ростов-на-Дону, Феникс, 1996, 512с.
131. Платон. Диалоги // Пер. с древнегреч., сост., ред. и авт. вступ. статьи А.Ф. Лосев. М., Изд. "Мысль", 1998, 607с.
132. Политцер Ж. Избранные философские и психологические труды // Пер. с фр., общ. ред. и предисл. Л.И. Анцыферовой и В.Н. Кузнецова. М., Прогресс, 1980, 374с.
133. Пономарев Я.А. О понятии психический механизм решения творческих задач // Психологический журнал, 1996, т.17 Вып. 6. С. 19 - 27.
134. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги // М., 1992. Т.II. С.259-264.
135. Прибрам К.Х. Языки мозга (экспериментальные парадоксы и принцыпы нейропсихологии) // Под ред. А.Р. Лурия. М., Прогресс, 1975.
136. Пригожин И. Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог "Человека с природой" // М., 1986. С.34-37, 47-50, 53-61, 65-66, 357, 363.
137. Прохоров А.О. Неравновесные (неустойчивые) психические состояния // Психологический журнал, 1999, №2. С.115-124.
138. Прохоров А.О. Психические состояния и их функции // Казань, 1994.
139. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний // М., 1998. С.9-24 (см. так же С.83-91: Психические состояния // (Хрестоматия) Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова, СПб., Изд-во "Питер", 2000, 512с.).
140. Прохоров А.О. Функциональные структуры психических состояний // Психологический журнал, 1996, т.17 Вып. 3. С. 9 - 17.
141. Психические состояния // (Хрестоматия) Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова, СПб., Издательство "Питер", 2000, 512с. (С.7, 9, 11, 22, 15, 27, 64, 13, 14, 12, 14, 13, 27-28, 28, 31, 36-37)
142. Психологический словарь // Под ред. Зинченко, Мещерякова. М., 1994, 564с.
143. Психология эмоций. Тексты // Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М., Изд.-во Моск. ун-та, 1993, 304с.
144. Пути за пределы Эго: трансперсональная перспектива // Под ред. Р.

Уолша и Ф. Воон. М., Изд-во Трансперсонального института, 1996, 300с.
145. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы // Пер. с англ., К., Ника-Центр, 1997, 560с.
146. Риккерт Г. О понятии философии // М., Логос, 1910, Кн.1. С.19-61.
147. Римское частное право: Учебник // Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. М., Юристъ, 1997, 544с.
148. Романенко И.М. О природе первичной установки (школа Д.Н. Узнадзе) // Автореферат дисс. на соис. уч. степ. канд. псих. наук. М., 1993, 21с.
149. Русская философия: Словарь // Ст. «Психологическая мысль». М., Республика, 1995. С.400-405.
150. Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий // Томск, Изд-во Томского ун-та, 1973, 431с.
151. Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? // СПб., 1994. С.6-213.
152. Салливан У. Тайны инков: Астрономия и Война со Временем // М., Вече, 1998, 512с.
153. Самченко В.Н. Связь и свобода: эволюция связи в природе и обществе: Автореферат на соис. уч. степ. докт. филос. наук. Тюмень, 1996, 27 с.
154. Сартр Ж.-П. Марксизм и экзистенциализм // Вестник МГУ. Философия, 1990, № 6. С.55-63.
155. Свечников Г.А. Категория причинности в физике // Изд-во социально-экономич. лит. М., 1961, 245с.
156. Слободяник А.П. Психотерапия, внушение, гипноз // Киев, Здоров'я, 1982, 376с.
157. Смирнов И.Н. Человек: философское понимание и объяснение // Современная наука: познание человека. М., Наука, 1988. С.15-31.
158. Смирнов С. Самоопределение // М., 1990, 224 с.
159. СмирновС.Практическое мировоззрение.Стратегия реализации // М., 1990, 221с.
160. Современная наука: познание человека // По материалам франко-советского семинара, Париж, 1986г. Отв. ред. И.Н. Смирнов. Наука. М., 1988, 204с.
161. Согомонов А.Ю. Средний класс принимает жизнь такой, какая она есть. Принимает как единственно возможную // Ст. в сб.: Этос среднего класса. Ведомости, Вып. 14, Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова, Тюмень, НИИ ПЭ, 1999. С.44-53 (160с.).
162. Социология и социальная антропология // Межвуз. сб., под ред. В.Д. Виноградова, В.В. Козловского, СПб., "Алетейя", 1997, 433с.
163. Спиноза Б. Этика // Избранные произведения в двух томах. Т.I. М., 1957. С.361-362, 403.
164. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание // М., Политиздат, 1972, 303с.
165. Стернберг Р. Триархическая теория интеллекта // Иностранная психология, 1996. Вып. 6. С. 20 - 29.
166. Струве Г. Отличительные черты философии и их значение в сравнении с другими науками // Варшава, 1872. С.5-15, 18-20.
167. Судаков К.В. Информационный принцип работы мозга // Психологический журнал, 1996, т.17 Вып. 1. С. 110 - 127.

168. Трофимов В.К. Сущностные силы души русского народа // Ижевск, Шен, Ижевская госуд. сельскохоз. академия, 1998, 47с.
169. Трубецкой Е.Н. Мировая бессмыслица и мировой смысл // Смысл жизни. М., 1994. С.25-52.
170. Тхостов А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вест. Моск. ун-та, сер.14, психология, 1994, № 2. С.3-12.
171. Тхостов А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вест. Моск. ун-та, сер.14, психология, 1994, № 3, (продолжение) С.3-12.
172. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии // М., 1990. С.105-605.
173. Узнадзе Д.Н. Теория установки // Под ред. Ш.А. Надирашвили и В.К. Цаава. М., Издательство "Институт практической психологии". Воронеж, НПО "МОДЭК", 1997, 448с.
174. Уилсон Р.А. Квантовая психология // Пер. с англ., под ред. Я. Невструева, К., Янус, София, 1999, 224с.
175. Уилсон Р.А. Психология эволюции // Пер. с англ., под ред. Я. Невструева, К., Янус, 1998, 304с.
176. Управляемое формирование психических процессов // Под ред. Гальперина П.Я. М., МГУ, 1977, 248с.
177. Физиология человека // Под ред. Г.И. Косицкого. М., Медицина, 1985, 544с.
178. Философия: Учебник // Под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной, В.П. Филатова. М., Русское слово, 1996, 432с.
179. Философский словарь // Под ред. Фролова И.Т. М., Изд-во полит. литер., 1986, 590с.
180. Философский энциклопедический словарь // Ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М., ИНФРА-М, 1997, 576с.
181. Философский энциклопедический словарь // Свечников Г.А., ст. Причинность и связь состояний в физике. М., 1971.
182. Фрай М. Власть несбывшегося // СПб., Азбука, 1998, 416с.
183. Франк С.Л. Конкретное бытие и живое знание // Предмет знания. Об основах и пределах отвлечённого знания. В кн. Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995. С.351-357, 359-364.
184. Франк С.Л. Смысл жизни // Педагогическое наследие русского зарубежья. 20-е годы. М., 1993. С. 12-23, 31-36.
185. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник // Пер. с англ. и нем., общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М., Прогресс, 1990, 368с.
186. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции // Авторы очерка о Фрейде Ф.В. Бассин и М.Г. Ярошевский. М., Наука, 1991, 456с.
187. Фрейд З. Психология бессознательного // Новосибирск, "РИФплюс", 1997, 551с.
188. Хазен А.М. О возможном и невозможном в науке, или где границы моделирования интеллекта // М., Наука, гл. ред. физ.-мат.лит., 1988, 384с.
189. Хайдеггер М. Время и бытие // Разговор на просёлочной дороге. М., 1991. С.81-86.
190. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности // СПб., Питер, 1997, 608с.
191. Человек и общество: Краткий энциклопедический словарь-

справочник (политология) // Отв. ред. Ю.С. Борцов, науч. ред. И.Д. Коротец, Ростов-на-Дону, Феникс, 1997, 608с.
192. Чирков В.И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека // Вопросы психологии 1996. Вып. 3. С. 116 - 124.
193. Что такое просветление? // Под ред. Джона Уайта. Пер. с англ. А. Дегтярева, И. Нежинского и А. Ригина. М., Изд-во Трансперсонального Института, 1996, 326с.
194. Шлик М. Поворот в философии // Аналитическая философия, избр. тексты, сост. А.Ф. Грязнов. М., 1993. С.28-33.
195. Шопенгауэр А. О четвёртом корне... Мир как воля и представление Т.I. Критика кантовской философии // М., 1993. С. 131-132, 376-379.
196. Шопенгауэр А. Под завесой истины // Сб. произведений, Симферополь, "Реноме", 1998, 496с.
197. Щербатых Ю.В., Ивлева Е.И. Психофизиологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобий // Воронеж, 1998, 282с.
198. Щербинин М.Н. Горизонты России: литература, философия и жизнь // Тюмень, ТГУ, с.н.т. № 1. "Взаимопонимание культур", 1998. С.17-24
199. Юм Д. Сочинения // М., 1965, Т.II. С.469.
200. Юнг К.Г. Aion // Пер. с англ., лат. М., "Рефл-бук". К., "Ваклер", 1997, 336с.
201. Юнг К.Г. Алхимия снов. Четыре архетипа // Изд-во "Timothy", СПб., 1997, 350с.
202. Юнг К.Г. Душа и миф: Шесть архетипов // М., К., ЗАО "Совершенство", "Port-royal", 1997, 384с.
203. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М., 1991. С.39-97.
204. Bronish T. // Fortsch. Neurol. Psychiat, 1990, Vol.58, N2, P.98-113.
205. Clapared E. Feelings and emotions // Feelings and emotions. The Wittenberg symposium, Worcester, 1928.
206. Clayton P.S. // J. Clin. Psychiatry, 1990, Vol, 51, Suppl. II, P.35-39.
207. Devidson R., Schwartz G., Saron C. et al. Frontal versus parietal EEG asymmetry during pozitive and negative affect // Psychophysiolodgy, 1979, Vol.6, N2, P.202-203.
208. Hayes N. Principles of social psychology // Hove, Hillsdale: Lawrence Erlbaum Ass., 1993, 168p.
209. Hilgard E.R. a.o., Introduction to psychology // N.Y., 1972, 250p.
210. Kohut, H. The Analysis of the Self: A Systematic Approach to the Psychoanalytical Treatment of Narcissistic Personaliti Disordes, N-Y: International Universities Press, 1971.
211. Watts A.W. The way of Zen. // Harmondsworth, 1978, 252p.